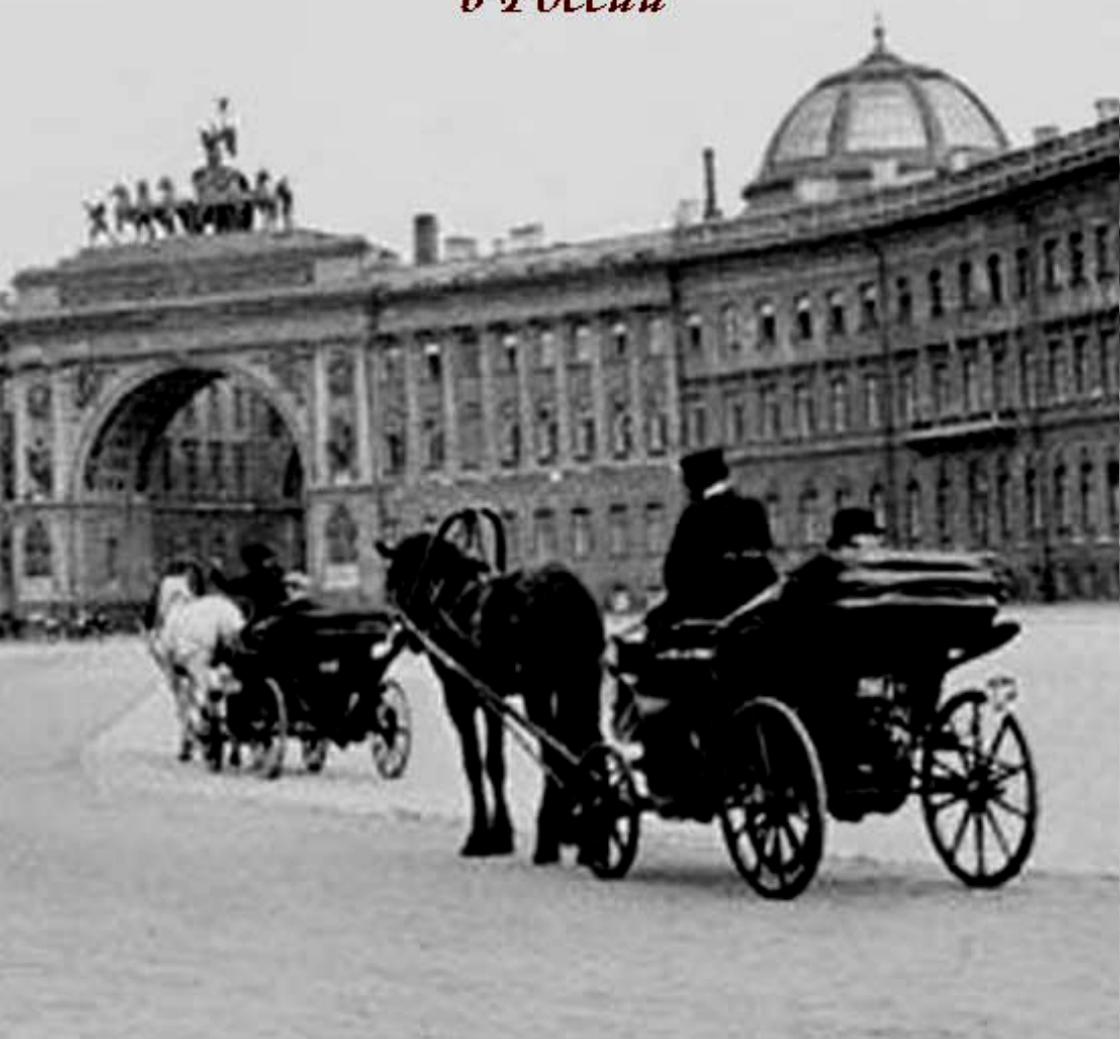

П. Орловец

**Приключения
Шерлока Холмса**
против Ната Пинкертона
в России

НОВАЯ ШЕРЛОКИАНА

I

Salamandra P.V.V.

П. Орловец

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ШЕРЛОКА ХОЛМСА**

**против Ната
Пинкертона
в России**

Salamandra P.V.V.

Орловец П.

Приключения Шерлока Холмса против Ната Пинкертона в России. Предисл. А. Шермана. – Б. м.: Salamandra P.V.V., 2011. – 177 с., илл. – PDF. – (Новая шерлокиана, Вып. I).

Мало кому известно, что Шерлок Холмс и его верный спутник доктор Уотсон боролись с преступниками не только в Англии и Западной Европе, но и в далекой России. Здесь, на заснеженных просторах империи, Шерлоку Холмсу предстоит померяться силами с прославленным американским детективом Натом Пинкертоном!

Российские расследования Шерлока Холмса – в книге писателя и журналиста П. Орловца (П. П. Дудорова) «Шерлок Холмс против Ната Пинкертона в России», впервые изданной в 1909 г.

Этой книгой наше издательство открывает серию «Новая шерлокиана». В нее войдут книги о знаменитых детективах, которые соперничали в свое время в популярности с Шерлоком Холмсом, шерлокианские статьи и материалы и, конечно, истории о новых приключениях великого сыщика.

П. ОРЛОВЕЦЪ.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ

Шерлока Холмса

ПРОТИВЪ

Ната Тинкертонна

ВЪ РОССІИ

МОСКВА

Типографія Вильде, Малая Кисловка, соб. домъ.

1909.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

против Ната
Пинкертона
в России

ШЕРЛОК ХОЛМС П. ОРЛОВЦА

Мя П. Орловца (Петра Петровича Дудорова, 1872 – после 1929) ныне почти забыто, и помнят его разве что завзятые шерлокианцы либо любители старой фантастики. Немногое известно и о его жизни: от этого плодовитого низового беллетриста начала минувшего века остались лишь книги и скудные строки в энциклопедиях. Из них мы узнаем, что П. Орловец сотрудничал в газетах, подписывал свои праведные труды также П. П. Антонов-Орловец, П. Антонов и П. Дудоров, работал буквально во всех жанрах – писал детские сказки, бульварные романы, путевые заметки... Разнообразие его дарований потрясает воображение: из-под пера Орловца с равной легкостью выходили, скажем, «Дедушкины рассказы про птиц» (1909) и «Избранные русские сказки» (1913-15), повесть «из быта исландских рыбаков» под названием «Дочь волны» и «сенсационный роман» в двух частях «“Три героя”: Лбов, Савицкий и Азеф» (1910), исторические книги «Друг народа боярин Артамон Матвеев» (1911), «Первый русский печатник Иван Федоров. Исторический рассказ из времен царя Ивана Васильевича Грозного» (1912) и «рассказ из запорожской старины» «Праведный старец» (1912), повесть «Два таланта» (1909) и очерки «В лесах» (1910), «В горах» (1910) и «По Туркестану» (1911), книга «В стране марионеток. Воспоминания об Японии» (1904) и «Мурка (История одной кошки)» (1912).

Мы перечислили только небольшую часть сочинений Орловца – их наберется еще не один десяток, хотя по большинству это тоненькие книжки, выходившие в Москве в издательстве М. В. Клюкина. Писательская всеядность помогла Орловцу и после революции: в его библиографии, среди прочего, значится сборник стихов «Даешь крестьянам самолет» (1925), книжки «Под сенью домны» (1924), «Ваня-металлист» (1924), «Стеклянная куколка» (1924), «Чудес-

ная искра» (1924), «Под небом над республикой» (1925), «Паровозы на дыбы» (1925), «Петькина книга (История книгопечатания)» (1925) и т.д. Многие из них относились к распространенному в те годы жанру «производственной литературы» для детей и знакомили маленьких читателей с представителями различных профессий.

Терзаемый любопытством следопыт может узнать, что Орловец был корреспондентом либеральной ежедневной газеты «Русь» на русско-японской войне, в боях под Ляояном получил тяжелую контузию и был отправлен в госпиталь, в 1910-х гг. редактировал пятигорскую газету «Кавказский край», в 1907-1915 гг. сотрудничал во множестве периодических изданий: «Современная Русь», «Раннее утро», «Юная Россия», «Историческая летопись» и пр., в 1920-х годах публиковался в юмористических журналах (последние его публикации, судя по всему, появились в «Журнале для всех» в 1929 г.).

По иронии судьбы, Орловец остался в истории вовсе не благодаря журналистской поденщине или рассказам для детей, но благодаря тем книгам, от которых в гневе отворачивались просвещенные читатели дореволюционной России. «Пресловутый Орловец», как именовали писателя в некоторых советских изданиях, стоял у истоков русской шерлокианы, а также русской и советской фантастики XX в. В научно-фантастическом романе «Клады великой Сибири», изданном в 1909 г., он рассказал о необычайном летательном аппарате и приключениях его изобретателя и экипажа, сражающихся с японцами. Но еще раньше Орловец обратился к «криминальному чтиву» – и как раз вовремя.

Только в мае 1908 г., как сообщила газета «Раннее утро» со ссылкой на «Книжную летопись», было «выпущено в продажу “Похождения Шерлока Холмса” – 260 300 экзempl., “Похождения Ната Пинкертонa” – 190 000, “Похождения Путилова” – 117 000, “Похождения Ника Картера” – 83 000, “Похождения сыщика-женщины” – 65 000, “Похождения сыщиков всего мира” – 18 000, “Похождения Мелиса” – 5 000, “Похождения Гринведа” – 5 000, а всего в мае выпущено в продажу макулатуры о сыщиках 743 300

экземпляров». С 20 декабря 1908 по 7 января 1909 г., по сведениям «Русского слова», «выпущено было в продажу следующее количество сыщицкой литературы: приключений Шерлока Холмса – 28 000 экземпляров, Нат Пинкертона – 50 000, Ник Картера – 22 000».

Орловец и многие другие узрели заманчивый блеск золотого дна. В 1908 г. Орловец выпустил роман «От каторги к миллионам» и серию рассказов «Приключения Карла Фрейберга, короля русских сыщиков» о подвигах хитроумного детектива и его помощника Пиляева (между прочим, эти герои появляются также в книгах современного автора ретро-детективов Е. Басмановой «Тайна черной жемчужины» и «Автомобиль Иоанна Крестителя» – последнее название отсылает к «Автомобилю святителя Николая» Орловца).

«Тоненькие книжки-брошюры о подвигах питерского сыщика Фрейберга распродавались быстрее, чем горячие пирожки. Одни названия этих “бестселлеров” способны были потрясти и невинную гимназистку, и бесхитростную прачку, и благородную даму: “Похититель живых людей”, “Громила-любитель”, “Страшная телятина, или Тайна подполья”» – замечает автор, скрывшийся под литерами М.Р.*

Фрейберг и Пиляев лишь намекали на Холмса и доктора Уотсона, но вскоре Орловец вспомнил и о первоисточнике. Одну за другой он выпускает книги «Приключения Шерлока Холмса против Ната Пинкертона в России» (1909) – невольно вспоминаются эпические киноленты «Фредди против Джейсона», «Чужой против Хищника» или «Годзилла против Мотры» – и «Похождения Шерлока Холмса в Сибири» (1909). Дошла до потомства и написанная Орловцем прямо по горячим следам сенсационного уголовного дела книга с леденящим кровь названием «Скальпирован-

* Послесловие к публикации: Орловец П[етр]. «Жизнь, значение и последние дни Л. Н. Толстого». *Нева*. 2008. № 5. Публикация воспроизводит изд. 1910 г. (за исключением детективных произведений, это единственное переиздание Орловца более чем за 100 лет).

ный труп. Воскресший Гилевич. Ужасное преступление в Лештуковом пер., в Петербурге» (1909).

Понятно и без слов, что Орловец был далек от мастерства Конан-Дойля и даже не пытался подражать создателю Холмса. Подражал он скорее подражателям – авторам упоминавшихся выше детективных брошюрок-«выпусков», которые частью переводились, частью сочинялись в России. «Русский Холмс» Орловца механистичен, авантюрен, местами тщеславен и начисто лишен налета эксцентричности, так оживлявшей героя Конан-Дойля; однако и этот Холмс всегда готов стать на защиту обездоленных и несправедливо обвиненных. Из области курьезов отметим, что Холмс у Орловца хамоват, курит исключительно сигары, страдает избирательным склерозом (например, осведомляется, отчего Уотсон не курит и умеет ли тот стрелять), а также прекрасно ориентируется в России и замечательно говорит по-русски, как и его соперник Нат Пинкертон. Но несмотря на все эти условности и бедность изобразительных средств, невзыскательные пастиши Орловца написаны живо и занимательно, содержат любопытные приметы «быта и нравов» первых лет XX века и занимают достойное место среди ранних образчиков русской шерлокианы.

Шерлокианская деятельность Орловца завершилась резким и довольно неожиданным аккордом: осенью 1909 г. газеты сообщили, что суд утвердил арест, наложенный комитетом по печати на книгу Орлова, посвященную схватке Шерлока Холмса с Сонькой Золотой Ручкой. Неизвестно, что именно так возмутило цензоров, но в сентябре 1911 года «Русское слово» уведомило читателей – «определением московского окружного суда» книга П. Орловца «Воскресший Каин. Похождения Шерлока Холмса против Золотой Ручки» была «признана подлежащей уничтожению».

А. Ш.

ТАЙНА ФОНТАНКИ

I.

В кабинете начальника петербургского сыскного отделения, куда мы вошли вместе с Шерлоком Холмсом, было необычайно оживленно.

Сам начальник, сидя за письменным столом, о чем-то серьезно и взволнованно говорил с высоким худощавым господином.

Лицо этого господина сразу обратило на себя мое внимание. Что-то знакомое было в этом энергичном профиле, в плотно сжатых губах и орлином носе.

Кроме их двух, в кабинете было по крайней мере человек пятнадцать сыщиков, обменивавшихся между собой оживленными фразами.

Лишь только мы вошли, начальник сыскного отделения взглянул в нашу сторону и радостно воскликнул:

– А, вот и прекрасно! Только вас, мистер Холмс, и вас, мистер Ватсон, не хватало нам...

С этими словами он пожал нам руки и обернулся к высокому, бритому господину, с которым, при нашем входе, разговаривал.

Но Холмс предупредил его.

Он сам подошел к этому господину, с улыбкой вставшему ему навстречу, и протянул ему руку.

– Я думаю, мистер Пинкертон, что мы обойдемся и без постороннего представления, так как всегда узнаем друг друга, хотя до сих пор никогда и не встречались.

– Совершенно верно! – весело ответил знаменитый американский сыщик Нат Пинкертон, пожимая Холмсу руку.

И, обернувшись ко мне, он спросил Холмса:

– А это ваш знаменитый друг, доктор Ватсон? Очень рад, что мне, наконец, удалось познакомиться с обоими вами лично!

Мы дружески пожали друг другу руки.

Эта встреча двух знаменитых сыщиков произвела среди агентов петербургского сыскного отделения необыкновенный эффект.

Имена Шерлока Холмса и Ната Пинкертона переходили из уст в уста.

А тот факт, что обе знаменитости были приглашены начальником сыскного отделения по одному и тому же делу, делал эту встречу еще более интересной.

Среди находившихся здесь агентов были как почитатели Ната Пинкертона, так и приверженцы Шерлока Холмса.

Поэтому то там, то здесь можно было услышать тихий шепот:

- Черт возьми, я буду работать с Шерлоком!
- А я с Пинкертоном.
- Безусловно победит Холмс!
- Что?!
- Конечно!
- Ну, нет! Нат Пинкертоном острее! Он скорее развяжет узел!
- Никогда!
- Пари!
- Пари!
- На сколько?
- На хороший завтрак!
- Идет!

Сыщики до того разгорячились, что совершенно забыли, что оба предмета их спора находятся тут же, и, разгоряченные спором, они возвышали голос до совершенно громких нот.

А между тем Шерлок Холмс и Нат Пинкертоном, давно разобравшие, в чем дело, с улыбкой смотрели на спорщиков, готовых вцепиться друг другу в волосы.

Я также наблюдал эту интересную сцену.

Вдруг Нат Пинкертоном обернулся к Холмсу.

– Я – истый американец, дорогой коллега! – проговорил он. – И мне ужасно нравится это пари! В самом деле, отче-

го бы и нам с вами не последовать этому примеру? Каждый из нас возьмет себе в помощники тех, которые сами захотят работать с тем или другим из нас.

– Продолжайте! – проговорил Холмс с улыбкой.

– Пари не принесет делу вреда. Наоборот, оно придаст бодрости и энергии обеим сторонам и сделает саму работу много интереснее. Как ваше мнение?

– Ничего не имею против этого! – весело воскликнул Шерлок Холмс.

– Чудесно! Я ждал, что вы согласитесь!

– Но каково будет предлагаемое вами пари?

– Конечно, денежное!—ответил Нат Пинкертон. – Я – американец, а следовательно, время и работу меряю на деньги.

– Итак – сумма?

– Пятьсот долларов (тысяча рублей) один из нас платит другому в случай проигрыша.

– Согласен.

По мере того, как говорили оба сыщика, общий спор прекратился и теперь все с напряженным вниманием слушали знаменитых иностранцев.

Лишь только пари было заключено, как раздался дружный взрыв аплодисментов.

Сам начальник сыскного отделения, слышавший все от начала до конца, с улыбкой следил за происходящим.

Увидав, что пари уже состоялось, он подошел к нам.

– Очень рад, от души рад этому пари! – произнес он. – Посмотрим, за кем останется пальма первенства и кого придется поздравлять с победой! А теперь, господа, я попрошу вас внимательно выслушать меня! Я приступаю к изложению дела. Помните, что времени в таких случаях терять не следует и нередко успех всецело зависит от быстроты.

II.

Когда разговор стих и все заняли свои места, начальник сыскной полиции заговорил:

«Дело, для которого я позвал вас сюда, господа, выходит из ряда обыкновенных преступлений.

Оно настолько необыкновенно, что я не задумался пригласить для участия в нем наших знаменитых гостей: мистера Шерлока Холмса и мистера Ната Пинкертона, случайно съехавшихся в данный момент в нашем Петербурге.

Дело заключается в следующем.

Два месяца тому назад, один из моих агентов донес мне о следующем происшествии: гуляя по набережной Невы около Летнего сада, заметил странного типа моторную лодку, шедшую полным ходом с той стороны Невы.

На лодке не было номера.

Желая подвергнуть хозяина штрафу, он крикнул полицейскому чину речной полиции, чтобы тот остановил лодку, но та, не обращая никакого внимания на его свистки, юркнула в Фонтанку и полным ходом понеслась по каналу. Пока агент добежал до извозчика и вскочил на него, лодка скрылась. Думая все-таки догнать ее, он поехал по Фонтанке, расспрашивая о лодке у рабочих шедших барж и на пристанях. Но каково же было его удивление, когда всюду получался один и тот же ответ: “не видали!”

Он проехал по всей Фонтанке, но лодка в воду канула.

Никто решительно не видал ее.

Это показалось агенту настолько странным, что он счел долгом доложить об этом мне.

Я запросил речную полицию, описав со слов агента приметы моторной лодки, но речная полиция заявила, что такой моторной лодки в Петербурге не имеется.

Вы сами, господа, видите, что уже одно это начало делает историю очень интересной».

Начальник сыскной полиции умолк и посмотрел на слушателей. Но все сосредоточенно молчали, ожидая даль-

нейших разъяснений. Тогда, сделав маленькую передышку, он снова заговорил.

III.

«Вначале, признаться, я думал, что агент был немножко того... выпивши и что все, рассказанное им, относится к области фантазии, разыгравшейся под влиянием излишне выпитой чарки.

Однако недавно произошло нечто, что заставляет меня смотреть на это донесение совершенно с другой точки зрения.

Случилось это вчера.

Вероятно, из газет вы уже узнали о таинственном исчезновении семнадцатилетней дочери князя Ободолева!

Князь живет на набережной Васильевского Острова, в собственном доме.

Его дочь, княжна Ольга, очень красивая девушка и только недавно состоялся ее первый выезд в свет.

Вчера в пять часов дня она была дома.

Ее видели все и она никуда не собиралась уходить.

В половине шестого ее мать, княгиня Елизавета Николаевна, зачем-то позвала ее.

Но... княжны не оказалось.

Сначала думали, что она куда-нибудь вышла, и мало обратили внимания на ее исчезновение.

Но время шло, а княжна не возвращалась.

Наступил вечер, в доме стали тревожиться, спрашивать, не видал ли кто княжны.

Но... никто не заметил, чтобы она выходила из дому.

Швейцар не отходил от парадного подъезда, в кухне постоянно находились повар, поваренок и судомойка, но никто из этих людей не видал, чтобы княжна выходила или через парадный, или через черный ход.

Тогда дали знать мне.

Мною было сделано все, что возможно.

По полученным сведениям от береговых сторожей, оказалось следующее.

Приблизительно в пять часов или немного больше, сторож василеостровской пристани легкового финляндского пароходства Иван Миноляймен видел, как около пустой барки, рядом с пристанью, остановилась моторная лодка, похожая по виду на ту, которую описывал мне агент Вишняков.

Из нее вышли два человека.

Они взобрались сначала на баржу, затем перешли с нее на берег и... скрылись.

Одеты они были очень хорошо, но наружности их он не помнит, так как внимание его часто отвлекалось подходящими и отходящими пароходами.

Однако он заметил, что через несколько минут те же два господина снова появились на барже, с длинным тюком, похожим на перину.

Они, вместе с ношей, спустились в лодку и после этого лодка полным ходом ушла неизвестно куда.

Это все, что удалось нам узнать до сих пор.

Ясно только одно, что таинственная лодка существует, и я подозреваю связь между нею и пропажей княжны».

Начальник сыскной полиции умолк и посмотрел на слушателей.

– Связь безусловно есть! – воскликнул пылко Нат Пинкертон.

Холмс тоже молча кивнул головой.

– Последнее слово я скажу о приметах моторной лодки, – проговорил начальник.

– Я только что сам хотел задать этот вопрос, – сказал Шерлок Холмс.

– Длина лодки около двух с половиной сажен, окрашена в светло-серый цвет. Двигатель – электрический. Передняя часть лодки защищена от ветра полуконусом из толстого стекла, так что носовая часть имеет форму гранаты. Корма тоже имеет полуконус из чего-то блестящего, но не прозрачного.

– Станный тип! – пробормотал Нат Пинкертон.

– Да, очень странный! – повторил за ним начальник полиции. И, подняв голову, он добавил:

– Итак, господа, я сказал все, что знаю. Остальное зависит от вас. Помните, что князь обещал уплатить за дочь двадцать тысяч, которые распределяются следующим образом: мистеру Холмсу и мистеру Пинкертону, независимо от того, кто из них останется победителем, – по две тысячи рублей; затем тому, кто будет главным виновником открытия преступников и освобождения княжны – четыре тысячи, а остальные двенадцать тысяч делятся между всеми поровну, исключая мистера Холмса и мистера Пинкертона. В случае неудачи – мы не получим, конечно, ничего.

Сказав это, начальник сыскной полиции встал, давая понять, что дело кончено.

Тогда между агентами началось подразделение.

– Кто с мистером Холмсом – тот сюда направо! – кричали одни.

– За мистера Пинкертона налево! – кричали другие.

Вскоре все агенты разделились на две группы. В группе Холмса получилось девять человек, в группе Пинкертона – семь.

Поэтому силы были уравнены и от Холмса один агент перешел к Пинкертону.

Пожелав всего хорошего начальнику сыскной полиции и мистеру Нату Пинкертону, мы вышли вместе с Холмсом и его партией агентов.

IV.

На стол был подан самовар, а на другом сервирована закуска и водка.

Шерлок Холмс нарочно велел подать то и другое, лишь только мы вошли в его квартиру.

– Сегодня начинается трудная работа и не мешает, если наши желудки слегка запасутся пищей, – говорил он, вводя всех своих агентов в свою квартиру.

Мы не заставили себя упрашивать, тем более, что все были порядочно голодны.

Закусывая сам, Шерлок Холмс распределял в то же время роли, отдавал приказания, задавал вопросы и по временам посматривал в карту Петербурга, разложенную на подоконнике.

– Вы, Федоров, станете на углу Николаевской набережной и 13-й линии, – распорядился он. – Вы, Пеньков, – на углу той же набережной и 14-й линии. Таким образом, дом князя будет между вами. Синявин будет наблюдать непосредственно за домом. Каразин будет занимать пост на Дворцовом мосту. Семенов – у Летнего сада и Фонтанки, остальные будут находиться при мне. Ну-ка, господа, выпьем по стаканчику красного вина! Мне удалось достать здесь порядочное...

Холмс налил вина и все мы выпили.

Затем каждому агенту Холмс объяснил особенно его обязанности, не пропуская ни одной мелочи и, когда окончил все инструкции, заявил, что пора отправиться по местам.

Когда Федоров, Пеньков, Синявин, Каразин и Семенов ушли, Холмс обратился ко мне.

– Вас, дорогой Ватсон, я оставляю пока в покое. Отдыхайте, гуляйте и проводите время, как вам угодно. Берегите, впрочем, ваши силы, ибо они скоро понадобятся.

Затем, обернувшись к Вишнякову и Мясницкому, он добавил:

– А вы пока будьте у меня на квартире. Каждый час я буду давать вам знать по телефону, где я буду находиться, а вы будете принимать здесь и передавать мне донесения агентов.

Холмс зашел в другую комнату, служившую нам спальней и, когда вышел через полчаса оттуда, мы не узнали его. Это был самый обыкновенный мастеровой, в рваном картузе, из-под которого выбивались беспорядочно рыжеватые волосы.

Порыжевшие сапоги и грязный фартук, надетый на засаленный пиджачный костюм, дополняли его наряд.

Руки и лицо его были слегка вымазаны чем-то похожим на грязь.

Кивнув нам весело головой, он вышел из квартиры.

V.

Я не видал его в этот день до позднего вечера.

Лишь изредка мы получали от него извещения о месте, в котором он находится в данный момент.

Получаемые донесения от остальных агентов не отличались ничем интересным.

Когда поздним вечером Холмс возвратился домой, он казался скучным и утомленным.

Я его не расспрашивал.

Ясно было и без расспросов, что он потерпел полную неудачу, и мне не хотелось раздражать его излишним любопытством, которое, в таких случаях, бывает особенно неприятным.

На следующий день он встал рано и снова исчез на целый день.

Без него к нам заходил Нат Пинкертон.

Американец был зол и говорил, что в этом преступлении сам черт сломит ногу.

– Итак, совершенно ничего? – спросил я.

– Ах, господа! Кое-что есть, конечно, но... этих следов чересчур недостаточно, чтобы раскрыть преступление.

Он наскоро выпил чаю и ушел. В этот вечер Холмс снова вернулся ни с чем.

Из отрывочных фраз я понял, что этот день он провел в доме князя Ободолева и куда-то ездил, чтобы разыскать еще кого-то.

Говоря короче – прошло три дня.

Мы скучали, зевали и злились.

Но и у Ната Пинкертона дело шло не лучше.

Как сейчас помню, наступил четвертый вечер.

Я, Вишняков и Мясницкий сидели за чайным столом.

Вдруг дверь отворилась и в комнату быстрым шагом вошел Холмс.

– Ну-ка, Ватсон, накиньте пальто, да пойдете со мною!

– проговорил он быстро.

– А мы? – спросили оба сыщика.

– Вы пока побудьте дома! В случае, если я вызову, то вы, Вишняков, тотчас же прискачете к нам, а вы, Мясницкий, не отходите от телефона.

Не разъясняя ничего больше, он добавил:

– Вы, Ватсон, наденьте что-нибудь старенькое.

Страшно заинтересованный, я быстро переоделся, и мы вышли на улицу.

Холмса ждал извозчик.

Лишь только мы вскочили в пролетку, Холмс крикнул:

– Назад, на Васильевский!

Я понял, что он уже был в доме князя и снова возвращается туда.

Извозчик полетел что есть духу.

На этот раз Холмс казался слегка взволнованным.

Таким бодрым он становился всегда, когда дело принимало серьезный оборот и я, зная его натуру, как свои пять пальцев, от души радовался за него.

– Я, кажется, могу вас поздравить? – сказал я, желая вызвать его на разговор.

– Да, дорогой Ватсон, – ответил он весело. – Вы можете поздравить меня с счастливым началом. Что будет потом – не знаю, но пока – дело пошло на лад.

– В чем именно?

– В том, что я, кажется, открыл тот путь, которым похищена княжна.

– Да?

– Вы знаете, меня страшно интересовал этот вопрос. Исчезновение девушки произошло необычайно странно!

– О, да!

– Ведь дом князя полон народу.

– А между тем никто ничего не видал...

– Вот именно! Как хотите, а это должно было навести меня на некоторые мысли.

– Что вы хотите этим сказать?

– Сейчас узнаете! Швейцар не видал ее ухода, в кухне не видели тоже. Если бы в кухне был всего один человек, у меня еще могло бы зародиться подозрение, что этот человек подкуплен, но их было там трое. По собранным сведениям, все они – люди вполне честные и никогда не замечались ни в каких провинностях. Кроме того, они сильно ссорятся между собою и непременно выдали бы один другого.

– Ну, а швейцар?

– Признаюсь, я заподозрил было его. Но вскоре я должен был отказаться от этого подозрения. Оказалось, что этот человек, во-первых, служит у них с детства, получает хорошее жалование, успел сколотить себе порядочные деньжонки и пять лет тому назад купил себе усадьбу с землей за восемь тысяч. Деньги эти добыты самым честным путем, из получаемого жалования и чаевых от многочисленных гостей князя. Во-вторых – голос и горе этого старика так искренни, словно он, в лице княжны, сам потерял свое собственное любимое детище.

– Но тогда... – начал было я.

Но Холмс перебил меня.

– Значит, она не проходила ни через парадный, ни через черный ходы.

– Иными словами, выскочила в окно?

– Погодите! Итак, дойдя до этого вывода, я поставил два вопроса: по своей или по чужой вине исчезла княжна и как она исчезла?

– Интересно!

– Первый вопрос еще не решен, так как это финальный вопрос в этом деле. Но на второй вопрос я, кажется, уже нашел ответ. Если княжна не вышла через обе выходные двери, то она должна была исчезнуть через одно из окон. Придя к этому выводу, я осмотрел все внутренние и наружные подоконники, все карнизы, даже крышу и чердак, ища где-нибудь ее следов. Но сколько я ни бился, сколько

ни старался, я не мог найти ничего. Два раза я сталкивался с Натом Пинкертоном. Он идет почти тем же путем, которым иду и я. Он обыскал всю спальню и будуар княжны, но и там не получил ничего. Тогда я сказал себе: – «княжна исчезла не через двери и не через окна!..»

– Но как же тогда? – удивленно воскликнул я. – Ведь не в пар же она превратилась!

– Вот тут-то и надо было найти разгадку! Мне пришло в голову, что в доме существует потайной ход.

– Потайной ход?

– Да.

– И вы нашли его?

– Сейчас скажу. Прежде всего я обратился с этим вопросом к самому князю. Но он категорически заявил мне, что решительно не может дать никакого ответа на этот вопрос. Этот дом был куплен его отцом, в день его свадьбы. Таким образом, он как бы достался ему в приданое двадцать два года тому назад.

– А кто им владел раньше?

– Этот-то вопрос я и задал сам себе. И лишь только этот вопрос запал мне в голову, я стал работать в этом направлении.

VI.

Холмс с минуту помолчал.

В это время мы переезжали Дворцовый мост.

«Итак, я стал искать старого хозяина. Оказалось, что домом владел раньше некий Пустоплетов, отставной военный, проживавший последнее время в Царском Селе и умерший с полгода тому назад.

Вчера утром я съездил туда. После него осталась вдова, почтенная старушка, но она ничего решительно не знает о постройке. Однако от нее я узнал, что дом этот ее покойный муж купил у ксендза Машковского.

На мой вопрос, не знает ли она чего-нибудь относительно того, что в доме существует тайный ход, она сказала мне, что действительно слышала еще от покойного мужа, что он заметил какой-то ход, но какой – ей не говорил.

Тогда я спросил ее, кто знает про существование этого хода?

Она ответила: – “единственно, кто мог бы ответить вам на эти вопросы, так это мой муж и сын. Но... муж мой умер, а сын...”

Она махнула безнадежно рукой.

Тогда я стал расспрашивать ее о сыне.

Он был у нее единственным. С раннего детства он стал обнаруживать склонность к порокам.

Отец еле-еле выручил его из нескольких скандальных историй, но затем он куда-то исчез и явился лишь тогда, когда отец умер.

Затем, получив свою долю наследства, он снова исчез и, с той поры, от него не было ни слуха, ни духа».

Шерлок Холмс немного помолчал и снова заговорил:

– Для меня теперь ясно, что княжна исчезла через потайной ход. Вопрос другой: ушла ли она по своей доброй воле или ее увели силой, но она исчезла именно этим путем.

– Конечно! – воскликнул я. – В этом не может быть никакого сомнения!

– Сейчас мы в этом убедимся! – с улыбкой произнес Холмс.

В это время извозчик остановился перед подъездом дома князя, и мы выскочили из пролетки.

Очутившись в княжеской квартире, Холмс попросил вызвать самого князя.

Через несколько минут он вышел к нам и попросил нас к себе в кабинет.

Он был красивый мужчина, лет сорока восьми, высокий, изящный, с властными, солидными манерами.

Лишь только дверь кабинета закрылась за нами, он жестом попросил нас сесть и спросил:

- Есть что-нибудь новое, мистер Холмс?
В его голосе послышались скорбные ноты.
- Да, князь,—ответил Холмс.
Лицо князя вдруг оживилось.
- Что такое? – быстро спросил он.
- Ваша дочь, князь, исчезла через потайной ход, который есть в вашем доме.
- В моем доме? Вы нашли его?
- Нет еще, но сегодня я постараюсь отыскать его и надеюсь, что это мне удастся, – проговорил Холмс. – Я пришел просить у вас позволения поискать хорошенько в вашем доме.
- О, сколько угодно! – воскликнул князь взволнованно.
- Мой дом целиком в вашем распоряжении.
- А половина княгини и княжны?
- Я только предупрежу княгиню...
- И позвольте ей задать несколько вопросов?
- Она рада будет помочь вам всем, чем можно! Подождите меня одну минуту.
- С этими словами князь вышел из кабинета и вскоре возвратился назад вместе с княгиней Елизаветой Николаевной.
- Поздоровавшись с нами, она села в кресло, в ожидании вопросов со стороны Холмса.
- Извинившись в том, что потревожил ее, Холмс приступил к делу.
- Хорошо ли вы помните все, что происходило в тот день, когда исчезла княжна? – спросил он.
- Да, – тихо ответила княгиня.
- В какой части дома могла быть княжна в пять часов дня?
- Или у себя в будуаре, или у себя в спальне.
- И больше нигде?
- Самое большее, что она могла зайти в мой будуар.
- Почему вы так думаете?
- Потому что Оля ждала к себе подругу, с которой они хотели ехать кататься. У Оли что-то распоролось в шляпке и она, взяв ее, как сейчас помню, ушла в свою спальню.

– Откуда?
– От меня.
– В котором часу было это?
– В пять. Я хорошо помню это.
– Значит, вы уверены, что она все время сидела у себя?
– Положительно уверена.
– Это очень серьезно, княгиня. В вашем доме существует потайной ход и мы ищем его.

Княгиня быстро вскочила на ноги.

– Что вы говорите!—воскликнула она взволнованно.

– Да, это вне всякого сомнения. Судя по вашим словам, мы будем искать его в комнатах вашей дочери. Скажите пожалуйста: когда вы, в половине шестого, зашли в комнату княжны, – в каком виде была комната?

– То есть что именно?

– Была ли там шляпа, которую княжна переделывала?

– Да, была, и игла с ниткой висела в ней, словно дочь только что на минутку бросила работу.

– А остальные предметы?

– Они не тронуты до этой минуты.

– В таком случае пойдете в ее комнаты. Кстати, у вас, вероятно, имеются в доме столярные инструменты?

– Есть, – ответил князь.

– В таком случае прикажите принести их в будуар вашей дочери.

Князь позвонил и, когда в комнату вошел лакей, приказал ему принести в комнаты княжны инструменты.

Затем, все четверо, мы отправились на другую половину дома.

Спальня княжны, в которую мы вошли, имела такой вид, словно хозяйка только что вышла из нее.

– Пока я не знал про ход, до тех пор эта комната интересовала меня с другой стороны, но теперь она заинтересовала меня иначе, – проговорил Холмс, пристально осматривая все предметы.

– Гм... постель смята... Странно... смята сама постель, но подушки не тронуты. Словно княжна села на край и затем откинулась назад.

От кровати он перешел к туалету, на котором не нашел ничего, и стал осматривать гардины.

– Так, так... – бормотал он. – Ясно... рукой схватилась за гардину, скомкала ее... немного порвала... О! я уверен, что княжна похищена силой!

Княгиня схватилась за сердце.

– Что вы говорите! – воскликнула она.

– Я говорю только то, что думаю, – ответил Холмс. – В этой комнате происходила борьба, во время которой ваша дочь упала на кровать. Но это продолжалось лишь одно мгновение. Затем, зажав ей рот, похитители или похититель, вероятно, потащили ее куда-то. Она схватилась за занавеску, но ей разжали пальцы. Во всяком случае, все указывает на то, что в этой комнате ей не произведено было никакого вреда.

Княгиня облегченно вздохнула.

– Теперь же мы будем искать, – проговорил Холмс.

И он стал шарить.

Он лазал по полу, выстукивал стены, осматривал подоконники, карнизы, даже печь.

Все предметы были сдвинуты с места.

Но сколько он ни старался, ничего подозрительного не было видно.

Покончив с спальней, Холмс перешел в будуар княжны.

Тут повторилась та же история.

Шерлок Холмс выходил из себя.

Ничего, решительно ничего не было такого, что могло бы привлечь его внимание.

– Ну-с, мне остается осмотреть лишь ванную комнату, прилегающую к спальне княжны, – произнес Холмс с оттенком раздражения. Если мы не найдем здесь ничего, то придется искать в другом месте.

Проговорив это, он вошел в ванную.

VII.

Это была маленькая комнатка без окон, освещаемая двумя электрическими лампочками.

У одной из стен стояла ванна.

Перпендикулярно ей стоял небольшой диванчик, обитый алым бархатом.

Кроме этих предметов, в комнате не было ничего.

Холмс зажег электричество.

Затем, склонившись корпусом, он стал внимательно осматривать карнизы и пол.

Лицо его было серьезно, губы сжаты.

С возрастающим интересом мы следили за каждым его движением.

Особенно долго завожился он что-то около наружной стены.

Вдруг торжествующая улыбка озарила его лицо.

Он быстро встал на ноги и стал ощупывать каждую точку стены.

Затем, не добившись тут ничего, он стал шарить ладонью под ванной.

– Готово! – крикнул он вдруг.

Он выпрямился во весь свой рост и нервно произнес:

– А ну-ка, дорогой Ватсон, скорее идите к телефону и вызовите сюда Вишнякова и Каразина. Пусть осмотрят хорошенько свои револьверы. Мясницкий пусть дает все донесения сюда. Дайте также знать Синявину, что мы здесь, и пусть он скажет об этом Федорову и Пенькову.

И, подумав немного, он добавил:

– Последние трое пусть будут около самого дома и в случае тревоги бегут к нам на помощь.

– Больше ничего? – спросил я.

– Ничего! – ответил он.

Я бросился исполнять его приказания.

Через десять минут все разговоры по телефону были окончены.

Возвратившись к Шерлоку Холмсу, я застал его спокойно сидящим в ванной комнате, с сигарой во рту.

– Подождемте приезда Вишнякова, – сказал он. – Вдвоем нам слишком рискованно опускаться.

Мы стали ждать.

Впрочем, ждать пришлось недолго.

Скоро подъехал Вишняков и Холмс, в коротких словах, рассказал ему, в чем дело.

Когда рассказ был кончен, Холмс бросил в ванну недокуренную сигару и, вынув из кармана сильный, походный электрический фонарь, с которым никогда не расставался, серьезно произнес:

– А теперь, за дело!

Он нагнулся и, крикнув нам: – «отойдите к порогу!» – засунул ладонь под ванну.

Прошло две-три секунды.

Вдруг, где-то под полом, послышался тихий шум, похожий на шипение.

Одновременно с этим, Холмс быстро вскочил на ноги и одним прыжком отскочил к двери.

Это было как раз вовремя.

Ибо часть пола с тихим шипением вдруг стала опускаться вниз.

Таким образом, благодаря опустившемуся полу, образовался люк по меньшей мере в два квадратных аршина шириной.

Между тем, опускавшаяся часть пола, опустившись на полтора аршина – остановилась.

Схвативши стоявшую в углу метлу, Холмс изо всей силы нажал ее.

Но площадка стояла плотно.

Тогда, быстро подойдя к люку, Холмс сделал нам знак следовать за собой.

– А вы, князь, и вы, княгиня, – произнес он тихо, – потрудитесь остаться здесь. Если вы слышите выстрел, поднимите тревогу. А чтобы этот люк как-нибудь не захопнулся, так поставьте между ним и полом распорки. Ну, хоть три-четыре полена.

С этими словами он спрыгнул вниз.

Лишь только мы очутились на опустившейся площадке, как тотчас же увидели узкое отверстие в наружной стене.

При свете фонаря Холмса мы подошли к нему и, остановившись перед узким колодцем, пробитым в стене, посмотрели вниз.

Тут мы увидали тонкую стальную лестницу, теряющуюся во тьме потайного хода.

Первым стал опускаться Шерлок Холмс, освещая себе путь электрическим фонарем.

Мы следовали за ним, держа револьверы наготове, готовые ежесекундно отразить нападение.

Ни шума, ни шелеста не было слышно от наших движений.

Так спустились мы сажени на три с половиной.

Теперь мы были уже под землей.

Мрачно и таинственно было тут. Когда кончилась лестница, мы вступили на небольшую круглую площадку, из которой шел горизонтальный подземный ход аршина в два вышиной и четвертей в пять ширины. Но прежде чем двинуться вперед, Холмс приложил палец к губам.

Мы все замерли в неподвижных позах, прислушиваясь к малейшим звукам подземного мира.

VIII.

И вдруг... мы вздрогнули, как один человек.

Где-то далеко, но только тоже под землей, нам послышался человеческий голос.

Да, да, не было сомнения, что это не обман.

По знаку Шерлока Холмса мы двинулись, согнувшись, вперед, едва переводя дыхание.

Шерлок Холмс, с фонарем в левой руке и револьвером в правой, был похож на дикого зверя, выследившего давножданную добычу.

Его гибкая фигура как-то вся съежилась, на согнутой шее жилы вздулись.

Казалось, он готовился сделать гигантский прыжок.

Ход шел прямо, без всяких загибов.

Пройдя шагов по крайней мере тридцать, мы снова остановились.

О, теперь было совсем другое дело!

Теперь мы ясно расслышали человеческие голоса.

Их было несколько.

Вероятно, три, а может быть и четыре человека.

Они говорили тихо, сдержанно, так что слов невозможно было расслышать.

– Ради Бога, тише! – шепнул Холмс.

И снова двинулся вперед.

Шагов через пятнадцать подземный ход вдруг сделал крутой поворот.

Но лишь только Холмс, со своим фонарем, повернул за угол, как тотчас же отскочил назад.

– Нас открыли! – яростно прошипел он.

И вдруг погасил электричество.

Могильный мрак объял нас со всех сторон.

Стало жутко-жутко.

Обернувшись к нам, Холмс командовал шепотом:

– Ложитесь! Наши шансы неравны! Они у себя дома, а мы – в незнакомом подземном ходе, не знаем здесь ничего и не можем знать, откуда нам угрожает опасность. Нам остается или отступить, или продолжать поход. Благоразумнее отступить.

– Конечно! – подхватил Вишняков.

Мы уже повернули было назад, но... не тут-то было!

– Опоздали! – прошипел Холмс.

И в ту же секунду за нашими спинами раздался шум и грозный голос крикнул:

– Ни с места, если вам дорога жизнь!

Едва мы успели обернуться, как яркий свет электрического фонаря брызнул нам в лицо.

– Черт возьми, мы дорого продадим свою жизнь! – с бешенством воскликнул Холмс, поднимая револьвер.

И вдруг, прямо нам в упор, раздался удивленный голос:
– Черт возьми! Да ведь это мистер Холмс и его друг доктор Ватсон!

В свою очередь и Холмс зажег фонарь и бросил сноп света на своих преследователей.

И громкий веселый смех прокатился по подземелью.

– Да в чем дело? – воскликнули мы в один голос, ровно ничего не понимая.

– Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! – хохотал Шерлок Холмс, держась за бока. – Вот не ожидал! Да ведь это мистер Нат Пинкертон с товарищами.

– Что-о?! – воскликнули мы в один голос.

Но, взглянув вперед попристальнее, мы убедились, что это правда.

А через минуту мистер Нат Пинкертон, вместе с тремя сыщиками, уже был возле нас и мы весело пожимали в тесном подземелье друг другу руки.

– Пойдемте в нашу сторону, господа! – воскликнул Нат Пинкертон. – В той стороне есть одно просторное местечко и мы поговорим там.

Мы последовали за ним.

Сделав поворот и пройдя вглубь хода еще шагов сорок, мы очутились в довольно просторном подземном гроте.

Усевшись на земле, Шерлок Холмс и Нат Пинкертон стали обмениваться впечатлениями.

Сначала Шерлок Холмс передал в коротких словах весь ход своих расследований и тот путь, по которому он дошел до открытия подземного хода.

– Итак, наша работа была совершенно одинакова, хотя мы и не знали про мысли один другого! – сказал весело Холмс.

– Да, с той только разницей, что вы нашли один конец хода, а я – другой! – ответил Пинкертон. – Все время я слушал ваш рассказ с громадным любопытством. Это любопытство было тем сильнее, что некоторые из ваших выводов были форменным сколком с моих.

– Да?

– Ну, конечно! Так же как и вы, я вывел заключение, что княжна исчезла не через парадный и не через черный ходы. Подобно вам, я осмотрел все подоконники, крышу и карнизы, но, не найдя нигде следов, сказал себе: ход должен где-нибудь кончаться! По моему мнению, сторож пароходной пристани, видевший моторную лодку, видел именно момент похищения княжны...

– Безусловно!—кивнул головой Шерлок Холмс. – Ее вынесли в тюке, который сторож принял за перину. Тогда является главный вопрос: откуда они вынесли ее? Если бы они выносили ее из дома или спустили бы из окна, их непременно заметили бы. Значит, существование подземного хода становилось ясным.

Нат Пинкертон откашлянулся и продолжал:

– Куда же мог вывести из дому подземный ход? Если бы он выходил в сад, то разбойникам пришлось бы перетаскивать княжну через забор и их обязательно задержали бы. Посреди улицы он не мог кончаться. Оставалось предположить одно: что ход выходит к Неве и кончается где-нибудь в облицовке набережной. Тогда, сев в лодку, я стал тщательно исследовать береговую облицовку. Несколько раз я проезжал мимо нужного мне места, ничего не замечая, но, наконец, труды мои увенчались успехом. В одной из трещин между двумя гранитными плитами я нашел что-то вроде металлической кнопки с небольшой дырочкой посередине. Я наудачу ткнул в это отверстие шилом и вдруг... одна из гранитных плит отодвинулась четверти на две назад и затем вбок, образовав таким образом отверстие, служившее началом этого подземного хода...

– Когда вы проникли сюда? – спросил Холмс.

– С час тому назад. Мне пришлось задержаться, пока ко мне не подоспела подмога. Когда эти три товарища подошли, мы влезли в проход и поползли по подземному ходу, подвигаясь очень медленно, так как исследовали каждый шаг.

Нат Пинкертон посмотрел на нас и засмеялся.

– Да, – произнес он. – Когда я увидел свет вашего фонаря, я решил, что это и есть те злодеи, которые похитили

княжну. В этот момент я был вполне уверен, что победа останется на моей стороне!

– А я подумал то же самое про себя! – со смехом ответил Шерлок Холмс.

Мы несколько минут хохотали от души.

Но вот, наконец, Шерлок Холмс поднялся с места.

– Ну, господа, делу – дело, а потехе – час! – сказал он.

– Время – деньги! – ответил в свою очередь и Нат Пинкертон, вставая с земли.

– Значит, вы теперь пойдете по пройденному нами пути? – спросил Холмс.

– Да. А вы по нашему?

– Конечно!

Этим разговор и кончился.

Простившись с товарищами, мы направились дальше и через несколько минут уже выбрались на набережную.

IX.

– Где же искать?

Этот вопрос вырвался у Холмса как-то вдруг, помимо его воли.

Мы сидели в это время за обедом в ресторане «Вена», на улице Гоголя.

Холмс был очень задумчив и ел как-то рассеянно.

Видно было, что мысли его в данный момент очень далеки и от ресторана и от еды.

В пять часов в ресторан пришел и Нат Пинкертон.

Он подошел к нам и, пожав нам руки, молча сел за стол.

Потребовав коньяку, он налил себе большую рюмку, выпил ее, затем налил другую и снова выпил.

– Да... – проговорил он, вытирая салфеткой губы, – нам необходимо посоветоваться.

– Я совершенно с вами согласен, – ответил Шерлок Холмс, тоже выпивая рюмку коньяку.

– Что вы думаете насчет этого подземелья? – спросил Нат Пинкертон.

– Только то, что через него похищена княжна, – ответил Шерлок Холмс.

– И больше ничего?

– Больше ничего.

– В таком случае я пошел немного дальше вас, – проговорил американец с оттенком гордости в голосе.

– Да? – с любопытством спросил Холмс.

Американец кивнул головой.

– Взамен моей откровенности, я попрошу лишь одного...

– А именно?

– Не занимать мой наблюдательный пост.

– Это я обещаю с удовольствием! – сказал Холмс.

– Этот ход есть ни что иное, как пристань той самой моторной лодки, которую мы так усердно ищем, – проговорил Нат Пинкертон.

– Почему вы так думаете? – спросил Шерлок Холмс.

– Почему? Да потому, что в скрытой нише того подземного грота, в котором мы с вами встретились, я нашел ящик с инструментами и принадлежностями к моторной, электрической лодке.

– Что вы говорите? – воскликнул л Холмс.

– Да! И этот ящик я вам сейчас покажу.

Он позвал лакея и приказал ему принести из швейцарской оставленный там ящик.

А пока его принесли, он продолжал рассказывать:

– В подземелье день и ночь постоянно дежурят двое моих агентов. По-видимому, эти инструменты нужны для лодки, и она, рано или поздно, придет туда. Поэтому-то эту часть набережной, или вернее – всю набережную, я оставляю за собой как наблюдательный пост.

– Хорошо, – сказал Холмс, взглядывая на длинный ящик, который лакей в эту минуту поставил перед Натом Пинкертоном.

Не спеша, американец открыл ключом ящик и показал нам штук десять разных странных инструментов.

– Вот про эти инструменты я не могу сказать ничего, – говорил он, указывая то на один, то на другой предмет. – Но вот эти – я знаю. Они служат для исправления некоторых частей электрического двигателя.

Между тем Шерлок Холмс с видимым любопытством осматривал все предметы.

– Да... – произнес он вдруг. – Мы слегка ошиблись, считая ее за «моторную» лодку. По-видимому – мы имеем дело не с моторной лодкой, а с *подводной* и притом самой последней конструкции.

При этих словах Нат Пинкертон вскочил как ужаленный.

– Как?! Почему? Почему вы так думаете? – воскликнул он в страшном волнении.

– Потому что я слежу за наукой и еще недавно изучал конструкцию последней изобретенной лодки этого типа, – хладнокровно ответил Холмс.

И, беря из ящика предмет за предметом, он стал объяснять их названия:

– Вот это – трубка от нагнетателя воздуха, это запасные части от цилиндра, в котором помещается сжатый кислород, это запасные части от электрической машины...

– Да вы знаете ли, что тот корабль, который вчера... – в волнении заговорил было Нат Пинкертон, но Шерлок Холмс с улыбкой перебил его:

– Да, дорогой коллега, я читал газеты и знаю, что вчера в три часа дня немецкий пароход, вошедший недавно в Неву и стоявший в ее устье в ожидании разгрузки товаров, внезапно пошел ко дну, словно взорванный. После катастрофы, через семнадцать часов, то есть сегодня в восемь часов утра, под воду были спущены пять водолазов, которые подробно осмотрели весь корпус, исследуя причину потопления. Они нашли у самого киля, в кормовой части, огромную пробоину, словно пароход налетел на подводную мину. Никаких мин в этом месте никогда не было. Катастрофа эта, в которой погибло одиннадцать человек, произвела страшный переполох не только в торговом мире и среди публики, но и в правительственных сферах. Морское

министерство производит по этому поводу строгое следствие. Пароход принадлежит гамбургскому торговому дому «Дайтон и К°» и пришел в Россию с грузом бронзовых изделий. В числе прочих товаров на нем имелись и изделия из золота и серебра, которых было на сумму около семисот тридцати тысяч рублей.

Все время, пока Холмс говорил, Нат Пинкертон молча кивал головой.

– Вы, дорогой коллега, конечно, сейчас же установили связь между этим случаем и сделанным мною открытием, – проговорил наконец Холмс.

– Да, конечно! – ответил Пинкертон. – Тем более, что, как вы знаете, следственные власти обвиняют в потоплении парохода капитана.

– Так как водолазы объявили, что груза в кормовом трюме почти нет, тогда как главный ценный груз и был именно в этом трюме, капитана обвиняют в том, что он продал этот груз заранее, а затем взорвал нарочно корабль.

– Да, да, все это так! – качал головой Нат Пинкертон. – Ну, да эта лодка не минует своей пристани, и будь я проклят, если она не попадет в мои руки. Ну, коллега, мне пора идти!

С этими словами он замкнул ящик, взял его под мышку и, простившись с нами, вышел.

Х.

– Да, дорогой Ватсон, мы попали на интересное дело! Сию же минуту пойдете в водолазное отделение!

Он кликнул лакея, расплатился, и мы, сев на извозчика, помчались.

Спустя полчаса мы уже вошли в подъезд дома, где помещалось частное водолазное предприятие.

Нас встретил средних лет мужчина.

– Можно ли взять у вас напрокат два хороших водолазных костюма? – спросил Холмс.

– А кто вы такие? – полюбопытствовал господин.

– Шерлок Холмс и доктор Ватсон, – ответил мой друг.

– О! – только и мог воскликнуть удивленно господин.

Он несколько минут рассыпался пред нами в любезностях, затем выскочил вон и возвратился назад с двумя почти новыми костюмами.

Осмотрев их, Холмс остался доволен.

– Хорошо, мы берем эти костюмы, – сказал он. – Только дайте мне одну длинную запасную трубку и крупную пробки.

И то и другое было принесено.

Оставив залог, мы захватили с собой костюмы и, сев снова на извозчика, приказали вести себя на Галерную гавань.

– Сейчас мы увидим затонувший пароход! – произнес Холмс.

Когда мы подъехали к пристани, извозчик был отпущен, и мы направились к месту происшествия.

По толпе народа, собравшегося на берегу, мы сразу узнали это место.

И правда, когда мы подошли к толпе, то увидели аварийный корабль.

Из всего корпуса была видна лишь приподнятая верхняя носовая часть, капитанская рубка и рангоут.

Остальное все было под водой.

На стоявшей у берега барке толпилась полиция и несколько морских офицеров.

Перебраться на эту барку было делом одной минуты.

Чины полиции сразу узнали нас.

Перекинувшись с ними несколькими словами, Холмс обратился ко мне:

– Не угодно ли вам будет спуститься со мною, дорогой Ватсон?

– С удовольствием! – ответил я.

– В таком случае давайте одеваться! – предложил Холмс.

Мы влезли внутрь барки, надели водолазные костюмы и с помощью двух водолазов, работавших над аварийным кораблем, спустились в воду.

Брр!..

Холодная струя невской воды охватила нас.

Через стекло колпаков мы прекрасно видели друг друга.

Лишь только мы спустились на дно, Шерлок Холмс тяжелым шагом двинулся к затонувшему кораблю, огромный корпус которого в воде был похож на гигантскую скалу.

Брешь была с нашей стороны.

Она была величиной в добрые ворота и мы без труда проникли в нее.

Железо обшивки было разворочено вдребезги.

А внутри пробоины виднелись клочья дерева, развороченные листы...

Вдруг, сквозь стекло, я увидел, что Холмс указывает мне на широкое отверстие, залитое водой.

И тут, среди кип товаров, перегородок и лому, я увидел нечто замечательное!

В развороченном корабле был построен форменный туннель. От пробоины внутрь трюма шел проход, укрепленный распорками, упорами и балками.

Следуя этим проходом, мы проникли в кормовой трюм.

Обойдя его, я заметил, что действительно весь трюм почти выгружен.

Мы описали круг и, выйдя снова тем же путем, поднялись на поверхность воды.

– Ну, что, ну, что? – закидали Холмса вопросами, лишь только мы сняли колпаки.

– Ничего особенного! – ответил Холмс. – Я лишь убедился, что корабль взорван снизу, а не изнутри. Кроме того, могу сказать, что товар из кормового трюма исчез именно через пробоину, подводным путем, а следовательно, в этом вряд ли может быть виновен капитан парохода.

И в коротких словах он передал им все, что заметил.

XI.

– Вас просят к телефону. Вот сюда, в ближайшую пивную!
– проговорил в это время один из агентов сыскного отделения, подходя к Холмсу.

– Пойдемте, Ватсон! – сказал живо Холмс.

Мы вышли на набережную и зашли по указанию.

Несколько минут, пока Холмс говорил по телефону, я оставался один.

Но когда Холмс возвратился ко мне, я сразу заметил, что он чем-то страшно взволнован.

– Скорее, скорее! – заторопил он сразу.

И бросился бегом из пивной.

Я кинулся за ним.

Бежать до извозчика пришлось шагов триста и мы совсем запыхались.

– К Летнему саду! Валяй что есть духу! Рубль лишней! – крикнул Холмс.

На наше счастье, лошадь попалась хорошая.

Едва мы выехали к Адмиралтейству, как нам навстречу попался Нат Пинкертон, мчавшийся тоже что есть духу на лихаче.

– С аварии? – крикнул он.

Холмс кивнул головой и мы разъехались.

Лишь только извозчик наш остановился у Летнего сада, как к нам подскочили Вишняков, Семенов, Каразин и Мясницкий.

– Так это верно? – быстро спросил Семенова Холмс, соскакивая с пролетки.

– Да, да, мистер Холмс, я не ошибаюсь, - ответил Семенов. – Я стоял на своем посту, у устья Фонтанки, около Летнего сада, как вдруг вода под самым мостом набережной страшно взволновалась. Словно под водой шла огромная рыбина...

– Ну, ну...

– В это время к мосту по Фонтанке подходила широкая баржа, занявшая почти весь канал. Волнение на минуту

прекратилось, но лишь только баржа прошла в Неву, как снова повторилось то же явление и словно огромная рыба прошла в канал. Получилось такое впечатление, словно ей сначала помешала баржа, но она все-таки юркнула в Фонтанку, лишь только баржа прошла.

– Прекрасно! Очень, очень благодарен вам! – нервно проговорил Холмс. – Проволока готова?

– Готова! – отозвался Вишняков.

– В таком случай она в наших руках! – воскликнул Холмс. – Вы уже распорядились, чтобы Фонтанку заперли с другой стороны?

– Да, там уже ставят сеть!

– Чудесно! Ставьте теперь здесь!

На сцену появилось несколько кругов толстой проволоки, и агенты лихорадочно принялись за работу.

Я с любопытством смотрел, как они загораживают устье Фонтанки, перетягивая проволоку с одного берега к другому под водой.

Двое из них, надев наши водолазные костюмы, работали под водой.

– Лодка в Фонтанке! Она тут! – шептал Холмс, перебегая от одного к другому и давая указания.

Работа так и кипела.

– А теперь по местам! – скомандовал Холмс. – Семенов, Каразин и Мясницкий! Вы займете отсюда каждый по мосту на Фонтанке, начиная от Цепного моста. Вы, Ватсон, поскорее ступайте к телефону и вызовите сюда помощь.

Мы все кинулись исполнять его приказания.

Вскоре к нам подошло человек пять переодетых городских и человек десять сыщиков.

Работа по заграждению тоже вскоре была окончена.

ХП.

– Теперь, Ватсон, скорее надевайте водолазный костюм!
– скомандовал Холмс.

Вместе с ним, мы облачились в наши тяжелые доспехи.

На берегу Фонтанки, около переносного воздухонагревательного аппарата, встало несколько человек и мы медленно спустились в воду, около самого заграждения.

Мутная влага окутала нас.

Через десять минут стало тяжело дышать.

Мы поднялись на поверхность, сняли колпаки и Холмс приказал переносить аппарат по мере нашего движения по дну.

И снова мы погрузились в мутные воды.

Тихо подвигались мы вперед, держась у самого берега, чтобы не попасть под легковые финляндские пароходики.

Иногда мы подымались, освежали воздух и снова продолжали наш подводный поход.

Так миновали мы Цепной мост и прошли еще шагов триста, как вдруг сильный шум привлек наше внимание.

Я прижался невольно к граниту.

Но тревога была напрасная.

Это промчался пассажирский пароходик.

Мы только что успокоились, как новый шум привлек наше внимание.

То был совершенно иной звук.

Едва я успел опомниться, как вдруг увидел сквозь стекло колпака, как Холмс пригнулся к дну и, держа в руке какой-то предмет, быстро полез на середину Фонтанки.

Прошло секунд двадцать.

И вдруг я увидел огромное, блестящее чудовище, двигавшееся мимо нас под водой.

В ту же секунду Холмс подскочил к нему с протянутой рукой, затем отскочил назад и... дальше я не помнил ничего.

Очнулся я на берегу.

Когда я открыл глаза, надо мною стояли Холмс и несколько сыщиков.

– Ну, вот и слава Богу! – говорил Холмс. – Немножко оглушило взрывом, но это ничего.

– О, да! – сказал я, подымаясь. – Я чувствую себя хорошо, и только сильно звенит в ушах.

– Конечно! – весело сказал Холмс. – Зато мы поймали большую рыбу!

– Лодка в ваших руках? – быстро спросил я.

– Да, – ответил Холмс. – А с нею вместе и три пленника.

ХІІІ.

Действительно, когда я осмотрелся, я увидел небольшую подводную лодку, сильно исковерканную, вытасценную уже на берег.

Тут же, около нее, стояло три связанных человека.

Указав на одного из них, Холмс произнес:

– Имею честь представить: сын бывшего хозяина княжеского дома, господин Пустоплетов.

– А эти? – спросил я.

– Их личности я постараюсь сейчас выяснить.

И, подойдя к остальным двум, Холмс заговорил.

– Ваши личности, рано или поздно, будут выяснены. Поэтому будет лучше, если вы назовете добровольно ваши имена и чистосердечно покаетесь во всем.

– Не в чем каяться! – сурово произнес один из них.

– Нет, есть в чем! – решительно произнес другой, выступая вперед. – Слушайте, господа! Я попал в эту историю по незнанию, но сию минуту понял, что мы совершали преступления. Я родом бельгиец, а по профессии инженер-механик. Господин Пустоплетов месяца за полтора пригласил меня, сказав, что купил у одного изобретателя его изобретение. Он говорил про лодку. Действительно, это была правда. По чертежам мы построили лодку и Пустоплетов пере-

вез ее частями в Петербург, где, как говорил, хотел сделать пробу, а затем продать ее правительству.

– Есть ли у лодки пристани? – спросил Холмс.

– Две. Одна на Васильевском, но главная – в Фонтанке.

– Где именно?

– Под следующими мостом. Сначала я верил ему, но вот недавно в лодку внесли женщину. Она была закутана и с завязанным ртом. Это было на Васильевском острове. Я заподозрил что-то неладное, но Пустоплетов сказал мне, что эта женщина узнала секрет и он должен ее выдержать. Я снова поверил. Вчера он сказал мне, что купил старый пароход с подмокшим, никуда не годным товаром, над которым надо произвести последние пробы. И мы произвели. Сначала мы взорвали его, а затем разгрузили. Вот все, что я знаю.

– Благодарю вас, вы – честный человек! – проговорил Холмс, пожимая ему руку. – Покажите нам пристань в Фонтанке.

И, обернувшись к стоявшим тут же городовым, он произнес:

– Уведите этих двоих! А остальные – вперед!

Пройдя несколько сот шагов, мы остановились недалеко от Семеновского моста.

– Здесь! – сказал механик. – Если вы снимете с тротуара набережной вот эти плиты, то увидите все сами.

В одну минуту на сцене появились ломы, кирки и прочие инструменты.

Плиты были сняты, земля под ними раскопана и ломы ударились о кирпич.

– Здесь – свод подземной комнаты! – сказал механик.

Работа снова закипела.

И вдруг громкий женский крик вырвался из-под земли, сквозь образовавшееся отверстие.

– Спасите! Спасите во имя Бога!

– Мы идем к вам на помощь! – крикнул Холмс, нагибаясь над подземельем.

Когда расширилось отверстие, Холмс спустил в него веревочную лестницу и все мы спустились вниз.

При свете электрических фонарей, мы увидели просторный грот, заваленный тюками, добытыми с корабля.

А посреди них, бледная и дрожащая, стояла княжна и молча простирала к нам руки.

Вместе с нами в грот спустили и механика.

– Не судите, не судите этого человека! Он невинен! – воскликнула девушка при виде его.

– Да, он невинен, – улыбаясь, ответил Холмс. – Он только покажет нам, как выбирались они сюда из подводной лодки.

Механик кивнул головой и подошел к железным воротам.

– Если эти ворота открыть, вода Фонтанки хлынет сюда. Лодка шлифованным краем подходит к этим воротам и тогда они открываются и образуется проход прямо в лодку. Когда лодке нужно отчаливать, то сначала задвигаются эти ворота, затем дверь лодки и... готово.

– Так я и думал! – произнес Холмс.

И, обернувшись к княжне, он спросил:

– А теперь, княжна, я слушаю вас.

– Что же я могу сказать? – произнесла бледная девушка. – Весь мой рассказ заключается в трех словах. Я сидела в комнате, как вдруг в нее вошли два человека. Прежде нежели я успела крикнуть, мне набросили на голову простыню, завязали рот и потащили. Куда? Я не знаю. Я очутилась здесь. Тут двое злодеев заявили мне, что не выпустят меня, пока я не напишу отцу, чтобы он выдал за меня триста тысяч выкупа. Я отказывалась, умоляла, но они хотали надо мною. Сегодня, час тому назад, я написала. Вот и все.

– В таком случае, найдем это письмо в кармане Пустоплетова, – проговорил Холмс.

И, подав княжне руку, он весело добавил:

– Подымайтесь, княжна, вверх. Ваши родители ждут вас.

Все вместе мы выбрались на набережную.

– Стой! – раздался вдруг зычный голос.

И Нат Пинкертон, быстро соскочив с извозчика, подлетел к Холмсу и схватил его за руку.

– Великолепно! Прелестно! – воскликнул он. – Да, да... вы победили, дорогой товарищ, и я от души поздравляю вас!

Кругом все смеялись, ликовали и пожимали друг другу руки.

А солнце продолжало ясно сиять на небе, словно радуясь всеобщему веселью.

ГРАБЕЖ ВО ВРЕМЯ ПАНИХИДЫ АРХИЕРЕЯ

I.

Не угодно ли! – проговорил Шерлок Холмс, протягивая мне газету. – Я думаю, дорогой Ватсон, что нахальство некоторых господ бывает настолько велико, что исключительно благодаря этому становится почти невыполнимым отыскать виновника.

– А в чем дело? – спросил я, беря из рук Холмса газетный лист.

– Прочтите заметку: «Пропажа драгоценностей у купца Н. А. Мюрева».

Я без труда отыскал в местной хронике эту заметку и прочел:

«Необыкновенно дерзкий грабеж. Вчера, 29 июня, купец первой гильдии Николай Александрович Мюрев пригласил в свою квартиру преосвященного Макария и двух священников для того, чтобы отслужить панихиду по своей любимой и единственной дочери, скончавшейся ровно год тому назад. Его преосвященство и прочее духовенство собрались к известному часу.

Прибыли также и певчие.

Когда съехались все приглашенные, панихида была отслужена и духовенство с гостями были приглашены к столу.

Сам Николай Александрович Мюрев с супругою Анной Егоровной присутствовали на панихиде в полном трауре.

После панихиды госпожа Мюрева переоделась, причем сняла с себя брошь и другие драгоценности.

По словам самой Мюревой, на ней в этот день было надето драгоценностей на шестьдесят восемь тысяч рублей, из которых одна брошь стоила сорок тысяч.

Эта брошь – очень старинная вещь и представляет из себя звезду, в центре которой находится бриллиант черной воды, ценою в тридцать тысяч рублей.

Выйдя, переодевшись, к гостям, госпожа Мюрева вспомнила, что не заперла вещи, и сию же минуту возвратилась в спальню, но... о, ужас!

Вещей не оказалось.

Госпожа Мюрева передевалась одна, без прислуги и после того, как вышла из спальни, никто не входил в эту комнату. Да никто и не мог войти туда незамеченным, так как в спальней комнате всего одна дверь.

Она ведет в будуар, который имеет в свою очередь две двери: одну в коридор, а другую в столовую.

Дверь в коридор была заперта на ключ, а через другую дверь никто не мог бы проникнуть в спальню незамеченным или самой хозяйкой, или кем-нибудь из гостей.

Заметив исчезновение драгоценностей, хозяйка подняла тревогу.

Поднялся страшный переполох, была вызвана полиция.

Госпожа Мюрева заявила, что из столовой никто не мог войти в спальню незамеченным и поэтому никто из гостей обвинен быть не может.

На этом основании была арестована ее домашняя прислуга.

Обед расстроился и гости разъехались.

У всех служащих в квартире Мюревых произведен был самый тщательный обыск.

Но... вещей нигде не оказалось.

Особенно интересным это происшествие делает то, что Мюревы пригласили для розысков знаменитого сыщика Ната Пинкертона, бывшего в этот день проездом в Москве.

Знаменитый сыщик изъявил свое согласие работать по этому делу и с чисто американским рвением взялся за него.

Нет сомнения, что вор скоро будет разыскан.

Сотрудник нашей газеты уже познакомился с мистером Натом Пинкертоном, и он обещал нам давать сведения о ходе дела.

Поэтому все сведения относительно этого необыкновенно дерзкого грабежа будут помещаться у нас в самом полном виде».

Прочитав заметку, я возвратил газету Холмсу.

– Ну, что? – спросил он у меня.

– Крайне любопытное дело! – ответил я.

– А как вам нравится выступление Ната Пинкертона?

– Ничего не могу сказать относительно этого.

Шерлок Холмс посмотрел на меня с улыбкой.

– Ведь вы знаете, дорогой Ватсон, что я страшно люблю спорт, – проговорил он.

– Знаю, – ответил я. – Но к чему вы задаете мне этот вопрос?

– Потому что нахожу выход моему спортивному азарту.

– То есть?

– Я берусь, инкогнито, за это дело. Мне просто-таки хочется проверить свои способности и узнать: кто из нас, я или Пинкертона, доберется до истины.

Я невольно улыбнулся.

– Надеюсь, мы будем работать вместе? – спросил Холмс.

– Конечно! – пожал я плечами.

Холмс достал из портсигара сигару, не спеша закурил ее и произнес:

– У Ната Пинкертона есть огромное преимущество. Он узнал о преступлении на сутки раньше меня и это все равно, что получить на бегу сотню сажен. Ну, да посмотрим. Если я буду побежден, это не будет для меня унижением. Не правда ли, дорогой Ватсон?

– Само собою разумеется! – ответил я.

– Но мы не должны терять ни одной минуты, если не хотим очутиться слишком позади. Надевайте ваше пальто, дорогой Ватсон. Нам надо очень спешить.

Недолго думая, я накинул пальто.

Холмс сделал то же самое и, выйдя на улицу, мы направились к дому Мюрера.

II.

Однако нам не суждено было сохранить на этот раз наше инкогнито.

Едва мы подошли к дому Мюрева, как из подъезда его вышел высокий, худощавый господин лет сорока с бритыми усами и бородой и быстрыми шагами направился в нашу сторону.

– Нат Пинкертон, – тихо сказал мне Шерлок Холмс, указывая глазами на господина.

В свою очередь, и вышедший из дому господин заметил нас.

Он бросил на Холмса пристальный взгляд и, поравнявшись с нами, вдруг снял шляпу со словами:

– Привет мистеру Шерлоку Холмсу!

– От души желаю того же мистеру Нату Пинкертону! – ответил Шерлок Холмс.

Оба знаменитых сыщика остановились и пожали друг другу руки.

Казалось, они читали все мысли друг друга.

И поэтому я не удивился, когда весь их разговор свелся лишь к нескольким словам.

– Итак, вместе? – спросил Нат Пинкертон.

– Да, – ответил Холмс. – Есть следы?

– Конечно. Если хотите – возвратимся.

– Вы сделаете мне большую любезность.

Больше они ничего не сказали друг другу.

Оба сыщика понимали друг друга без слов, считая совершенно излишним тратить много слов на разговор.

Втроем мы возвратились в дом Мюрева.

В доме царило уныние.

Нечего и говорить, что приход Шерлока Холмса страшно обрадовал Мюрева и его супругу.

Теперь-то для них уже не было сомнения, что вещи будут найдены.

Не теряя лишних слов, Нат Пинкертон провел Холмса по всему дому, показал ему расположение комнат и в ко-

ротких словах рассказал про все подробности преступления.

– Дело, кажется, не так запутано. Я надеюсь, что скоро преступник будет найден, – проговорил Нат Пинкертон. – Мною уже найден след и мне остается сделать лишь маленькую проверку.

– Да? – спросил Холмс.

И в его голосе послышалось легкое разочарование.

– Что делать! – пожал плечами Пинкертон.

– Нет ничего хуже, как являться слишком поздно, – проговорил Холмс. – Кого же вы подозреваете?

– О, в нашем деле не может быть секрета! – воскликнул Пинкертон. – Вещи украл один из домашних служащих, кучер Никита Панкратов.

– Можно спросить вас, как вы дошли до этого убеждения? – спросил Холмс.

– С удовольствием, – ответил Пинкертон. – Не угодно ли вам пройти в спальню? С момента открытия преступления в нее никто, кроме меня, не входил и она все время заперта.

– Прекрасная мера! – согласился Холмс.

Вслед за Натом Пинкертоном, мы с Холмсом вошли в спальню, которую Пинкертон отпер ключом.

Остановившись на пороге, Пинкертон заговорил:

– Вон там были оставлены снятые драгоценности. Сначала я думал, что вор проник сюда через столовую или через дверь, ведущую из будуара в коридор, но внимательный осмотр разубедил меня в этом. Не угодно ли вам подойти к окну?

Пройдя вдоль стенки, мы подошли к первому окну, в котором имелась форточка настолько большого размера, что средней комплекции человек мог свободно проникнуть через нее в комнату.

Указав рукой на наружный подоконник, Нат Пинкертон произнес, обращаясь к Холмсу:

– Конечно, вам виден след ноги на пыльном наружном подоконнике. Это след грубого сапога с подковкой на каблуке. Рядом с ним виднеется другой след, круглый, более нажатый в центре и расплывающийся по краям...

– Совершенно верно. Он походит на след колена, – вставил Шерлок Холмс.

– Так решил и я. Хозяева не доглядели, что форточка не заперта, и вор воспользовался этим. Вне всякого вероятия, вор действовал с помощью еще одного человека. Этот человек исполнял роль сигнальщика. Он мог поместиться на крыше сарая и, конечно, видел, когда хозяйка, сняв драгоценности, вышла к гостям. По его сигналу вор моментально взобрался через форточку в комнату, схватил вещи и, вылезая из форточки, стал на подоконник сначала ногой, затем, держась рукой за ручку рамы, опустился на колено и слез вниз.

– Снаружи было что-нибудь приставлено? – спросил Шерлок Холмс.

– Да. Во дворе, около окна, я нашел на земле валяющуюся лестницу, а около нее след той же ноги с подковкой на каблуке.

– Это все, что вы нашли в этой комнате? – спросил Шерлок Холмс.

– Да. А теперь я попрошу вас пожаловать во двор, – пригласил Нат Пинкертон.

– Я попросил бы вас подождать одну минутку! – сказал Холмс.

С этими словами он вынул из кармана большое увеличительное стекло и, опустившись на колени, стал что-то разглядывать на полу, переползая с места на место.

Окончив осмотр пола, он проделал то же самое с внутренним подоконником.

Вероятно, что-то обратило на себя его внимание, так как его лицо сделалось вдруг серьезным и сосредоточенным.

Вынув из кармана мерку, он произвел какое-то измерение.

Нат Пинкертон с улыбкой посматривал на его работу.

Наконец, он не выдержал.

– Вы работаете так, словно нашли совершенно новые следы! – проговорил он. – Но... могу вас уверить, что ваша работа совершенно излишня. Точно так же, как и вы, я нашел едва уловимые следы на внутреннем подоконнике,

но я не придаю значения. Во-первых, на подоконник изнутри постоянно становятся или для того, чтобы протирать стекла, или чтобы открыть форточку, но самое главное это то, что следы идут дальше.

– Весьма может быть! – ответил Холмс как-то загадочно.

– Вы в этом убедитесь сию минуту, – проговорил Пинкертон, выходя из спальни и запирая ее снова на ключ.

Мы вышли во двор и подошли к тому месту, куда выходили окна спальни.

Тут место было огорожено и небольшой квадрат прикрыт рогожей, укрепленной на кольях так, что она не касалась земли.

Осторожно приподняв ее, Пинкертон указал на ясно выделявшийся на песке след.

С первого же взгляда на него, я узнал тот же след, который был отпечатан на наружном подоконнике, с той же подковкой на каблуке.

– Только один след? – спросил Холмс.

– Только один, – ответил Нат Пинкертон. – Направление следа – к конюшне. Лишь только я заметил это, как тотчас же бросился в конюшню и перешарил в ней каждую соломинку.

– И, вероятно, что-нибудь нашли? – спросил Холмс.

– Да.

– Прислуга была уже арестована?

– Да.

– Задолго?

– Часа за три перед тем, как я начал розыски в конюшне.

– И что же вы нашли там?

Нат Пинкертон достал из кармана женское кольцо с бирюзой, окаймленной розанами.

– Вот эту вещь.

– Где?

– В яслях. В этом месте есть как раз ход на сеновал. Вор, схвативши вещи, бросился в конюшню и оттуда, вероятно, на сеновал, потеряв по дороге одну из краденых мелочей. Можно предполагать, что его сообщник, сидевший для

наблюдения на крыше конюшни, соскочил на сеновал, где принял от главного вора краденые вещи и вместе с ними скрылся. А вор возвратился во двор.

– Почему же вы заключаете, что именно кучер Никита Панкратов, а не кто-нибудь другой, украл вещи? – спросил Холмс, все время слушавший объяснения Ната Пинкертон с величайшим вниманием.

Пинкертон улыбнулся.

– Очень просто, – ответил он. – Арестовав всех служащих, я забрал все их вещи и, отобрав от них их обувь, стал сличать ее с найденными следами.

– И?..

– И нашел требуемое. В момент ареста на кучере Никите были сапоги, которые по величине хотя и подходили к следу, но не совсем, а по деталям и вовсе не подходили. Но зато под кроватью Никиты я нашел сапог, его старый сапог, хотя и не с той ноги, но вполне подходящий к следу по величине и деталям.

– Вы говорите, что сапог с другой ноги? – любопытствовал Холмс.

– Да. С правой. А на подоконнике и на земле под окном виден отпечаток левой ноги.

– Куда же девался у кучера левый сапог?

– Он говорит, что оба его сапога все время находились у него под кроватью.

– А левый?

– В этом его показания путаются. Он говорит, что не знает, куда и когда пропал сапог. Вообще он, видимо, путает...

– Но ведь действительно возможно, что кто-то украл его сапог.

– Один? – улыбаясь, спросил Пинкертон.

– Да, хотя бы и один. Для положительного обвинения нужны более веские доказательства.

– И они есть.

– А именно?

– В кармане его кучерского армяка найден маленький рубин, вероятно, вывалившиеся из какой-нибудь вещи и,

вследствие своей маленькой величины, оставшийся незамеченным в глубине кармана.

– Да... эти данные говорят ясно за его виновность, – задумчиво проговорил Холмс. – Где он находится?

– Пока – в сыскном.

– Его можно будет видеть?

– Без сомнения. Через час его приведут сюда.

– Но что он говорит относительно других вещей?

– Он запирается во всем. И надо заметить, что запирается очень естественно. Он уверяет, что в момент кражи – спал, будучи усталым после езды господ. Некоторые из дворни утверждают это, хотя и показывают, что все были в хлопотах и в комнату, где спал кучер, заглядывали редко.

– Подойдите-ка, Ватсон, сюда, – попросил Холмс, отрываясь от вопросов и снова подходя к тому месту, где на земле виднелся след. – Держите-ка лестницу!

Он приставил лестницу к окну и взобрался наверх.

– Нет сомнения, что лестницу приставляли и по ней подымались, – донесся до нас его голос. – След виден ясно.

Он спустился вниз и задумчиво произнес:

– Странно... очень странно...

– Что именно? – спросил Нат Пинкертон.

– Именно то, что всюду виден след лишь одной левой ноги.

Нат Пинкертон саркастически улыбнулся.

– Можно подумать, что вы, несмотря на неопровержимые доказательства, не верите в виновность кучера Никиты Панкратова.

В его голосе звучала насмешка.

Холмс пожал плечами.

– У каждого могут быть свои взгляды! – произнес он.

– В особенности, когда люди иногда сознательно ищут чудес и фокусов там, где дело ясно и просто.

– Вы говорите обо мне?

– В данном случае – да! – сказал Пинкертон, не стараясь даже скрыть презрительной улыбки.

– Будущее покажет, кто из нас прав, – произнес Шерлок Холмс.

III.

Никита Панкратов был рослый, сильный мужик, с солидной, окладистой бородой и добродушным, чисто русским лицом.

Когда его ввели в дом, в сопровождении двух часовых, он выглядел совершенно растерянным и убитым.

В эту минуту в комнате, кроме мистера Пинкертона, Шерлока Холмса и меня, находился сам хозяин Николай Александрович Мюрев.

Лишь только Никита увидел хозяина, как вдруг грузно повалился на колени.

– Батюшка! Хозяин, отец родной! Смилуйся ты надо мною! – завопил он как иступленный. – Пять лет я тебе верой и правдой служил!.. Да неужели я бы решился!..

Рыдания прервали его слова.

Горе этого человека было настолько натурально, настолько сильно, что лицо хозяина даже передернулось...

– Я, брат, что ж... Я ничего... Это точно, что я тобой доволен был... – забормотал он растерянно,

Но на Ната Пинкертона это излияние не произвело, по видимому, никакого действия.

Его сухое лицо оставалось по-прежнему совершенно бесстрастным, а глаза смотрели строго и холодно, как бы стараясь проникнуть в самую глубь души жертвы.

– Ваше присутствие я считаю совершенно излишним, – произнес он наконец, обращаясь к хозяину.

– Я ничего... Я могу – уйти... – пробормотал последний сконфуженно.

С этими словами он встал с кресла и медленно удалился в другую комнату.

– Встаньте! – проговорил Нат Пинкертон, обращаясь к кучеру. – Ваши просьбы и мольбы на нас не подействуют – вы это прекрасно знаете. Все улики – против вас...

– Батюшка, отец родной! Да нешто я мог... – простонал кучер.

Но Пинкертон строго перебил его.

– Вы должны помнить, что сознание облегчает вину. Ваше наказание, в случае сознания, будет гораздо легче...

Кучер раскрыл было рот, хотел что-то сказать, но вместо слов как-то безнадежно махнул рукой.

Между тем, Пинкертон продолжал:

– Если бы воров были и не вы, то во всяком случае у вас должно было бы быть подозрение на другого. Кто же мог украсть, например, ваш сапог? И почему бы ему не украсть пару, раз оба сапога лежали вместе?

– Не знаю, батюшка, ей Богу не знаю! – бултыхнулся снова на колени Никита.

– Да ведь накануне вы видели свои сапоги?

– Не то что накануне, а даже вчера ранним утром!

– А камень, который был найден у вас в кармане? – продолжал пытаться сыщик.

– И про камень, батюшка, ничего не знаю! Отродясь у меня таких камешков не было, а коли бы и был, так я бы его за простое стеклышко почел.

На лице Ната Пинкертона скользнула презрительная улыбка.

– А знаете ли вы, что тех улик, которые есть против вас, вполне достаточно для суда, чтобы осудить вас? – спросил он холодно.

– Знаю, батюшка, знаю, отец родной! – с тоской воскликнул кучер. – Неспроста тут все делается! Видно, лукавый замешался в это дело, потому что человеку не сделать так!

– А кто был вашим помощником?

– Каким помощником? – удивленно спросил Никита.

– Не притворяйтесь! Мне известно, что у вас был помощник, и даже известно, где он сидел. Этот помощник уже арестован и сознался во всем. Вас же я спрашиваю о

нем специально для того, чтобы проверить, насколько вы умеете запирается. Ну?

Физиономия Никиты, при этих словах, сделалась совершенно растерянной.

– Сознался?.. мой помощник?.. – забормотал он. – Господи! Да кто же это?

– Не знаешь? – спросил строго Пинкертон, переходя на «ТЫ».

– Не знаю, барин!

– Ну, так ладно! Ты это узнаешь на суде! Значит, ты решительно отказываешься от всего?

– Да в чем же сознаваться? – воскликнул с тоской Никита.

– Это дело твое! – ответил холодно Пинкертон. – Моя обязанность заключается в том, чтобы предупредить тебя в том, что все улики против тебя. Тебе никто не поверит, что ты не виноват, а следовательно, от тебя самого зависит чистосердечным признанием уменьшить наказание.

Видя, что кучер не отвечает, Пинкертон добавил:

– Поверь, что тебе не удастся воспользоваться ни одной краденой вещью. Даже тогда, когда ты отбудешь наказание. За тобой будут следить самым тщательным образом...

Но тут речь его вдруг оборвалась.

Лицо кучера вдруг побагровело, глаза налились кровью и он, выпрямившись во весь свой рост, крикнул громко:

– Не был я вором да и только! Судите меня, хоть вешайте, а я знать не знаю вас! Убирайтесь к черту, я и отвечать-то вам не буду! Хоть жилы из меня вытягивайте, природы, так и по мне все равно!

– В таком случае мне не о чем с тобой и разговаривать!
– произнес холодно Нат Пинкертон.

И, обернувшись к конвойным, он приказал:

– Можете вести его назад.

Ни слова не произнеся, Никита вышел из комнаты в сопровождении полицейских.

– Вы видите, этот тип умеет хорошо запирается! – произнес с насмешкой Пинкертон. – Но... я еще не спросил вашего мнения, коллега, относительно кучера.

Шерлок Холмс не ответил ни слова.

Он несколько минут молча шагал по комнате, низко опустив голову.

Но вот он, наконец, выпрямился и, задумчиво взглянув на Пинкертона, произнес:

– Никита Панкратов ни в чем не виноват.

– Что-о?! – воскликнул удивленно Пинкертона. – Вы говорите, что он не виноват?

– Да, – твердо повторил Холмс.

– Несмотря на прямые улики?

– Да.

– Но кто же, по-вашему, вор?

– Этого я не знаю, но будущее покажет это. Могу одно сказать, что я знаю более чем хорошо душу человеческую, и голос, исходящий из глубины и дышащий такой правдой, как у этого кучера, не может лгать!

Пинкертона улыбнулся.

– Вы думаете? – спросил он пренебрежительно, задетый слегка за самолюбие словами Холмса.

– Повторяю, я в этом уверен, – серьезно ответил Холмс.

– В таком случае, позвольте пожелать вам успеха в отыскании виновного, – насмешливо сказал Пинкертона. – Что же касается меня, то я его уже нашел и единственное, что остается мне, это отыскать его помощника и краденые вещи.

Он слегка поклонился нам и добавил:

– А пока, позвольте пожелать вам всего хорошего!

С этими словами он повернулся и вышел из комнаты.

IV.

Мы остались с Холмсом одни.

Несколько минут мой друг упорно молчал, глядя задумчиво куда-то в пространство. Потом он подошел ко мне, положил руку на мое плечо и произнес:

– Нет, нет, дорогой Ватсон, предчувствие не обманывает меня! Этот человек не может быть виновен! Обстоятельства сложились для него очень плохо... Все говорит против него, но я постараюсь распутать это чрезвычайно запутанное преступление и удержать этим судьей от ложного шага.

– Мне тоже не верится, чтобы кучер был виноват, – ответил я. – Уж чересчур искренен его голос!

– В том-то и дело! Нат Пинкертон попал на ложный след, на который его навел другой ловкий вор, а самолюбие не позволяет ему сознаться в этом.

И вдруг, весело улыбнувшись, он добавил:

– Если смотреть на это дело с спортивной точки зрения, то я должен радоваться, что мой соперник находится на ложном следу. Пойдемте сию же минуту к хозяину дома. Мне нужно его расспросить кое о чем.

Хозяина мы застали в гостиной. Услыхав, что Шерлок Холмс желает задать ему и его жене несколько вопросов, он изъявил свое полное согласие.

На его зов в комнату вошла Анна Егоровна, и Холмс прямо приступил к делу.

– Кто присутствовал в то время, как вы одевали на себя драгоценности? – спросил он Анну Егоровну.

– Горничная.

– А когда снимали?

– Никого.

– Не видали ли вы кого-нибудь входящим в дверь, после того как вы вышли переодевшись?

– Решительно нет.

– Были ли окна в вашей спальне занавешены во время переодевания?

– Нет. Это я помню хорошо. Я так спешила, что не успела спустить портьеры.

– Не выглядывали ли вы во время переодевания во двор? Может быть, вы заметили кого-нибудь из своих или посторонних, кто слишком пристально глядел на ваши окна?

– Н-нет... – ответила Мюрева. – Во дворе, кажется, совсем никого не было... Вернее сказать, я не заметила...

– Жаль. Но... не видали ли вы кого-нибудь на одной из крыш?

Анна Егоровна задумалась.

– Нет, – произнесла она наконец задумчиво. – На наших дворовых крышах я не видела никого.

– А на соседних?

– Погодите... Да, да, теперь я припоминаю! На соседней крыше я видела рабочего. Он, кажется, что-то чинил...

– Ага! Имеет ли та крыша сообщение или соприкосновение с одной из крыш вашего двора? – с живостью спросил Холмс.

– Нет! – ответила Мюрева.

– Совсем?

– Совсем. Та крыша отделяется от нас большим двором.

– Не заметили ли вы вообще чего-нибудь подозрительного в чьем-либо поведении?

– Нет, решительно нет!

– Благодарю вас, – поклонился Шерлок Холмс. – Теперь ваша очередь, Николай Александрович! Как служил у вас Никита?

Мюрев только руками развел.

– Пожаловаться на него никогда не мог! – ответил он. – Мужик был честный, добродетельный, трезвый...

– Часто ли он отлучался?

– Почти никогда. За пять лет службы раза два уезжал на побывку в деревню, жил скромно и деньгу копил, старикам своим один раз тридцать рублей дал, да другой раз – тридцать четыре.

– Верите ли вы в его виновность?

– Я бы и не поверил, если бы не такие доказательства.

– Кто у вас еще служит?

– Кухарка есть, горничная, да дворник.

– Не подозреваете ли вы кого-нибудь из них? Не отличается ли кто из них дурным поведением?

– Н-нет... кухарке уже шестой десяток пошел, она и состарилась в нашем доме... В горничных – ее внучка служит и все ее знают за серьезную, честную девушку; дворник тоже

уже восемь лет как у нас, да он никогда и в дом-то не входит! Где уж ему знать: что, где и как...

– Не замечали ли вы кого-нибудь подозрительного среди гостей?

– А кто их разберет! Были певчие...

– Где они помещались и раздевались?

– Раздевались в передней, а стояли в зале.

– Не замечали ли вы, чтобы кто-нибудь из них куда-нибудь выходил во время службы или до нее?

– Гм... один певчий точно что часто выходил... должно быть, расстройство желудка было.

– А какой он из себя? – быстро спросил Холмс.

– Черный такой, худощавый...

– Опишите мне подробнее его лицо.

– Вот он стоял с самого краю хора, так я его потому и заметил. С вас будет ростом, одет прилично в черную сюртучную пару, глаза черные, волосы черные, довольно длинные, усы густые, распушенные.

– Больше вы ни на кого не обратили внимания?

– Нет. Вот только диакон, у того голос богатейший!

– Ну, это-то меня мало интересует! – улыбнулся Шерлок Холмс.

– А больше я, признаться, никого не приметил! – проговорил Мюрер.

Поблагодарив его за сведения, Холмс простился и мы вышли.

V.

– Ну-с, дорогой Ватсон, а теперь скорее вперед! Если мы не опоздали, то добьемся своего! – сказал мне Холмс, когда мы вышли на улицу. – Мне кажется, что я напал на новый след, которого не заметил Нат Пинкертон.

С этими словами он подозвал извозчика, мы сели в пролетку и Холмс приказал ехать к преосвященному Макарию на дом, сказав извозчику его адрес.

Не прошло и получаса, как мы были уже на месте.

– Скажите, пожалуйста, где живет регент хора? – спросил Холмс у привратника.

– А вот тут! – указал он на один из флигелей.

Следуя указанию, мы вошли во второй этаж и позвонили.

На наше счастье, регент оказался дома. Узнав наши имена, он просиял от радости, что видит пред собою Шерлока Холмса, и суетливо пригласил нас войти в гостиную.

– Чем могу служить? – заговорил он, усаживая нас.

Но, не дождавшись ответа, вдруг обернулся к двери и крикнул:

– Маша! Поди-ка сюда! Посмотри, каких знаменитых гостей привел к нам Бог!

Из соседней комнаты появилась жена регента, пухлая, довольно красивая женщина лет двадцати пяти.

– Подумай только! Сам Шерлок Холмс!

– Ах, батюшки! – воскликнула хозяйка. – Сейчас вот закусокку, да самоварчик приготовлю...

И она снова исчезла из комнаты.

Это было нам на руку.

С утра мы ничего не ели и были голодны, как волки.

Однако Холмс приступил к расспросам, не дожидаясь завтрака.

Сделав несколько вступительных вопросов, Холмс стал его расспрашивать о певчих.

– Скажите, пожалуйста, как фамилия высокого певчего, брюнета, с довольно длинными волосами и черными пушистыми усами? – спросил он.

Регент сделал удивленное лицо.

– Брюнета, с черными пушистыми усами? Это какого же?

– Такой худощавый, – пояснил Холмс. – Во время панихиды у Мюревых он был одет в черную сюртучную пару и стоял с краю хора.

– Гм... в черной, вы говорите, сюртучной паре?

– Да. И притом в очень хорошей.

– Ничего не понимаю... -- произнес с недоумением регент. – Есть у меня бас – брюнет, только усы у него не пу-

шистые, да и пьет он шибко, так что хорошей сюртучной тройки у него и в заводе не было.

– Так, значит, у вас нет такого певчего, который подходил бы ко всем сказанным приметам?

– Решительно нет.

– Но может быть, вы заметили...

– Постойте, постойте! – перебил регент. – Ведь действительно на панихиде у Мюревых был такой! Да, да, я припоминаю... Точь-в-точь такой господин, как вы описываете! Только он вовсе не певчий. Он, должно быть, так себе присоединился к хору! Это многие любят. Он стоял рядом с басами и подпевал.

– Вот-вот! – воскликнул Шерлок Холмс. – Про него-то и идет речь! Так вы не знаете, кто этот господин?

– Нет, не знаю! – ответил регент – А почему вы им так интересуетесь?

– Потому что вижу связь между ним и кражей драгоценностей у госпожи Мюревой, – серьезно ответил Холмс.

– Вот как! – воскликнул заинтересованный регент.

В это время в комнату вошла хозяйка и пригласила нас закусить.

За завтраком разговор вертелся преимущественно вокруг преступления.

– Не заметили ли вы: с вами выходил, или нет, тот господин, которого я описываю? – спросил между прочим Холмс.

Регент задумался.

– Кажется, с нами! – сказал он наконец. – Но куда он делся потом: я не знаю.

– А кто вышел раньше: преосвященный или вы?

– Мы вышли следом за ним, так что при нас его сажали в карету.

– Это верно?

– О, да!

– А кто подсаживал его в карету?

– Дьякон и священник Благовещенский.

– А где живет этот дьякон?

– В этом же дворе, только в другом флигеле.

– Как его зовут?

– Отец Петр.

Холмс выпил рюмку водки, закусил сардинкой и снова стал расспрашивать:

– Переполох в доме Мюревых поднялся при вас?

– Как же!

– Не заметили ли вы, сколько времени прошло с того момента, когда госпожа Мюрева вышла, чтобы пригласить всех к столу, и тем моментом, когда поднялась тревога?

– Как вам сказать? Минут шесть-семь!

– А не меньше? Госпожа Мюрева говорит, что прошло не более двух минут.

Регент улыбнулся.

– Ну уж нет! – произнес он. – Я по своему желудку это помню! Помню, кончили мы панихиду, хозяйка ушла переодеться, а мы и ждем: когда же нас закусить попросят! На часы посмотрел – вижу, хозяйки уже пять минут как нет, а потом через минутку-две она появилась бледная, да встревоженная! Ну, и пошло смятение. Нас, певчих, конечно, не обыскивали, потому что весь хор все время в зале стоял...

– Так, так, – задумчиво произнес Холмс. – Значит, не две минуты?

– Конечно не две! Это хозяйке впопыхах так показалось!

– Это очень важно для меня! И, значит, из-за этого завтрак расстроился?

– Да. Поняли все, что хозяевам не до нас. Сначала преосвященный собрался ехать, а за ним потянулись и все остальные.

– Очень, очень вам благодарен за ваши сведения! – сказал Шерлок Холмс, вставая из-за стола. – Вы, конечно, понимаете, что моя работа требует поспешности и поэтому я не могу оставаться у вас лишней минуты! Еще раз благодарю вас и хозяйку!

Мы пожали руки хозяйке и хозяину и направились к диакону.

Он жил в том же дворе, но через дом.

Когда мы вошли в его квартиру, его не было дома.

Однако жена диакона сию же минуту послала за ним к священнику, и через несколько минут он был уже перед нами.

VI.

Подобно регенту, он страшно обрадовался, узнав, что перед ним стоит знаменитый Шерлок Холмс.

Так же, как и регенту, Шерлок Холмс точно описал ему приметы незнакомого брюнета.

– Заметили ли вы его? – спросил Холмс.

– Заметил, как не заметить! – ответил диакон. – Раньше-то я, признаться, не примечал его, а вот только когда подсаживал его преосвященство...

– А что тогда случилось? – быстро спросил Холмс.

– Да уж больно ретиво он помогал нам!

– А ну-ка, расскажите все по порядку, – попросил Шерлок Холмс.

– Дело, видите ли, так было, – заговорил диакон. – Когда его преосвященство вышел, карета подъехала и я с отцом Благовещенским подошли, чтобы подсадить его преосвященство.

– Так, так...

– Ну вот-с... Только это мы стали подсаживать, как вдруг подсказывает этот самый господин под благословение. Его преосвященство благословил... Ну-с так вот... Вдруг он и говорит: – «разрешите и мне подсадить его преосвященство!» – Ну, мы – ничего! Он и бросился подсаживать! Все ногам чтобы преосвященного легче было...

– Ногам, вы говорите? – переспросил Холмс.

– Да, – ответил диакон. – Он устави́л преосвященному ноги, подвернул ему яреу и, снова приняв благословение – удалился.

– Не заметили ли вы, чтобы он чересчур долго усаживал архиерея? – спросил Холмс.

– Гм... как вам сказать... – замялся диакон. – Конечно, постороннее лицо не столь привычно... Мы-то, ведь, на этом стоим, а следовательно, у нас все быстрее делается...

– Так, так! А не заметили ли вы, куда он после этого пошел?

– Право, не заметил.

– И больше вы его не видали?

– Видел.

– Когда и где?

– Часа три тому назад.

– Где?

– Здесь.

– В архиерейском дворе?

– Да. Он спрашивал старшего кучера.

– Ну, ну...

– Только старшего кучера не было дома.

– И что ему сказали?

– Просили зайти позднее.

– И что он ответил?

– Что придет.

– А не знаете ли, приходил он во второй раз?

– Не знаю. Но это можно узнать.

– Пожалуйста! – попросил Холмс.

Диакон кивнул головой и вышел из комнаты.

Немного спустя он возвратился и объявил, что незнакомец еще не возвращался вторично.

Тогда Холмс приказал позвать старшего кучера.

Пока человек ходил за кучером, Шерлок Холмс подробно расспросил о нем диакона.

Судя по словам диакона, этот кучер, которому было лет сорок восемь, был человеком крайне религиозным, высокой честности и редкой благотворительности, доходившей до того, что он раздавал, в продолжение своей двадцатилетней службы, почти все свое жалование бедным, оставляя себе лишь на самое необходимое.

Слушая эту аттестацию, Шерлок Холмс с видимым удовлетворением кивал головой.

Наконец пришел и старший кучер.

По одному взгляду на него можно было заключить, что это безусловно честный человек.

Он вошел, перекрестился на образа и поклонился нам.

– Слушай, Иннокентий, – заговорил отец диакон. – Вот тут случилось одно преступление, так по этому делу приглашены они... чтобы разведать, значит. Так ты уж говори и делай все для них.

– Небось не для воров же буду делать! – ответил обидчиво кучер.

– Так вот что, мой милый! – заговорил Холмс. – Может быть, помните: когда его преосвященство служил панихиду у Мюревых и после этого вышел, его подсаживал чернявый такой господин...

– Нет, не видал! – покачал головой кучер.

– А не заходил ли такой брюнет к вам после этого? Высокий, худощавый, с пушистыми усами?

– Не заходил. Сказывают, сегодня приходил кто-то, только я его не видал.

– Вот и прекрасно! – сказал Холмс. – Так вот, дорогой Иннокентий, все, что я вас буду просить – вы исполните?

– Коли для правого дела, так почему и не исполнить! – ответил серьезно кучер.

– Спасибо! – проговорил Шерлок Холмс. – Сегодня к вам придет один господин. Как раз такой, какого я сейчас описывал, но, возможно, что он примет и другой облик. Все, о чем бы он с вами ни говорил, должно быть тотчас же передано мне.

– Слушаю-с.

– Во-вторых, если этот или вообще другой незнакомец придет к вам, не показывайте и тени подозрения.

– Понимаю-с.

– В-третьих: если зайдет речь о карете его преосвященства, то без меня не показывайте ее никому.

– Понимаю-с.

– Теперь скажите мне: есть ли в каретный сарай такой ход, кроме главного, через который можно было бы проникнуть туда незаметно?

– Есть. Люк в чердаке.

- Прекрасно. А есть где спрятаться незаметно в сарае?
 - Можно.
 - Вы мне покажете?
 - Хоть сию минуту.
 - Очень хорошо. Теперь еще одно приказание. Если кто захочет осмотреть карету, то скажите, что не можете допустить этого без разрешения ну хоть... кого бы?
 - Смотрителя можно назвать, – ответил, ухмыляясь, кучер.
 - Дело! Этим смотрителем буду я.
 - Понимаю-с.
 - А теперь пойдемте осмотреть каретник, а по дороге я дам вам еще несколько советов.
- Вместе с кучером Холмс вышел из комнаты, оставив меня с диаконом.

VII.

Когда он возвратился назад, лицо его положительно сияло.

Сказав диакону, что ему нужно остаться со мною наедине, он попросил его прощения за то, что действует так самовольно в его квартире.

– Что вы, что вы! – заволновался диакон. – Сколько вам угодно!

И с этими словами он вышел.

Оставшись со мной наедине, Шерлок Холмс подсел ко мне совсем близко и заговорил:

– Итак, дорогой Ватсон, дело близится к развязке. Я был прав, говоря, что Нат Пинкертон напал на ложный след и чересчур поторопился обвинить невинного человека...

– Дай Бог, чтобы это было так! – проговорил я.

– Вы в этом скоро убедитесь! – сказал Холмс. – И если вас интересует весь ход дела, то в настоящую минуту я готов удовлетворить вашему любопытству.

– Но конечно же! – воскликнул я.

– В таком случае, слушайте! – заговорил Холмс.

Он не спеша закурил сигару и, попыхивая густыми клубами дыма, стал рассказывать.

– Вы помните, конечно, дорогой Ватсон, что Пинкертон отнесся совершенно равнодушно к следам на внутреннем подоконнике спальни.

– Помню.

– Ну так вот! Я не так отнесся к ним. Исследовав следы на наружном подоконнике, я заметил там след сапога с левой ноги и след колена. Нат Пинкертон недостаточно внимательно отнесся к ним. Если бы он отнесся к ним более внимательно, то без сомнения заметил бы, что оба эти следа – искусственные. След сапога отпечатался целиком от каблука до самого конца носка, а этого никогда не бывает в действительности, раз человек ставит ногу не на глину или вообще мягкую почву, а на твердую плоскость, лишь покрытую пылью. Носок у сапога всегда бывает приподнят, и если человек приподнимается даже на носки, то и тогда конец носка не отпечатается. Затем мне бросилось в глаза то обстоятельство, что на наружном подоконнике всего один сапожный след. Если бы человек действительно влезал в форточку, то он неминуемо должен был бы оставить хоть два сапожных и два коленных следа. Одну пару при влезании, другую при вылезании. Внизу, под окном, оказался также лишь один след, с той же левой ноги. В этом следе каблук был вдавлен в землю очень сильно, словно для того, чтобы подчеркнуть присутствие на каблуке подковки, а подошва была отпечатана легко. Здесь фальшь ярко бросается в глаза. Ясно, что след должен был получиться при прыжке с последней ступеньки лестницы, но если бы это было так, то упор должен был бы получиться на переднюю часть ступни. Лишь только я заметил это, как в голове моей созрела вполне определенная нить. На внутреннем подоконнике следы были совершенно не схожие с наружными. Тогда, по пути, я осмотрел дверь, ведущую из будуара в коридор. Тут, на медной оправе замочной скважины, я заметил несколько свежих царапин по

краям, а посмотрев самую скважину через увеличительное стекло, я заметил и в ней свежие царапины. Для меня стало ясным, что тут шла спешная работа с отмычкой. Теперь, надеюсь, для вас все ясно.

– Да, почти, – ответил я.

– Итак, неизвестный негодяй воспользовался суматохой в доме и сном кучера Никиты. Он забрался в его конурку и в голове его созрел план. Быстро схватив первый попавшийся сапог, он выскочил с ним во двор. Другой негодяй сидел на соседней крыше, с которой прекрасно видна вся внутренность дома. Вероятно, он заметил, что в спальне хозяйки никого нет, и дал об этом знать своему товарищу. Тогда первый быстро подставил лестницу к окну и, поднявшись по ней, тиснул на подоконнике след сапога и локтем сделал что-то похожее на след колена. Работа требовала быстроты, и он торопился. Поэтому он выдавил на земле лишь один след, а свои – тщательно уничтожил. Все это произошло в то время, когда хозяева, приехав из города, готовили квартиру к панихиде. Затем негодяй вышел на улицу и, когда певчие и гости входили в дом, затерся между ними и вместе с ними проник в квартиру, не возбудив ничего подозрения. Хозяева, вероятно, думали, что он певчий, а певчие воображали, что это гость. Если вы припомните, комната, в которой шла панихида, выходит окнами во двор. Отсюда он наблюдал за сигналами, даваемыми с крыши. Во время панихиды он несколько раз выходил якобы в клозет, а на самом деле лишь в коридор, где за несколько раз подобрал отмычку. После панихиды кухарка бросилась на кухню, а горничная в столовую. Расположение этих комнат – рядовое: зал, где шла панихида, затем столовая, потом будуар и спальня. Эти комнаты идут анфиладой, имея каждая, кроме спальни, дверь в коридор. После окончания панихиды хозяйка пошла, быстро переделавшись и вышла в зал, чтобы пригласить гостей в столовую. Сигнальщик это видел и рассчитал, что, переодевшись, она уже долго не войдет в спальню. Получив сигнал, вор, в то время, как гости вслед за хозяйкой входили в столовую, быстро проскользнул в коридор, от-

пер отмычкой дверь в будуар, юркнул оттуда в спальню и, схватив вещи, лежавшие на виду, в несколько секунд возвратился назад. Конечно, я не говорю, что он рассчитывал на то, что вещи будут на виду. Вероятно, они с крыши следили долго за Мюревой, выслеживая, куда она прячет вещи. Он шел на взлом, но к взлому не пришлось прибегнуть. Выйдя незаметно в коридор, он снова замешался в толпу певчих, вместе с ними вышел, но опередил их на лестнице и, оставив у себя лишь одно кольцо, спрятал остальные вещи в карете, в то время, как подсаживал архиерея.

– Но как же кольцо очутилось в яслях, а камешек в кармане кучерского армяка?

– Ну, тут-то он действовал без риска. Добежать до конюшни и подбросить кольцо не трудно. А камень можно было сунуть тем же путем, каким он брал сапог. Не правда ли, вся эта история более чем проста?

– Вряд ли на свете найдется человек, у которого выводы и действия отличались бы такой последовательностью, как у вас.

VIII.

Шерлок Холмс хотел что-то сказать, но в это время в комнату вошел кучер.

– Тут ко мне какой-то господин пришел, только не черный, а русский и борода русая, – произнес он.

– Знакомый? – быстро спросил Холмс.

– Нет, впервой вижу, – ответил кучер. – Только подозрительно, потому что насчет кареты говорит.

– Ага! Ну-ка, дорогой Ватсон, вызовите по телефону Ната Пинкертон! Пусть моментально едет сюда!

И, обратившись к кучеру, он спросил:

– Говорите скорее и подробнее.

– Говорит этот... купец он что ли? По манере на кушца смахивает! – «Видел я, – говорит, – что его преосвящен-

ства карета будто того... неважная... Так я порадеть хочу для Бога... Коли еще хороша, так даром подновлю, а коли нет, то новую подарить хочу. Только пусть это в секрете от преосвященного будет. Если подновить придется, так я материал и мастеров за свой счет пришлю, а коли плоха – так сейчас новую доставлю, а старую себе возьму».

– Так, так, – кивнул головой Холмс. – Дальше!

– Просит карету показать!

– Скажите, что покажете, только задержите его минут на пятнадцать.

– Слушаю-с! – поклонился кучер и вышел вон.

– Ну-с, Ватсон, бегите к телефону, – сказал мне Холмс.

– Если, придя назад, меня здесь не застанете, то пройдите на чердак над каретником. Только осторожно! Лучше, если вы придете туда с Пинкертоном!

Кивнув головой, я почти бегом выскочил из комнаты.

Вызвать Пинкертона по телефону было для меня делом одной минуты.

Мой вызов произвел на него, по-видимому, большое впечатление, и не прошло двадцати минут, как он уже был на квартире у диакона.

– В чем дело? – спросил он тревожно, пожимая мне руку.

– Кажется, Холмс готовит вам сюрприз. Бриллианты и вор Мюревых найдены.

Нат Пинкертон удивленно взглянул на меня.

В коротких словах я передал ему всю историю.

– Да-а... – произнес задумчиво Пинкертон. – Победой Холмса я должен бы быть недоволен, но... я радуюсь ей совершенно искренне. Он спас невинного человека, а тем самым снял и с меня вину за него! Но... возможно, что дело в конце примет другой оборот.

– А пока пойдемте на чердак! – пригласил я. – Наша мощь, может быть, и понадобится!

– Конечно! – живо ответил американец.

По моей просьбе диакон указал нам ход, по которому мы совершенно незаметно проникли на чердак каретного сарая.

Едва ступая, добрались мы до темного люка и легли на доски.

Потолок был плох, щели в нем были повсюду и мы, пригнувшись к ним, стали молча наблюдать за тем, что делается в сарае.

Сначала в нем было совершенно темно и пусто.

Но вот на дворе послышались шаги, шелканье замка и засовов, затем ворота отворились и дневной свет осветил сарай.

В нем стояла карета, ландо, две пролетки, а в углу были навалены друг на друга несколько саней.

Когда ворота отворились, в сарай вошли: кучер и русский господин, довольно пожилой, похожий на купца.

– Эта, что ли, карета? – проговорил он, подходя к выездной карете.

– Эта-с! – ответил кучер.

Незнакомец с видом знатока стал осматривать карету снаружи.

– Карета крепкая! – произнес он наконец. – Вот только полакировать ее заново нужно, да кучерскую подушку новой кожей покрыть.

Окончив наружный осмотр, он отворил дверцу кареты и половиной своего корпуса влез в нее.

– Ну... тут можно сделать и поизряднее! – проговорил он оттуда. – Сиденье вот подновить!..

При этих словах он нагнулся и я ясно видел сверху, как его рука юркнула под сиденье и затем за пазуху.

Проделав это, он вылез из кареты, проговорив:

– Ну, спасибо! Сегодня же пришло мастеров и материал, а вы уж посмотрите, чтобы все делалось как следует!

Он вынул рублевку и подал ее кучеру.

– А это вам за труды! До свидания покамест!

– Нет, только здравствуй! – раздался вдруг могучий голос Шерлока Холмса и великий сыщик, выскочив из-за саней, кинулся на незнакомца.

Но вор был не из числа трусливых.

В одно мгновение он сообразил, что пойман.

– Не так дешево! – заревел он, отскакивая в сторону и, выхватив револьвер, поднял дуло.

В ту же секунду рядом со мною грянул выстрел и негодяй упал с простреленной рукой.

Этот выстрел принадлежал Нату Пинкертону.

Американец сразу увидел опасность, угрожавшую Холмсу, и подскочив к поднятому люку, выстрелил в грабителя в ту самую секунду, когда тот собирался послать пулю в грудь Холмса.

Спрыгнуть через люк в сарай было делом секунды и все втроем мы подскочили к раненому.

Одним движением руки Холмс сорвал с него парик, бороду и усы.

Затем он расстегнул на нем поддевку и пиджак, вынул из бокового кармана сверток и развернул его перед нами. Все вещи, украденные у Мюревых, оказались налицо, за исключением колечка с бирюзой.

Увидав их, Нат Пинкертон молча, с чувством пожал руку Холмса.

Между тем, на выстрел собрался весь двор.

Немедленно было послано за полицией и раненого увезли в тюремную больницу, где в тот же день сыскное отделение признало в нем известного вора и громилу Антона Верангина, по кличке «Шило», долгое время ускользавшего из рук полиции.

Вместе со всеми краденными вещами мы направились к Мюревым, которые, извещенные уже по телефону, ждали нас за накрытым обеденным столом.

РЫНОК ЖЕНЩИН

I.

В комнате было уютно и тепло.
Я как сейчас помню этот вечер.
Мы занимали две комнаты в одной из самых лучших гостиниц Москвы. Одна из них служила нам гостиной, а другая – спальней.

В описываемый вечер мы сидели в гостиной.

В камине горел веселый огонь и сухие дрова громко потрескивали, выбрасывая из камина снопы искр.

Шерлок Холмс недавно пришел с улицы, где он долго гулял, наслаждаясь свежим воздухом ранней весны, и теперь с удовольствием грел свои слегка озябшие руки.

Мы нарочно не зажгли лампы. Яркий огонь, колыхаясь в камине, красиво освещал комнату и делал ее уютной и теплой.

С улицы доносился глухой грохот колес.

– Как хороша весна! – задумчиво сказал Холмс, протягивая свои длинные ноги к огню.

– Да, хороша... – ответил я.

– Особенно в России! Эта страна словно создана для весны! – заговорил он улыбаясь. – В нашей Европе весна совершенно незаметна.

– Правда! – подтвердил я.

– У нас весной, правда, становится теплее, солнце становится ласковее, но проклятые дожди уничтожают буквально всю иллюзию...

– Делая весну попросту противной.

– Верно! А тут, в этой России, она не только хороша, но и величественна. Всю зиму эта страна покрыта мертвым снежным покровом, реки и озера скованы льдом, люди мерзнут от холода... И вдруг... словно волшебник взмахивает своей палочкой.

– Дивно хорошо!

– Еще бы! Пришла весна и снежная, холодная страна вдруг словно рождается вновь. Льды лопаются, снег тихо исчезает, воды журчат... Да ведь это же прелесть что такое! Не правда ли, Ватсон, хорошо!

– Да, хорошо, очень хорошо! — произнес я.

Мы замолчали и продолжали безмолвно сидеть, глядя прямо в огонь.

– Почему вы не курите сигар, Ватсон? — спросил вдруг Шерлок Холмс.

– Станный вопрос! — ответил я. — Почему бы мне следовало курить вообще и сигары в частности?

Холмс улыбнулся.

– Я шучу! Но что касается меня, то, уверяю вас — я не столько люблю ощущение никотина в легких, как самый вид синеватого дыма, медленно тянущегося в воздухе.

Он достал из бокового кармана сигару, закурил и выпустил огромный клуб синеватого дыма, который вдруг, вытянувшись, потянулся тонкой струйкой в камин.

С тихой улыбкой Холмс смотрел на него.

В это время в дверь кто-то постучал.

– Войдите! — крикнул Холмс немного недовольным тоном.

В комнату вошел лакей и подал Холмсу на подносе телеграмму.

Вытянув расписку, Шерлок Холмс расписался на ней, отдал ее обратно лакею и, подождав, пока он выйдет, распечатал телеграмму.

Он медленно прочел ее, пожал плечами и подал ее мне со словами:

– Прочтите, Ватсон!

Развернув бланк, я прочел:

«Милостивый Государь, мистер Шерлок Холмс!

Крайне важное дело, о котором не хочу распространяться в телеграмме, заставляет меня усиленно просить вас немедленно приехать ко мне. Умоляю не отказать. При сем прилагаю пятьсот рублей, телеграфным переводом, на расходы по переезду. Адрес мой: Владикавказ, Алексан-

дровский проспект, дом Араняна. Готовый к услугам инженер Бугасов».

Прочитав депешу, я возвратил ее Холмсу.

– Вероятно, дело нешуточное, если человек заранее жертвует пятьюстами рублями! – проговорил задумчиво Шерлок Холмс.

– Да, конечно! – согласился я.

– Но что бы это могло быть? – словно сам себе пробормотал Шерлок Холмс.

Он повернул ко мне голову и спросил:

– Вы хорошо прочли сегодняшние газеты?

– Не особенно! – ответил я.

– Я тоже, – сказал он.

Он тихо поднялся с места и, взяв со стола большую пачку столичных и провинциальных газет, сел на старое место, положил их около себя на полу и начал внимательно просматривать их одну за другой.

Не желая ему мешать, я молчал, ожидая, когда он заговорит со мною сам.

Он долго молча просматривал одну газету за другой, но, по-видимому, не находил того, что нужно, так как все время отшвыривал их от себя, хватаясь за новые.

Но вот он, наконец, покончил со всеми.

– Гм... в сегодняшних газетах нет ничего! – произнес он наконец. – Посмотрим, нет ли чего-нибудь во вчерашних!

Он откинул от себя ногой брошенные газеты, прошел в спальню и, принеся оттуда другую пачку, снова углубился в чтение.

Но и эти газеты отлетали от него одна за другой.

Я уже был уверен, что он и тут не найдет ничего, как вдруг Холмс произнес:

– Ага!

– Вы нашли что-нибудь? – спросил я.

– Да. Я нашел именно то, что мне нужно было найти! – ответил он.

И, развернув газету так, чтобы удобнее было читать, прочел:

«Владикавказ. (По телеграфу от собственного корреспондента). Вчера у инженера Бугасова внезапно пропала дочь Елена. Девушке шестнадцать лет и она училась в местной женской гимназии, где была в шестом классе. Е. Бугасова исчезла в два часа дня. Она ушла гулять и более не возвращалась. Местная полиция в ее исчезновении видит связь с систематическими исчезновениями молодых девушек на северном Кавказе. Это уже одиннадцатое исчезновение за пять месяцев. Исчезают все больше очень молодые девушки и до сих пор ни одна из них не была отыскана»...

Шерлок Холмс на минуту приостановился и, передохнув, дочитал:

«Местная полиция употребляет тщетные усилия для розыска пропавших. Ходят слухи, что к этому делу привлечен знаменитый американский сыщик Нат Пинкертон, который будто бы на днях должен приехать к нам во Владикавказ».

– Как вам нравится это? – спросил Шерлок Холмс, опуская руку с газетой.

– Довольно интересное дело! – сказал я.

– Не правда ли, дорогой Ватсон! – подхватил Шерлок Холмс. – Систематическое исчезновение молодых девушек! Это чего-нибудь да стоит! Вы вообразите себе: таинственный мрачный Кавказ, разбойники... ночи в ущельях и... не менее таинственное исчезновение молодых девушек.

– Да, любопытное дело! – поддакнул я.

– И ради него нам стоит поехать! – воскликнул горячо Шерлок Холмс.

– Конечно!

– Значит, вы согласны?

– Само собою разумеется!

– Темь более что Бугасов так усиленно просил нас...

– И за дело берется сам знаменитый Нат Пинкертон! – поддразнил я.

Холмс улыбнулся.

– Если хотите – и это! – сказал он.

– Я ведь знаю ваш спортсменский характер! – ответил я, пожимая плечами.

Вместо ответа Холмс пожал мне крепко руку и, встав со стула, проговорил:

– Итак, решено! Мы едем!

– Мы едем, – сказал и я.

– Через три часа пятнадцать минут отходит очень удобный для нас поезд...

– Вы думаете ехать так скоро?

– Обязательно!

– Как хотите!

– Вы, может быть, не соберетесь? – спросил Холмс.

– О! Что вы, что вы! – воскликнул я. – Вы прекрасно знаете, что для меня достаточно одного часа!

– Тем лучше! – кивнул головой Шерлок Холмс. – В таком случай не будем терять даром времени.

– Конечно! – согласился я.

Мы покинули свои уютные места у камина и, пройдя в другую комнату, стали укладывать свои пожитки.

То, что нам не было нужно, мы сложили в два больших чемодана, которые решено было сдать на хранение в склад, а наиболее нужные вещи мы сложили в два небольших дорожных чемодана и в ручные маленькие саки.

Две подушки и два пледа были затянуты в ремни и сборы были окончены.

Сначала мы поехали в склад, сдали там вещи на хранение и, покончив с этим, поехали на вокзал.

II.

Путь до Владикавказа был неинтересен и очень утомителен.

Чем дальше подвигались мы на юг, тем роскошнее становилась весна, а когда на четвертые сутки мы приехали,

наконец, во Владикавказ, то положительно ахнули от восторга.

Деревья тут уже давно распустились и маленький городок так и утопал в зелени.

Взяв парный фаэтон, мы приказали везти себя прямо к инженеру Бугасову.

Дома мы его не застали, но его супруга, узнавшая, кто мы такие, сказала нам, что ее муж придет не позже как через полчаса, и попросила нас подождать в гостиной, куда нам тотчас же подали чай.

Через полчаса пришел и Бугасов.

При первом же взгляде на него было заметно, что он глубоко страдает.

Он был бледен, плохо выбрит, на лбу легли глубокие морщины, а глаза глядели так грустно, что буквально хотелось плакать, глядя на него.

Увидав нас, он постарался улыбнуться, но улыбка у него вышла натянутая и кривая.

– Не с мистером ли Шерлоком Холмсом имею честь встретиться? – спросил он, подходя к нам.

Жена, вероятно, предупредила его.

– Я к вашим услугам! – произнес Холмс с поклоном, делая шаг вперед.

И, указав на меня, он добавил:

– А это мой друг, доктор Ватсон.

Инженер горячо пожал нам руки.

– Я не знаю, как благодарить вас за вашу огромную любезность! – проговорил он грустным голосом. – Мое горе настолько велико, настолько...

– О, не говорите! – перебил его Холмс. – Разве может какое-нибудь горе сравниться с вашим! Я прекрасно понимаю ваше внутреннее состояние, и поэтому-то мы и спешили так, чтобы не потерять следов, которые с каждым днем утрачивают свою свежесть.

– Да, да... очень... очень благодарю вас...

– Будет лучше, если мы сразу приступим к делу! – заговорил Холмс. – Сегодня я ознакомлюсь с ним, старательно обдумаю и завтра, Бог даст, примусь за работу.

– Я к вашим услугам! – поклонился инженер. – Я, вероятно, угадываю, предполагая, что вы хотите знать все, что до сей поры дало следствие.

– Да, вы угадали! – ответил Холмс.

– В таком случае пойдите ко мне в кабинет! – предложил нам Бугасов.

Следом за ним мы прошли несколько шикарно обставленных комнат и, войдя в кабинет, заперлись в нем.

Сев в глубокие кожаные кресла, мы приготовились слушать.

Бугасов поместился против нас и уже приготовился было начать рассказ, как вдруг Шерлок Холмс перебил его:

– Не ваша ли это дочь тут на портрете?

И он указал на большой портрет тушью, висевший на одной из стен кабинета.

Это был портрет молодой девушки, почти ребенка, с нежными чертами прекрасного лица и с целой шапкой густых, вьющихся волос.

Чертами лица она сильно напоминала самого Бугасова.

– Да, это моя дочь, – с дрожью в голосе ответил инженер. – Та самая дочь, Елена, с которой случилось это несчастье!

– Теперь я навсегда запомнил ее лицо! – сказал Холмс, отрывая свой взор от портрета.

И, обернувшись к Бугасову, он добавил:

– А теперь я вас слушаю! Только чур, одно условие: говорите возможно подробнее, старайтесь не упускать ни малейшей подробности.

Бугасов кивнул головой и стал рассказывать.

III.

«Это было шесть дней тому назад.

Моя дочь пришла из гимназии около двенадцати часов.

День был субботний, значит, уроков было мало, а в довершение всего последним уроком был урок географии, на

который учитель по болезни не пришел, и поэтому их класс распустили вместо двенадцати часов – в одиннадцать.

В этот день она собиралась ехать на пикник вместе с нашим хорошо знакомым семейством Ивановых, с одной из барышень которого она была подругой по классу.

Поездка была назначена в час времени и сборным пунктом была наша квартира.

Ивановы собрались у нас раньше, и поэтому лишь только они узнали, что Елена уже дома, как тотчас же решили не откладывать поездку до часу, а ехать сейчас же.

Было четверть первого.

– Ты поедешь, папа? – спросила меня Елена.

– Нет! – ответил я.

– Почему? – спросила она.

Я ответил, что мне попросту не хочется и только всего.

Но она стала уговаривать меня поехать, и я, в конце концов, согласился.

Решено было ехать на Редант.

Это горная речонка, в семи верстах от Владикавказа, по Военно-Грузинской дороге.

К этому ключу, берущему свое начало верстах в трех дальше, по той же дороге из скал, ездят на пикники все горожане.

Там чудная местность, красивые скалы и великолепная вода для питья и чая.

Взяв кульки с провизией, мы вышли все на улицу, наняли на целый день два пароконных четырехместных фаэтона и поехали по Военно-Грузинской дороге.

Приехав на Редант, мы разложили на берегу ручья костер, поставили самовар и стали жарить шашлык.

А молодежь пошла лазить по горам.

Сначала Елена бегала с другими, но, расшалившись, девушки и молодые люди разбежались в разные стороны.

Это и было для нее роковым моментом.

Побегав немного и заметив, что Елены нет с ними, молодежь стала звать ее.

Но на зов она не отозвалась.

Стали звать громче, затем разбрелись в разные стороны, продолжая ее кликать, но все старания оказались бесполезными.

Елены не находили нигде.

Молодежью овладел страх.

Прибежав к нам, они объявили о несчастье.

У меня даже сердце упало.

Вскочили мы все, как сумасшедшие!

Туда-сюда, кричим, кликаем, надрываемся, мечемся!

Ни ответа, ни привета!

Одна из девочек говорит, что видела, как Елена вскочила на одну очень крутую тропинку.

Бросились мы туда, вскарабкались на скалы, осмотрели на пути одну пещеру и, докарабкавшись до такого места, где не пролез бы и самый ловкий горец, волей-неволей возвратились назад.

Что было делать?

Послали мы на ближайший пост за казаками.

Целый день мы бродили вместе с казаками по скалам, осмотрели каждый камень, каждый кустик, но все было напрасно!

Я обещал дать сто рублей тому, кто найдет мою дочь живой или мертвой.

Отправив девочек и детей домой, я вместе с двумя молодыми людьми и казаками заночевал на Реданте и поутру возобновили наши поиски.

Снова проискали мы целый день; в конце дня к поискам присоединились несколько полицейских и горцев, вызванных мною, но сколько мы ни искали, ничего найти не могли.

Елена исчезла бесследно, словно провалилась сквозь землю.

С тех пор о ней нет ни слуху, ни духу.

Бугасов умолк.

На глазах его блеснули слезы и, вынув платок, он вытер глаза.

IV.

– И это все, что вы знаете? – спросил его Холмс, все время слушавший инженера с глубоким вниманием.

– Да, это все, – ответил тот.

– Еще один вопрос...

– Пожалуйста!

– Справедлив ли слух, будто по этому делу работает и знаменитый мистер Нат Пинкертон?

– Да, это верно!

– Ну, и что же?

– Он до сих пор не нашел ничего.

– Совершенно?

– Как вам сказать? – пожал плечами Бугасов. – Следы Елены он нашел на тропинке, но... дальше пещеры они не идут.

– Гм... это интересно! – пробормотал Шерлок Холмс. – Если вы позволите, то я попросил бы вас немедленно проехать с нами к этому месту.

– С большим удовольствием! – быстро ответил Бугасов.

– В таком случае, мы не будем терять даром времени.

– Отлично.

Мы поднялись с места, прошли в переднюю, оделись, вышли на улицу и, наняв парный фаэтон, поехали на Редант.

Через час мы были уже на месте происшествия.

Спрыгнув с извозчика, Шерлок Холмс обратился к Бугасову:

– Ну-с, будьте любезны указать все места, про которые вы мне говорили дома.

– Сию минуту! – ответил инженер. – Вот на этом месте мы разводили костер и сидели сами...

– Так-с!

– Тут остановился фаэтон, а вон около тех кустов орешника и в самом орешнике бегали они и играли.

– А где эта тропинка?

– Вот пройдемтесь!

С этими словами мы направились к кустам, росшим у самого подножия высоких, почти отвесных скал.

Войдя в кусты, мы действительно увидели тропинку, круто подымавшуюся на скалы.

Мы подымались по ней гуськом.

Подвигаясь шаг за шагом, Шерлок Холмс пристально осматривал землю под своими ногами.

– Гм... по этой тропинке прошло, вероятно, уже более сотни ног! – произнес он наконец с досадой.

– О, да! – ответил Бугасов. – Уж после исчезновения дочери, мы с казаками прошли раз двадцать взад и вперед по этой тропинке.

– И совершенно затерли все следы!

– Что делать.

Тропинка с каждым шагом становилась все круче.

Когда мы поднялись по ней шагов пятьдесят, мы вышли на небольшую площадку около широкой пещеры.

Почва на площадке была до того затоптана ногами, что найти какой-либо след не представляло никакой возможности.

Следом за Бугасовым мы вошли в пещеру.

Это была огромная темная пещера, с потолка которой спускались длинные сосульки сталактита и вода капала с них капля за каплей, просачиваясь сквозь известковый камень.

Темнота не позволяла хорошо разглядеть внутренность пещеры.

Засветив большой карманный электрический фонарь, Шерлок Холмс сначала начал было осматривать пол, но вдруг плюнул со злостью и перенес свое внимание на потолок.

Долго возился он, переходя от камня к камню, рассматривал каждую скважину, но чем дальше работал он, тем безнадежнее становилось выражение его лица.

Мы с любопытством смотрели на его движения.

– Ничего? – взволнованно спросил Бугасов.

– Ничего! – коротко ответил Холмс.

И, подойдя к выходу, он сказал:

– Полезем выше!

И мы снова стали взбираться по тропинке.

Но, сделав вперед шагов шестьдесят, мы принуждены были остановиться.

Дальше идти было некуда.

– Никаких следов! – произнес Холмс.

С этими словами он повернул назад, и мы стали спускаться вниз.

Только теперь я заметил, что внимание Холмса обращено совсем на другое.

Он не смотрел теперь себе под ноги, но зато зорко глядел по сторонам, осматривая все кусты, заглядывая на скалы наверх и вниз.

Но тропинка, шириною в три четверти аршина, шла по крутизне.

С одной стороны подымалась отвесная стена, с другой – была пропасть.

Сойти с этой тропинки было, по-видимому, решительно некуда.

Так дошли мы снова до пещеры.

Остановившись около нее на площадке, он стал пристально рассматривать скалу, которая почти отвесно подымалась над пещерой.

Входное отверстие пещеры было вышиной более сажени.

Над этим входом, на маленьком выступе скалы, росла елка, судорожно вцепившись корнями в камни скал.

Немного выше ее, почти на отвесной скале, рос огромный, развесистый куст шиповника, покрытый густой зеленой листвой.

Но добраться до этой елочки и до этого куста, по-видимому, не представлялось никакой возможности.

Но если бы туда и добраться, то все же дальше некуда было бы даваться.

Отвесная скала уходила в самые небеса.

А между тем Шерлок Холмс все продолжал смотреть на это место, словно оно было для него особенно интересным.

– Что вы смотрите? – спросил его Бугасов.

Но Холмс не ответил ему ничего.

Он молча смотрел на скалу, словно что-то обдумывая, и на его лбу залегла глубокая складка.

Вдруг он круто повернулся к нам.

– Нет ли у кого-нибудь из вас какого-нибудь тяжелого предмета? – спросил он.

Мы стали рыться в карманах.

– Колесный ключ пригодится? – спросил Бугасов.

– Конечно! – ответил Холмс.

– В таком случае подождите!

– Куда?

– Я сбегаяю вниз, возьму у извозчика ключ!

– Ну ладно!

Бугасов побежал вниз и скоро вернулся с колесным ключом, которым завинчивают гайки.

Холмс вынул из кармана длинный и толстый шелковый шнур.

К одному из концов он привязал ключ и попросил нас отойти подальше.

Когда мы отошли на порядочное расстояние, он вдруг взмахнул шнуром и ключ, описав в воздухе дугу, обвил деревцо и упал к ногам Шерлока Холмса.

Тогда, связав оба конца, он схватился за шнур своими крепкими, цепкими руками и стал быстро взбираться вверх.

С напряженным вниманием следили мы за его движениями.

Вот он поднялся выше входа в пещеру, уперся ногами в скалу, несколько раз перебрал веревку руками и, наконец, схватился за ствол елочки, у самого ее корня.

Еще через минуту он стоял уже рядом с деревцом, опираясь о него и осматривая пристально со всех сторон ее тонкий ствол.

Мы видели, как едва заметная улыбка вдруг заиграла на его губах.

Осмотрев дерево, он выпрямился и, уцепившись за свесившиеся ветви куста шиповника, быстро взобрался к нему.

И вдруг он исчез в его зелени.

Прошло минут пять.

Но вот его тощая фигура снова показалась среди зелени шиповника.

Схватившись за его ветви, он сначала спустился к деревцу, и затем по шнуру – на площадку.

Затем он стянул с дерева закинутый шнур и, обернувшись к Бугасову, произнес:

– Вы свободны! Можете ехать домой, а я с Ватсоном останусь пока здесь!

– Разве вы нашли что-нибудь интересное? – с тревогой в голосе спросил Бугасов.

– Ничего особенного. Но по некоторым причинам, о которых я пока не хочу распространяться, нам придется немного задержаться.

Бугасов открыл было рот, но Холмс остановил его.

– Не надо преждевременных расспросов, – сказал он. – Может быть, сегодня вечером, а в крайнем случае завтра, мы увидимся с вами.

– Где?

– У вас.

– В таком случае, я не настаиваю, – сказал Бугасов слегка разочарованным тоном. – Желаю вам от души хотя бы частичного успеха.

Он пожал нам руки и исчез на тропе.

Вскоре снизу до нас донесся стук колес, а затем мы увидели фаэтон, увозивший инженера во Владикавказ по старой дороге.

V.

– Захватили ли вы с собой ваш револьвер? – обратился ко мне Шерлок Холмс.

– Конечно, – ответил я.

– Надеюсь, и патроны?

– Само собою разумеется.

– Прекрасно.

– Но что вы делали там наверху? – спросил я, не выдержав.

Холмс указал мне рукою на деревцо над пещерой.

– Не заметили ли вы чего-нибудь достойного внимания на этом дереве? – спросил он меня.

– Решительно нет! – ответил я, осматривая дерево и по-прежнему не замечая ничего.

– Напрасно! Я думал, что вы наблюдательнее, дорогой Ватсон! – добродушно рассмеялся он.

– Но в чем дело?

– Обратите внимание на низ ствола! – заговорил Холмс.

– Видите, что ствол словно протерт слегка в двух местах на одной высоте?

– Ну, вижу.

– Это след от веревки. «Значит, не я один подымался по веревке к этому дереву», решил я, лишь только рассмотрел этот след. Я поднялся к дереву и нашел около него следы. Это были следы горской обуви и женской, европейской ноги.

– Да не может быть! – воскликнул я, пораженный.

– Это так! – хладнокровно произнес Холмс. – Лишь только увидел я эти следы, я вмиг понял, каким путем исчезла барышня...

– Бугасова?

– Ну да! Выше меня были отвесные скалы и лишь куст шиповника возбуждал мое подозрение. Я добрался до него, раскрыл его ветви и, пройдя за него, увидел довольно широкое отверстие пещеры, скрытое от людских глаз зелеными ветвями куста.

– Черт возьми!

– Да, да! Нет сомнения, что похититель или похитители давно выслеживали свою жертву, но похищение долгое время не удавалось им. Они следили каждый шаг девушки, и когда она, вместе с другими, поехала на пикник, они незаметно поехали за ней следом. Оставив где-нибудь лошадей, они спрятались в нижней пещере, ожидая счастливого момента. И лишь только девушка, отделившись от своей компании, взбежала по тропинке на эту площадку,

она была моментально схвачена. Рот, вероятно, ей зажали платком, затем похититель, обхватив ее рукой, взобрался с нею к дереву, оттуда к кусту шиповника и затем исчез с нею в пещере...

Я смотрел на Холмса восторженным взором.

– Куда ведет пещера, я не знаю! – снова заговорил Шерлок Холмс. – Но это мы сейчас увидим! Возможно, что они снова спустились, лишь только миновала тревога, но возможно также, что эта пещера сквозная, и в этом случае мы будем иметь в руках первоначальный след.

– Совершенно верно! – подтвердил я.

– Итак, за дело!

Он снова взмахнул шнуром с привязанным к его концу ключом и снова перекинул шнур через дерево.

– Сначала влезу я, а потом вы! – сказал он.

Он закрепил концы и стал подниматься.

Лишь только он встал на ноги около елки, я последовал его примеру.

Через две минуты я был уже возле него.

Добраться от дерева до куста было легче легкого.

Раздвинув ветви шиповника, мы увидели довольно большое входное отверстие в пещеру.

Осторожно вошли мы вовнутрь ее.

Вынув электрический фонарь, Шерлок Холмс осветил ее внутренность.

Пещера была невысока, немного ниже человеческого роста, но уходила далеко вглубь и терялась во мраке.

Припав к земле и освещая ее фонарем, Холмс стал пристально разглядывать ее.

– Есть! – сказал он коротко.

– Что? – спросил я.

– Не угодно ли посмотреть?

И он указал на землю перед собой.

Взглянув по указанному направлению, я ясно различил на пыльной земле несколько следов.

– Вот эти широкие следы – следы горной обуви, а вот эти женского городского ботинка, – пояснил Холмс.

Он перенес свет вглубь и сказал:

– Впрочем, над этим не стоит задерживаться! Пойдемте дальше! Это интересует меня гораздо более.

И, освещая себе путь электрическим фонарем, мы устремились вперед.

По мере углубления, пещера становилась все уже и уже.

Но вдруг мы остановились в нерешительности.

Пещера окончилась, но дальше шли два узких хода, расходившиеся под углом.

– Куда? – спросил я.

– А это мы сейчас посмотрим! – ответил Холмс.

С этими словами он встал около правого входа и чиркнул спичку.

Спичка горела обыкновенным огнем.

Но когда он проделал то же самое у левого входа, пламя спички сильно потянулось в темный проход.

– Вернее всего, что этот ход имеет сообщение с более высоким местом! – проговорил Холмс. – Идемте-ка, Ватсон, попытаем счастья.

И, снова освещая себе путь электричеством, мы двинулись по левому ходу.

Ход был неровный, делал постоянные зигзаги и двигаться было очень трудно.

Видно было, что это естественная трещина, которую когда-то пробила себе вода. Идти с каждым шагом было все хуже, так как проход становился все уже.

В одном месте он дошел до того, что нам пришлось пролезть несколько саженей на четвереньках, но потом он снова расширился и стал свободнее.

Надо заметить, что этот ход все время подымался в гору и притом довольно круто.

Но вот, наконец, тьма стала редеть и сменилась сначала мутным светом, который с каждым шагом становился все ярче.

Холмс, все время что-то бурчавший себе под нос, потушил свой фонарь и произнес:

– Мы прошли этим проходом приблизительно около ста шестидесяти сажен, поднявшись не менее чем на сорок сажен.

– Порядочно! – ответил я, чувствуя во всем теле большую усталость и ломоту.

Спустя несколько минут мы вошли в небольшую пещеру, выходящую уже на свежий воздух.

Из нее мы вышли на вершину горы и тут остановились.

Следы человеческих ног и лошадиных копыт явственно виднелись около входа в пещеру.

– Отдохните, Ватсон! – предложил Холмс.

Мы сели на камни, и я не надоедал Холмсу вопросами, видя по его лицу, что мозг его усиленно работает над разрешением какого-то вопроса.

Минут около двадцати он сидел, низко опустивши голову, весь погруженный в свои мысли.

Но вот он, наконец, поднял голову и твердо произнес:

– Идемте назад, дорогой Ватсон! Прежде, нежели продолжать наши исследования, нам нужно вернуться в Владикавказ и хорошенько подготовиться.

По-видимому, в его голове созрел какой-то план, но он не хотел им делиться со мною раньше времени.

Не говоря друг с другом ни слова, мы вошли опять в пещеру и стали осторожно спускаться.

VI.

Прежде, чем описывать наши дальнейшие похождения, справедливость требует возвратиться несколько назад.

Делаю я это для того, чтобы, не забегая слишком вперед, описать действия и другой знаменитости, работавшей по этому же самому делу.

Я говорю о знаменитом американском сыщике Нат Пинкертоне, взявшемся за это дело на четыре дня раньше Холмса.

Описывая его похождения в третьем лице, я оговариваюсь, что материал для этого описания я взял впоследствии частью от самого Пинкертона, частью от его помощников.

Нат Пинкертон явился во Владикавказ на следующий день после исчезновения Елены.

Деятельно и энергично принялся американец за поиски.

Подробно осмотрев местность, где пропала Бугасова, он не нашел никаких следов.

Пещера за кустом шиповника ускользнула от его внимания, но это обстоятельство не уменьшило его энергии.

– Черт возьми, не могли же они провалиться сквозь землю! – проговорил он, обращаясь к владикавказскому полицеймейстеру.

– Да, но куда же они делись? – спросил тот.

– На станции Балта они не появлялись! – сказал Нат Пинкертон. – Я имею донесения об этом с тамошнего казачьего поста. В сторону Владикавказа они не могли пробраться тоже, так как отец искал ее на Реданте круглые сутки, а потом подоспел я, и немисливо представить себе, чтобы они пробрались мимо меня незамеченными.

– Но тогда... – начал было полицеймейстер, но Нат Пинкертон перебил его.

– Остается предположить, что они скрылись в горах между Редантом и Балтой и ушли в горы. Но не это главное! Важнее всего выяснить цель самого похищения! Этот случай далеко не первый. Сначала еще возможно было предположить, что девушек похищают ради выкупа, но это предположение разлетается вдребезги, если принять во внимание то, что среди похищенных – две трети бедных девушек, но зато они отличаются красотой.

– Это верно! – согласился полицеймейстер.

– Итак, предположение о выкупе отпадает. Теперь другое: если вы следите за европейской прессой, то вы знаете...

– Иностраннх газет не читаю! – вставил полицеймейстер.

– Жаль! А между тем европейская пресса трубила одно время сильную тревогу по поводу того, что турки, за последние годы, стали усиленно приобретать себе в жены европейских женщин. В Европе существовало несколько факторов, сговаривавших бедных девушек путем подкупа идти в гаремы к богатым туркам. Иногда эти факторы действо-

вали и обманом. Они нанимали, например, девушек на службу якобы в Египет и другие страны, где у них якобы были конторы и торговые предприятия, давали им большие задатки, а когда доверчивые девушки пускались с ними в путь, они сажали их на турецкие корабли, заранее сговоренные, завозили их на какой-нибудь малонаселенный берег Турции, высаживали их там и отдавали в руки своих богатых покупателей, из гаремов которых стоны и рыдания обманутых девушек не выходили никогда на свет Божий...

– Ах, черт возьми! – воскликнул полицеймейстер.

– Да, эти факторы делали прекрасные дела! – улыбнулся Пинкертон. – Но только в Европе быстро разноухали их проделки. Два таких фактора уже сидят в каторге...

– Да?

– О, да! А остальные разбежались?

– К чему вы клоните речь?

– А к тому, что, по-моему, эти господа оперируют теперь в России и именно у вас на Кавказе, где легко проделывать эти штуки благодаря массе мест, где можно спрятаться и откуда можно выйти незаметным.

Полицеймейстер заволновался.

– Но что же делать! Что делать? – заговорил он жалобным тоном.

– Надо отыскать путь, по которому сплавляется этот живой товар.

– Да, но как?

– Путем логики.

– Хорошо на словах, а вот на деле-то как?

– А мы попробуем разобраться это сейчас! – сказал, улыбаясь, Пинкертон. – Предполагать, что покупателями являются горцы – нельзя. Похищение стоит денег, а горцы народ бедный. Значит, живой товар лишь временно прячется в горах. А затем вывозится. Но куда? На юг существует два пути: один сухопутьем по Закавказью до турецкой границы, второй – на берег Черного моря. Первый путь долог, дорог и опасен, значит, остается второй. Жертвы привозятся в какое-нибудь укромное местечко на берегу

Черного моря, там девушек сажают на турецкие шхуны и они увозятся совершенно незаметными. В портовых городах искать нечего, остается искать в других местах, и я это сделаю!

– Как, вы хотите ехать? – заволновался полицеймейстер.

Нат Пинкертон пожал плечами.

– Вы прекрасно понимаете, что искать кого-нибудь в дебрях кавказских гор совершенно бесполезно.

– Оно конечно...

– В этом и дело! Пока мы будем их искать, рыская по горам, их давно спроводят за пределы досягаемости.

– Верно-то верно!

– Поэтому я уезжаю на побережье Черного моря и будь я не Нат Пинкертон, если я не перехвачу бедную девушку вместе с другими и не захвачу всей этой проклятой шайки.

С этими словами американец пожал руку полицеймейстеру и почти бегом выбежал от него, бормоча себе под нос:

– Я опережу их, черт возьми.

VII.

Прошло три дня.

Стоял жаркий весенний день и Черное море, тихое и спокойное, едва заметно колыхало свои темно-синие воды. В одной из хат маленькой прибрежной деревушки, населенной исключительно рыбаками, сидел за столом Нат Пинкертон. Около него, группируясь вокруг стола, сидело человек семь сыщиков, приехавших сюда вместе с ним.

Держа перед собою карту черноморского побережья, американец делал распоряжения, словно главнокомандующий перед боем.

– Они могут избрать только этот участок побережья, к которому вплотную подходит горная цепь! – говорил он. – Значит, наш район равен не более ста двадцати верстам.

И он указал на карте предполагаемый район.

– Нас восемь человек, и следовательно, на долю каждого приходится по пятнадцати верст береговой полосы. Если же принять во внимание берега совершенно неподходящие, то на долю каждого придется верст по одиннадцати. Вот тут у меня написано, кто каким участком заведует и определены точные границы каждого. Чтобы быть менее заметными, оденьтесь в форму черноморских моряков. Следите за каждым проходящим судном, за каждым подозрительным человеком и, если увидите что-нибудь, моментально давайте мне знать на мой пункт.

Сыщики кивнули головой.

Нат Пинкертон достал из бумажника тысячу четыреста рублей и дал каждому сыщику по двести рублей.

– Это на расходы и обмундировку! – пояснил он. – Устройтесь возможно скорее и живее становитесь каждый на свое место.

Проговорив это, он встал, давая этим понять, что официальный разговор окончен.

Разговаривая между собою, сыщики вышли из избы.

Сам же Пинкертон снова нагнулся над картой, весь погрузившись в свою работу.

Прошло не меньше часу, пока он наконец поднял голову.

– Степан! – крикнул он.

На зов вошел казак.

– Что, лошади оседланы? – спросил американец.

– Так точно! – ответил казак.

– Тогда подводи их к дому!

Казак вышел и через три минуты две оседланные лошади уже стояли у двери избы. Заперев дверь на крючок, американец быстро переоделся простым казаком, взял свою дорожную сумку и, перекинув через плечо винтовку, вышел из избы.

Быстро вскочил он в седло и в сопровождении казака тронулся в путь крупной рысью.

Ему хотелось во что бы то ни стало осмотреть скорее весь подозрительный участок.

– Ты хорошо знаешь берег? – спросил он казака.

– Ничего... Знаю! – отвечал тот.

– А не знаешь ли ты тут таких скрытых бухточек, в которых обыкновенно останавливаются подозрительные суда и шхуны?

– Да их тут много!

– Ну, ладно! Ты мне их указывай! Если выйдет дело, то получишь от меня двадцать пять рублей.

Физиономия казака просияла.

– Эх, барин, посоветывал бы я вам одну вещь! – проговорил он, улыбаясь. – Вы ведь по сыскной части, а коли не покупитесь, так дам я вам хорошего человека... Только ему дайте рубликов пятьдесят...

Пинкертон круто осадил лошадь и поехал рядом с казакком.

– Говори, говори! – сказал он быстро.

– Есть тут один ингуш... Мошенник первой руки и контрабандой промышлял...

– Ну!

– За деньги всех продаст, а особливо теперь!

– А что?

– Да разодрался он, сказывают, с турецкими капитанами, которые, шут их знает, что возят. До стрельбы у них дошло. Сказывают, ингуш этот хотел заместо денег какую-то девку взять, а ему не дали...

Нат Пинкертон так и насторожился.

– Ну, ну! – подбадривал он казака. – Какую девку?

– А, право, не знаю! Кто их знает? Должно, ихнюю.

– Вези меня к нему! – быстро проговорил Пинкертон. – А как только познакомишь, я тебе лишнюю десятку дам.

– Тогда своротить влево придется, – сказал обрадованный казак.

– Сворачивай, голубчик, сворачивай, да только поживее! – заторопил американец.

И повернув лошадей, они углубились в горы.

Судьба, видимо, улыбалась американцу.

VIII.

Лишь только мы с Холмсом возвратились на Военно-Грузинскую дорогу, как Холмс так зашагал к городу, что я едва поспевал за ним.

Все мокрые добрались мы до Владикавказа.

Взяв извозчика, мы направились к Бугасову.

Он был дома.

– Ну что? Как? Нашли? – засыпал он вопросами Холмса.

– След есть! – ответил он. – Но пока не спрашивайте ничего. Скажите, пожалуйста, есть ли у вас собака?

– Собака? – удивился инженер. – Есть и комнатная и дворовая. Вам какую угодно?

– Ту, которую больше любила ваша дочь!

– Моя дочь? Да она чуть не спала с фокстерьером.

– Скажите: он скучает без нее?

– Ужасно!

– Он здесь?

– Здесь.

– Нет ли у вас немытого чулка вашей дочери?

– Ну, уж этого не знаю? – растерялся инженер.

– В таком случае узнайте! – попросил Холмс.

– Сейчас! – ответил Бугасов и вышел из комнаты.

Я с удивлением слушал этот странный разговор.

Через несколько минут Бугасов вернулся к нам.

В его руке была пара чулок.

– Нашел! – сказал он, подавая Холмсу чулки дочери.

– Прекрасно! – произнес сыщик – Оставьте их пока у себя.

– А вы?

– Мы вернемся через час.

И, обратившись ко мне, он добавил:

– Пойдемте, Ватсон, нам надо поторопиться! А с вами мы не прощаемся, – добавил он Бугасову.

Мы вышли и, сев на извозчика, Холмс приказал:

– В кавказские ряды!

Я молча наблюдал, что будет делать Холмс.

Почти не торгуясь, он купил два полных костюма горцев, плохонькое оружие и подержанные бурки.

Забравши покупки, мы поехали снова к Бугасову.

По просьбе Шерлока Холмса, он проводил нас в свой кабинет и мы стали переодеваться.

Прошло четверть часа и мы великолепнейшим образом преобразились в двух бедных горцев.

Выйдя из кабинета, Холмс попросил дать ему в чашку растопленного масла и грязи.

Посредством этих вещей он придал и черкескам старый вид, а когда он надорвал их в нескольких местах, то мы приняли вид совершенных бедняков.

– Нельзя ли позвать сюда парикмахера? – попросил он Бугасова.

– Конечно, можно! – ответил тот.

Он отдал распоряжение и через несколько минут парикмахер был к нашим услугам.

– А ну-ка, сбейте нам головы! – попросил Холмс.

Маскарад совершился быстро и вскоре наши выбритые головы так и засияли.

Расплатившись с парикмахером, Холмс снова обратился к Бугасову:

– Дайте мне чулки!

Чулки были принесены.

– Как звать вашего фокстерьера?

– Бек!

– Чудесное имя! Самое подходящее! Позовите-ка его сюда!

Бугасов отворил дверь и крикнул:

– Бек! Бек! Поди сюда!

Чудный фокстерьер влетел в кабинет.

Увидав нас, он было опешил, но Холмс приласкал его и комнатная собака быстро успокоилась.

– Поди сюда, Бек! – позвал сыщик и вытянул вперед девушкины чулки.

И вдруг произошла изумительная сцена.

Бек понюхал чулки и вдруг жалобно завыл.

– Ага, узнал! – радостно воскликнул сыщик.

Он сунул чулки к самому носу собаки, огладил ее и, держа чулки на весу, пошел к двери, зовя с собою собаку.

И умное животное с громким лаем кинулось за ним, словно ожидая от него возвращения своей госпожи.

– За мной, Ватсон! – крикнул Холмс.

Он обернулся к Бугасову и сказал:

– Ваша собака возвратит вам вашу дочь!

– О! – простонал инженер со слезами на глазах.

Не сказав больше ни одного слова, Холмс вышел на улицу.

Собака с громким лаем продолжала бежать за ним.

Подозвав извозчика, Холмс крикнул:

– Живо на Редант! Три рубля!

Извозчик что есть духу погнал лошадей.

Через час он был уже на месте. Отпустив извозчика, мы снова вскарабкались по тропинке к пещере.

Тем же путем забрались мы на елку, втянув Бека на руках за собой.

Затем, пробравшись к кусту шиповника, мы вошли в пещеру и пошли прежним путем по подземелью.

Лишь только мы вошли в пещеру за кустом, как Шерлок Холмс подозвал Бека и, отыскав след ноги девушки, показал его собаке.

Умная собака нервно обнюхала след и, весело визжа, бросилась вперед.

Скоро свет верхней пещеры блеснул перед нами.

Когда мы вышли на свободу из этой пещеры, Холмс снова дал собаке понюхать все следы перед пещерой, не оставив без внимания и лошадиных следов.

Бек без слов понимал его.

Стуча носом, он старательно обнюхивал следы.

И когда он разнюхал их, по-видимому, хорошо, с громким лаем бросился вперед,

Быстрым шагом мы последовали за ним.

– Помните, Ватсон, что мы не знаем ни одного кавказского наречия! – говорил Холмс, идя рядом со мной.

– Плохо же мы будем разыгрывать из себя горцев! – сказал я со смехом.

– О, это ничего! – возразил весело Холмс. – Нам будет очень хорошо, если мы будем разыгрывать из себя глухонемых бедняков. Нищие в большом почете у магометан.

Я понял его мысль.

Действительно, нам не оставалось ничего более, как изображать из себя глухонемых.

Дорога пошла круто под гору.

Она спустилась в дикое ущелье и пошла по его дну.

Пройдя верст пятнадцать, мы совершенно выбились из сил, а между тем Бек все продолжал с визгом стремиться вперед.

– Отдохнем! – взмолился я.

– Отдохнем! – согласился, наконец, и Холмс.

Он подозвал Бека, привязал его шнуром и мы сели отдыхать.

Но, полежав с час и закусив консервами и хлебом, Холмс снова двинулся вперед.

Вдруг Бек свернул со дна ущелья и побежал вверх по откосу.

Мы потянулись за ним.

Сначала, без всякой дороги, мы взобрались на горный кряж, затем спустились вниз, потом еще раза три опускались и подымались, но в конце концов, измученные окончательно, вышли-таки на дорогу и увидели прямо перед собою аул.

Наш переход был не менее тридцати верст.

При входе в аул нас встретило несколько горцев.

Один из них что-то спросил нас на своем наречии.

Но Холмс воздел руки к востоку, потом показал на свои уши, затем на губы и издал резкий, отвратительный звук, который издают обыкновенно немые.

Горцы участливо закивали головами и что-то забормотали между собою.

Один из них подошел к нам и жестом пригласил нас следовать за собою.

Следом за ним мы вошли в довольно просторную саклю.

Указав нам жестом на сидение, горец вышел, а через несколько минут молодая, стройная чеченка поставила перед нами блюдо с незатейливой едой, состоявшей из сыра, чюрека (хлеб) и холодной баранины.

Накормив нас, она указала нам место для спанья и ушла.

Мы заснули, как убитые, но едва забрезжил свет, как Холмс поднялся на ноги.

Мы одели бурки, поблагодарили хозяина, жестами ниспосылая милость Аллаха на его голову, и тихо удалились из деревни, идя за собакой, которая уже далеко опередила нас.

– Прекрасно исполнено! – проговорил Холмс, когда деревня (аул) осталась далеко позади нас.

– Да, недурно! – согласился я. – Эдак можно обойти без гроша весь Кавказ и даже пополнить!

– А разве вы не знали, что магометане самый гостеприимный народ? В особенности они любят нищих, которых среди них очень мало. Если нищий заходит в дом, значит, Аллах посылает милость этому дому.

– В виде двух сыщиков! – рассмеялся я.

– Бывает всяко! – ответил Холмс.

Теперь мы шли узкой, вьючной тропой.

– Направление все время идет на запад! Так я и думал! – говорил Холмс, глядя на Бека. – Они с женщиной никогда не сделают такого перехода, как мы...

И мы молча продолжали шагать и шагать, то взбираясь на крутизны, то спускаясь вниз.

Я не стану описывать всего путешествия.

Коротко говоря, мы шли ровно четыре дня, всюду притворяясь глухонемыми и ночуя во встречаемых аулах.

Но прежде, чем продолжать рассказ, я вернусь немного к Нату Пинкертону.

IX.

Доехав с казаком до одного из аулов, они приблизились к бедной сакле, стоявшей на самом краю.

Лишь только остановили они перед нею своих коней, как дверь открылась и из нее вышел оборванный, средних лет чеченец, с хитрым лицом.

– Здорово, Ахметка! – крикнул ему казак.

– А-а! – оскалился чеченец, узнавая своего старого знакомого. – Иди, иди ко мне! Аллах послал мне гостей!

Привязав коней, они вошли в саклю.

– Ну, Ахметка, хочешь заработать двадцать пять рублей? – напрямик спросил казак.

Глаза чеченца сверкнули.

– На эти деньги я себе лошадь куплю! – сказал он радостно.

– Ну, так тогда слушай моего товарища! – указал казак на Ната Пинкертона.

– Видишь в чем дело, Ахмет! – заговорил ласково Пинкертон. – Со мной случилось несчастье! У меня недавно украли невесту, а ведь я знаю, что ее повезут в Турцию! Если ты сможешь мне отыскать ее, я дам тебе даже пятьдесят рублей!

– Мамат-Бей! – яростно вскрикнул вдруг Ахметка. – О! Я с удовольствием отомщу этой собаке!

– Какой Мамат-Бей? – быстро спросил американец

– Он покупает от горцев краденых девок! – со злобой проговорил Ахметка. – И увозит их на своей шхуне.

– А от кого он покупает? – спросил Пинкертон.

– Не знаю! – покачал головой Ахметка. – Он кровный враг мне!

– Он сейчас тут?

– Тут!

– Со шхуной?

– Да! Проклятая шхуна стоит в ста саженьях от берега!

– Далеко отсюда?

– Верст двадцать!

– Ты не обманешь меня, Ахметка? – строго спросил сыщик.

– Пусть Аллах убьет меня, если я не всажу ему пулю первым! – яростно прорычал горец. – Скорее скачем! Сегодня или завтра, он должен принимать товар!

– В таком случае, нам нечего разговаривать! Седлай своего коня! – поторопил американец.

Вмиг они были готовы.

Горя жаждой мщения, Ахметка стрелой понесся вперед.

Спустя три часа они выехали на берег моря.

– Здесь надо спрятать коней! – посоветовал Ахметка.

Совет был принят.

Соскочив с коней, они привязали их в укромном месте и пешком направились вдоль берега лесом.

Пройдя с версту, Ахмет остановился.

– Вон она, проклятая! – указал он рукой на море, видневшееся сквозь деревья.

Сыщик взглянул туда.

Довольно большая шхуна стояла недалеко от берега.

– Мы засядем здесь в лесу! – горячился Ахметка. – И лишь только они сойдут со шлюпки, мы перестреляем их как кур.

– А много их ездит?

– Трое. Два гребца и Мамат-Бей.

Они обошли лесом, осмотрели место и, найдя хорошее прикрытие, засели за скалой, прикрытой лесом.

Х.

Настал вечер четвертого дня.

Так как по пути нам не встретилось аула, то мы переночевали с Холмсом в лесу и с рассветом, на пятый день, пустились дальше.

В это утро Бек был особенно беспокоен.

Чтобы он не убежал чересчур далеко вперед, Холмс взял его на шнурок.

– Вероятно, они близко! – нервно говорил Холмс.

И он все наддавал и наддавал ходу.

Быстро двигались мы вперед, но теперь дорога больше шла под гору, чем в гору.

Так шло дело до полудня.

Мы только что собрались было отдохнуть, как вдруг Бек, отчаянно залааяв, так сильно рванулся вперед, что чуть было не вырвался из рук Шерлока Холмса.

Невольно взглянул я вперед и вдруг остановился как вкопанный.

– Они! – шепнул я Холмсу.

Он быстро взглянул по указанному мною направлению и круто остановился.

– Да! – шепнул он.

В версте впереди нас мы увидели на пригорке арбу и двух всадников.

Бек так и рвался.

Взяв ремень, Холмс быстро связал ему челюсти, сделав что-то вроде намордника, чтобы собака не лаяла.

Я явственно различил на арбе пять женских фигур.

– Пять! – воскликнул радостно Холмс. – Милый Ватсон, да ведь это огромная победа!

Лишь только арба скрылась за пригорком, мы со всех ног бросились вперед.

Мы летели, словно птицы.

И когда, наконец, мы вбежали на бугор, на котором раньше видели арбу, мы увидали ее шагах в пятистах от себя впереди.

Припав к земле, мы выждали, пока она скрылась в лесу.

И лишь только она исчезла среди деревьев, мы бросились вперед.

Впереди что-то глухо шумело.

– Море ! – задыхаясь проговорил Холмс, продолжая бежать.

Мы вскочили в лес и побежали сбоку дороги, но так, что с дороги нас не было видно.

У меня захватывало дыхание.

Но вот Холмс, наконец, остановился и мы пошли шагом.

– Они не более как в двадцати пяти шагах впереди нас!
– шепнул мне Холмс.

Вдруг где-то недалеко впереди грянуло несколько выстрелов.

– Что такое! – растерянно шепнул я.

– Вперед! На дорогу! – шепнул Холмс.

И, выхватив револьверы, мы кинулись в сторону.

В две минуты мы были уже на дороге.

И было как раз вовремя.

По-видимому, выстрелы произвели на всадников ошеломляющее впечатление.

Я видел, как они круто осадили коней и, вдруг повернувшись, что есть духу поскакали в нашу сторону, бросив арбу.

Впереди трещали выстрелы.

– Цельтесь вернее! В заднего! – крикнул Холмс.

При виде нас, всадники изо всей силы осадили на полном карьере лошадей, стараясь сорвать с плеч винтовки.

Но было уже поздно.

Наши два выстрела грянули почти одновременно и оба разбойника как снопы свалились с коней, обливаясь кровью.

– Вперед! – ревел Холмс. – Эти и так не уйдут.

На арбе неистово визжали женщины.

Подбежав к арбе, мы увидели пять молодых девушек, сидевших на ней с завязанными ногами и руками.

Они были полуживы от страха.

– Не бойтесь, мы ваши освободители! – ласково произнес Холмс, подбегая к ним.

Я сразу узнал Бугасову и, подойдя к ней, сказал:

– Ваш папа с нетерпением ждет вас.

Громкие рыдания девушек были нам ответом.

В несколько секунд веревки на пленницах были развязаны.

– А теперь принесем-ка на арбу разбойников! – сказал Холмс.

Мы возвратились назад и подошли к лежавшим на земле разбойникам, из которых один был убит наповал, а другой ранен.

Общими усилиями мы перетащили их на арбу и бросились снова вперед, чтобы узнать причину выстрелов.

Но лишь только мы выскочили на крутой холм, как увидели двух казаков, нагнувшихся над распростертым человеком в одежде турка.

Вынув из кармана бинокль, Шерлок Холмс навел его на группу.

И вдруг восклицание удивления сорвалось с уст его.

– Вот так штука! Да ведь это Нат Пинкертон!

– Что-о?! – воскликнул я, пораженный.

– Мистер Пинкерто-он! – крикнул Холмс.

Один из казаков поднял голову. Мы быстро спустились к ним.

– Черт возьми, да ведь это мистер Холмс! – воскликнул пораженный американец. – Ба! И мистер Ватсон!

Он с гордостью указал на лежавшего на земле раненого турка и произнес:

– А скупщик живого товара не ушел от нас! Имею честь представить: Мамат-Бей.

– И только? – насмешливо спросил Холмс.

– Остальное будет со временем! – гордо сказал американец.

– Вряд ли.

– Это почему же?

– Потому что остальное у меня в руках! – произнес Холмс с улыбкой.

– То есть?

– Похитители и похищенные!

– Черт побери! – выругался со злостью Пинкертон. – Еще одна победа! Ну, нечего сказать, везет вам, коллега.

Он не скрывал своей досады.

Несколько минут длилось молчание.

– Ну, на что там сердиться! – сказал наконец Холмс.

– И правда, коллега! – ответил искренне американец. – Не все ли равно, кто из нас взял первый приз! Ведь мы работаем не для себя, в самом деле!

И оба сыщика крепко пожали друг другу руки.

– Идемте к нам! – сказал Холмс.

Все четверо мы подняли бесчувственное тело Мамат-Бея и направились к оставленной арбе, с которой теперь вместо рыданий раздавался веселый девичий смех.

Спустя пять дней наш караван прибыл в Батум.

В убитом нами разбойнике полиция опознала знаменитого кавказского разбойника Тамир-Хана, а в раненом — его главного помощника Крым-Гирея, который спустя три месяца был повешен.

С истреблением этой шайки похищение девушек совершенно прекратилось и на некоторое время на Кавказе воцарилось сравнительное спокойствие.

ТАЙНА ОТЦА

I.

Шерлок Холмс только что возвратился из сыскного отделения, куда его вызывали по одному очень запутанному делу, когда его кухарка Анна подала ему маленький, изящный конверт.

– Барышня какая-то без вас приходила, – пояснила она.
– Вас не застала, так оставила записку.

– Раньше она бывала у меня? – спросил сыщик, разглядывая совершенно незнакомый почерк на конверте.

– Нет, не бывала, кажись! По крайности я не знаю! Очень просила исполнить их просьбу... Видно, горе большое у бедненькой! – ответила со вздохом Анна.

– Почему ты так думаешь?

– Да уж больно бледненькая... и глаза словно наплаканы.

Говорит, а голосок так и дрожит.

– Давно была?

– С полчаса назад.

– Ну ладно, ступай!

Оставшись один, Холмс вскрыл письмо и прочел:

«Умоляю вас уделить мне несколько минут. Мне указали на вас; говорят, вы сможете помочь мне. Зайду через час. Если вам будет некогда, то назначьте время.

Ольга Николаевна Морашева».

Шерлок Холмс еще раз прочитал письмо, повертел в руках и, положив его на стол, уселся на диван, взяв в руки недочитанную газету.

Сначала он прочел передовицы и телеграммы и принялся было за провинциальный отдел, как вдруг в переднейбрякнул звонок.

– Вероятно, она! – подумал сыщик.

Действительно, через минуту вошла Анна и таинственно шепнула:

– Эта самая барышня! Звать, что ли?

– Ну, конечно! – ответить Холмс.

В комнату робко вошла хорошенькая девушка, лет двадцати, очень бледная, с красивыми голубыми глазами, как-то наивно и робко смотревшими из-под длинных, темных ресниц. Одета она была со вкусом, очень опрятно, но не богато.

Из драгоценных вещей на ней виднелась только бронзовая брошь и недорогое колечко.

Переступив порог, она вдруг смешалась и покраснела, словно ее поймали на месте преступления.

Холмс быстро встал ей навстречу.

– Я вижу, вы очень стесняетесь! – заговорил он ласково.

– Но уверяю вас, что это совершенно лишнее! Я с удовольствием выслушаю вас и помогу чем в силах.

– Спасибо вам! – тихо проговорила девушка. – Значит, вы выслушаете меня?

Сыщик улыбнулся.

– Садитесь и рассказывайте, – произнес он ласково.

Девушка откинула нетерпеливо упрямую прядь волос, упавшую ей на лоб, села в кресло и заговорила.

II.

«Как вы уже знаете из оставленного мною письма, меня зовут Ольгой Николаевной Морашевой.

Отец мой – чиновник, служит в министерстве и, в настоящее время, получает сто пятьдесят рублей в месяц.

Он сам виноват, что карьера его остановилась.

У него были сильные связи, сам он происходит из очень хорошей семьи, получил воспитание в лицее и у него были все шансы, чтобы сделать великолепную карьеру. Даже средства у нас были.

Но... отец всегда вел чересчур беспутную жизнь. Первую свою жену – мою мать – он бросил и она умерла в бедности, а вторую жену буквально вогнал в гроб побоями.

Он вечно кутил, водил компанию с разными темными личностями, совершенно забросил порядочное общество, и немудрено поэтому, что скоро все отвернулись от него.

Если его до сих пор еще не выгнали со службы, то единственно ради того, что начальники его и некоторые влиятельные лица еще помнят дедушку и... ради меня.

Мне теперь девятнадцать лет.

С отцом у меня всегда были очень недружелюбные отношения.

Я не могу ему простить отношения к покойной матери, а он попросту ненавидит меня.

Вы спросите, конечно, почему же я с ним живу?

Я могу только одно ответить: не живи я с ним, он давно погиб бы, а мне... как-никак жалко его.

Он не сознает этого и всегда считал меня обузой.

Конечно, не с материальной точки зрения, так как я зарабатываю уроками не меньше семидесяти пяти рублей в месяц, а трачу на платье не более двадцати пяти. Значит, остальные пятьдесят рублей идут целиком на хозяйство.

Но... я ему в тягость, так как он не может превратить свой дом в вертеп.

Лишь только мне исполнилось шестнадцать лет, как он принялся твердить мне, что хорошо было бы мне выйти поскорее замуж.

Он рад был отдать меня кому угодно, лишь бы отвязаться от меня.

Но я не чувствовала ни к кому любви и поэтому не торопилась.

Так шло дело до нынешнего года.

В этом году я встретила случайно, у одной из подруг, с одним молодым человеком, неким Николаем Николаевичем Гариным.

Коротко говоря, мы полюбили друг друга.

Гарин недавно кончил блестяще университет по медицинскому факультету, состоит теперь младшим ординато-

ром при клинике, имеет уже порядочную практику и подает большие надежды.

Когда я объявила отцу о своем решении выйти замуж, он страшно обрадовался.

Он познакомился с моим женихом, стал расхваливать меня и, за его спиной, сильно напирал на меня, чтобы я поторопилась свадьбой.

Я и сама торопилась, но все-таки, по моему расчету, свадьба могла состояться не раньше полугода, так как я хотела заготовить себе побольше белья и платья, чтобы не быть на первое время в тягость мужу.

И вдруг, словно по волшебству, все изменилось.

С месяц тому назад, отец пришел домой сильно озабоченный.

Взглянув на меня как-то странно, он заперся в своей комнате и целый вечер не выходил из нее.

На следующий день он заговорил о моей будущей свадьбе, но это был совершенно новый тон.

К моему величайшему удивлению, он стал высказывать мне свою отцовскую любовь, говорил, что не ценил меня до сих пор и оценил лишь теперь, что потерять меня для него равносильно потере жизни и все в этом духе.

На следующий раз повторилась та же история, на третий день – тоже.

Затем он вдруг начал говорить, что мне еще рано выходить замуж, что я слишком молода, не знаю жизни, одним словом, все стал говорить навыворот.

Видя, что эти разговоры на меня не действуют, он стал выдумывать про моего жениха разные пакости, стараясь опорочить его в моих глазах, и кончил на днях тем, что заявил мне, что этой свадьбе не бывать и что он не отдаст меня за Гарина.

Я стояла на своем, он – на своем, и между нами завязалась упорная борьба.

Отец два раза менял места жительства, вероятно, чтобы затруднить наши свидания, но мы продолжали видеться.

Несколько раз я ловила его взоры, полные ненависти, устремленные на меня.

Господи! Хотя бы я знала причину! Хотя б могла объяснить себе эту странную перемену!

Но сколько он ни старался, я упорно стояла на своем, заявив ему раз навсегда, что его не послушаю и замуж выйду во что бы то ни стало.

Это был ужасный вечер! Отец кричал, ругал меня неблагодарной, грозил мне!

После целого вечера крика, он заперся в своей комнате и я слышала, что, часов в двенадцать ночи, он куда-то ушел.

На следующее утро с ним произошла новая метаморфоза.

Он явился ко мне и объявил, что всю ночь думал обо мне, о своем ко мне отношении, о всей моей жизни и решил не препятствовать мне ни в чем. Это было вчера утром.

Но взгляд его далеко не светился лаской.

Он вообще старался не глядеть на меня, но когда взгляд его падал на меня, я читала в нем прежнюю ненависть.

Что-то с ним произошло! Я чувствую, что он что-то затевает против меня или против любимого мною человека, я всем сердцем чувствую опасность, но я бессильна предотвратить ее, потому что не знаю, с какой стороны ее ждать! Об этом я рассказала теперь не только вам, но и Нату Пинкертону и жду от вас помощи».

III.

Девушка умолкла и с тоскою поглядела на Шерлока Холмса. Знаменитый сыщик слушал ее с глубочайшим вниманием.

Во все время рассказа он не проронил ни слова, сидя с опущенной головой и скрещенными на груди руками.

Но когда молодая девушка кончила рассказ, он поднял на нее свой загадочный взор.

— Итак... вчера утром он переменял свой курс? Вероятно, он снова высказывал благоволение к вашему жениху? — спросил он.

– Вы угадали. Он несколько раз повторял, что Гарин имеет будущность и таким зятем можно гордиться, – ответила девушка.

– Не предлагал ли он справить мировую?

– Он об этом говорил вчера вечером.

– В чем же состояло его предложение?

– Он просил позвать к нам Гарина...

– Когда?

– Послезавтра, в среду.

– Не знаете ли вы, куда ходит ваш отец на службу?

Девушка назвала адрес.

– И ходит он все время аккуратно? – спросил сыщик.

– Кажется, да. Только он стал уходить раньше, а приходиться позже.

– И продолжает пить?

– В том-то и дело, что он давно бросил пьянство! Он даже говорит про то, что за два месяца скопил немного денег и...

– Что еще? – спросил живо сыщик.

– Он... он говорил, что на эти деньги выиграл восемьсот рублей и купил себе какую-то избушку, стоящую вроде усадьбы отдельно, верстах в пятнадцати от Петербурга.

– Не говорил ли он относительно поездки туда?

– Мне... мне кажется, что он имеет в виду пригласить меня с женихом послезавтра именно туда.

– Не звал ли он туда вас одну?

– Звал.

– Почему же вы отказались?

Девушка смутилась.

– Трудно объяснить вам... – проговорила она задумчиво.

– Боюсь я отца... Не доверяю ему...

– И как он принимал ваши отказы?

– Он очень сердился.

Сыщик глубоко задумался.

Несколько минут он сидел, не говоря ни слова.

Наконец он встал, несколько раз прошелся по комнате и, остановившись против девушки, серьезно произнес:

– Не бойтесь ничего. Помните, что я день и ночь буду за вашими плечами. Если отец ваш пригласит вас в свое новое имение, поезжайте! Если будет говорить, что вам следует прежде поехать одной с ним, чтобы к приезду жениха привести все в порядок, не отказывайтесь. Поняли вы меня?

– Поняла, – тихо ответила девушка.

– Если произойдет что-нибудь подозрительное... Впрочем, нет! Доносите мне через посыльного обо всем. Где вы живете?

– На углу Загородного и Серпуховской, в четвертом этаже, квартира 20, дом № 6.

– Есть ли поблизости какая-нибудь чайная или трактир?

– Есть дешевая столовая на Загородном. Это два шага от нас.

– Прекрасно. В таком случае направляйте посыльного туда. Говорите ему, чтобы он передавал письма Федорову. Это буду я.

Успокоенная девушка крепко пожала руку сыщику и, поблагодарив его, вышла.

IV.

Проводив гостью, сыщик взглянул на часы.

Было около двух часов.

– Еще успею! – подумал он, вставая.

Он надел пальто, сунул на всякий случай в карман револьвер и направился в ту канцелярию, в которой служил Николай Дмитриевич Морашев, отец Ольги Николаевны.

Войдя в швейцарскую, он подзвал одного из служителей.

– Николай Дмитриевич Морашев на службе? – спросил он.

– Никак нет, – ответил служитель, – они уже недели три как не ходят.

– Значит, совсем вышел?

– Нет-с, говорили, что они месячный отпуск получили.

Служитель вдруг приятно осклабился и добавил:

– Чиновники сказывали, будто они наследство изволили получить, так теперь хлопочут.

Поблагодарив служителя, Холмс вышел на улицу.

– Так вот оно что! – думал он, шагая по улице. – Не ходит? Значит, ходит куда-то еще?

Но куда?

Это надо было узнать...

– И что это за наследство? – продолжал раздумывать сыщик. – Почему дочь ни единым словом не намекала на него? Когда он его получил?

Конечно, полиция должна была знать про это.

Во всяком случае, он получил извещение или через полицию, или через нотариуса.

Взяв извозчика, Холмс поехал в сыскное отделение.

Там он взял телефонную книгу и часа полтора вызывал целый ряд номеров.

Когда он вышел из телефонной будки, лицо его имело очень довольный вид.

Он подозвал своего друга, доктора Ватсона, и, поговорив с ним несколько слов, вышел вместе с ним.

От сыского они пошли на Загородный и, найдя ту столовую, про которую говорила Ольга Николаевна, заказали себе поесть.

– Так помните! Если мне придется отлучиться, вы должны будете дежурить здесь и получать письма на имя Федорова. Историю барышни вы знаете. Если понадобится немедленная помощь, действуйте сообразно вашему усмотрению. Хотя я не думаю, чтобы он рискнул на какой-либо серьезный шаг здесь, в городе.

И, помолчав немного, он добавил:

– Сейчас вы станете у ворот их дома. Завяжите дружбу с дворником или просто скажите, что вы агент сыского отделения, и узнайте от него все относительно Морашева. Нельзя ли узнать, где он купил хутор? Подробно расспрашивайте и дайте дворнику полтинник. Справьтесь, когда он уезжает, когда приходит домой и т. д.

Выслушав инструкцию Холмса, доктор Ватсон удалился. Прошло около часу. В столовую вошел посыльный и спросил, нет ли здесь г-на Федорова.

Приняв письмо, Холмс прочел:

«Папа крайне ласков. Утром, в то время, когда я была у вас, купил вина и много закусок. Предлагал, как вы и предсказывали, проехать завтра с ним на хутор, сделать кое-какие приготовления. Там, по его словам, послезавтра состоится наше обручение. Недавно он куда-то уехал, сказав, что вернется поздно, так как с обручением у него много хлопот. Ольга Морашева».

– Прекрасно! – пробормотал Шерлок Холмс, пряча письмо. Скоро возвратился и доктор Ватсон.

Он принес очень ценные сведения.

Сев рядом с Холмсом, он заговорил:

– Блондин, русая борода, усы длинные, пушистые, над правой бровью родинка. Рост средний, телосложение – крепкое, обыкновенно носит светло-серую фетровую шляпу. Сегодня уходил из дому утром, затем вернулся с кулками и, побыв немного дома, снова уехал...

– Верно! – подтвердил Шерлок Холмс. – Из вас, дорогой Ватсон, вышел бы прекрасный сыщик!

– А вы откуда знаете? – удивился Ватсон.

– Я получил уже часть этих сведений. Но... продолжайте. Куда он поехал?

– Дворник слышал, как он нанимал извозчика.

– Ну...

– Он торговал его туда и обратно, объясняя дорогу так: за Старую Деревню, по тому же шоссе. Не доезжая деревни Луковицы, с полверсты свернуть налево и там в версте находится усадьба.

– Чудесно! – воскликнул Шерлок Холмс. – Итак, будьте здесь, а я поеду.

– Куда?

– Именно туда.

Пожав руку доктору Ватсону, Шерлок Холмс вышел из столовой и вскочил на трамвай.

Через три четверти часа он был уже в Новой Деревне.

Тут он сторговал извозчика до деревни Луковицы и обратно, выбрав лошадь порезвее, и покатил по шоссе.

Проехав Новую Деревню, они въехали в Старую Деревню и затем выехали за пригороды Петербурга.

Резвая лошаденка быстро несла пролетку.

Но не доезжая Луковицы с полверсты, сыщик остановил извозчика.

— Отъезжай в Луковицы и подожди меня у края деревни! — приказал он, оставляя на пролетке свое пальто. — Если долго пробуду, прибавлю.

Он дал извозчику полтину на харчи и направился по дороге, идущей налево.

V.

Между тем, Нат Пинкертон тоже не дремал.

Он усиленно работал по делу Морашевой, бегая с утра до вечера по городу.

Подобно Шерлоку Холмсу, он узнал всю жизнь Морашева, его положение по службе и о полученном наследстве.

— Наследство? — пробормотал задумчиво американец. — Гм... это чего-нибудь да стоит!

И он опрометью бросился в сыскное отделение.

— Что за наследство получил Морашев? — спросил он в справочном отделении.

— Сейчас справимся! — ответили ему.

Действительно, через час он получил справку.

Николай Дмитриевич Морашев наследства не получал, но зато дочь его, действительно, получила наследство.

Получив этот ответ, Нат Пинкертон бросился к дому, в котором жил Морашев.

С изумительной ловкостью выведал он от дворников о таинственных поездках Морашева.

С этого дня он стал усиленно следить за ним.

Переодевшись простым босяком, он фланировал перед его домом и, когда тот выходил, следовал за ним, старательно записывая номера извозчиков, которых тот нанимал.

Было утро...

Переменив костюм босяка на костюм приличного мастерового, Нат Пинкертон стоял на своем наблюдательном посту.

Вдруг он увидел, как Морашев вышел из дому и подозвал извозчика.

Моментально американец нанял другого и, когда Морашев поехал, он тронулся за ним, держась на приличной дистанции.

Он видел, как Морашев последовательно зашел в винный и гастрономический магазины и, наконец, остановил извозчика около аптеки.

– Гм... зачем ему аптека? – подумал сыщик.

И, слезши с извозчика, он подошел к аптеке, словно человек без дела.

Через несколько минут Морашев вышел из аптеки и, сев на извозчика, скомандовал:

– Домой!

Американец не преследовал его.

Дав ему скрыться, он вошел в аптеку.

– Сейчас сюда заходил русский господин. Мне желательно знать, что он брал у вас. Я агент сыскной полиции,— сказал он провизору.

– А ваше удостоверение? – спросил тот.

– Извольте! – ответил сыщик, показывая свое удостоверение.

Просмотрев его, провизор сделал озабоченное лицо.

– Этот господин заказал сильный яд, – произнес он.

– По рецепту?

– Да.

– Покажите рецепт! – потребовал сыщик.

Рецепт был подан.

Это был правильный рецепт, написанный по-латыни и подписанный доктором Курковиусом.

– Получил он уже заказ? – спросил сыщик.

– Нет. Он сказал, что заедет за ним завтра утром.

– В таком случае, приготовьте требуемое! – приказал Пинкертон. – Рецепт спишите, а подлинник отдайте мне.

– Слушаю-с, – ответил провизор.

Он быстро списал рецепт и отдал оригинал американцу.

– Яд выдать? – спросил он.

– Да, – ответил сыщик и бросился вон из аптеки.

Узнав в адресной книге адрес доктора Курковиуса, Пинкертон полетел к нему.

Доктор был дома.

Назвав себя, Нат Пинкертон показал ему рецепт.

– Скажите, доктор, от какой болезни прописали вы это средство? – спросил он.

Доктор взглянул на рецепт и сделал удивленные глаза.

– Я не прописывал его! – сказал он.

– А почерк?

– Немного похож на мой, но не особенно.

И он показал сыщику несколько бумаг, писанных его рукой.

– Гм... да, это подделка! – воскликнул Пинкертон.

И, поблагодарив доктора, бросился из комнаты.

– Завтра ты от меня не уйдешь, негодяй! Ведь я знаю твою берлогу.

Придя домой, он получил письмо.

Это писала барышня Морашева, извещавшая его о завтрашней поездке в усадьбу отца.

– Прекрасно! – прошептал сыщик. – Мы будем поджидать вас.

И едва забрезжило следующее утро, как он опрометью помчался к усадьбе, адрес которой он знал.

Подъехав к усадьбе, он отпустил извозчика и, забравшись в самый отдаленный угол чердака, стал ждать.

Сквозь щель крыши он прекрасно видел дорогу.

VI.

Едва успел Холмс пройти по дороге, извивавшейся среди молодого леса с полверсты, как до него донесся топот копыт и стук экипажа.

Сыщик бросился в сторону и спрятался среди молодых деревьев.

И это было как раз вовремя.

В ту же минуту мимо него проехала извозчичья пролетка, на которой сидел блондин с русой бородкой и пушистыми усами, в светлой фетровой шляпе.

Вид его был очень озабоченный.

Дав пролетке скрыться, Холмс выскочил из засады и быстро пошел дальше.

Скоро он и увидел усадьбу.

Это была простая, но только хорошая и просторная деревенская постройка, принадлежавшая раньше, вероятно, богатому крестьянину.

Изба в две половины и хозяйственные постройки были обнесены высоким забором.

Подойдя к воротам, Холмс постучал.

Но на стук не явился никто.

Тогда сыщик принялся стучать изо всех сил.

Со двора донесся яростный собачий лай, похожий на вой.

Но по-прежнему никто не шел отворять.

Пробившись понапрасну минут пятнадцать, Холмс подошел к забору, подпрыгнул и в один момент очутился на заборе.

Яростный лай несся из запертого на всякий замок сарая.

Двор был просторный, обнесенный с трех сторон постройками.

Недолго думая, Холмс соскочил внутрь двора и обошел его кругом.

Дверь в дом была со двора, но она была заперта на висячий замок. Конюшня и скотник были пусты, ледник был тоже заперт.

Кроме большой избы, во дворе стояла еще маленькая, вероятно, для рабочих, но она была отперта и совершенно пуста.

Подойдя к дому, сыщик заглянул в окна.

Изба состояла из большой чистой горницы, сеней и другой горницы, тоже просторной, в которой стояла русская печь.

Была кое-какая мебель.

В одной комнате стояла кровать, комод, стол и два стула, в другой – два стола, три длинных скамьи и несколько стульев.

На печке виднелась незатейливая утварь, а на сковородке – обеды колбасы и яиц.

Но сколько ни присматривался Шерлок Холмс, ничего подозрительного он не заметил в доме.

Итак, единственное, что приковывало внимание, – была собака, спрятанная в сарае.

Почему она была спрятана?

Если в доме не жили, а лишь наезжали в него, собаке было бы полезнее быть во дворе, где бы она могла стеречь дом.

Но что она могла сделать, сидя в запертом сарае?

Эти вопросы все время занимали мозг великого сыщика, когда он, покончив с осмотром двора, снова перелез через забор и направился назад по дороге.

VII.

Дойдя до поворота, он свернул к Луковицам.

Там он без труда нашел извозчика, сидевшего в чайной.

Воспользовавшись этим, он сам сел за стол и потребовал себе яичницы, попросив заодно сбегать мальчика в «казенку» за водкой.

Незаметно он завел разговор с хозяином.

И наконец, словно невзначай, спросил:

– А этот хутор, который, коли отселя ехать с полверсты и свернуть, направо, слышно, барин купил?

– Это Евтихиеву-то заимку? Как же! Барин Морашев.

– Видали его?

– Видал, – ответил хозяин. – К нам каждые четыре дня один раз заходит. Чудной!

– А что?

– Колбасу он у нас берет. Коли свежей нет, так самую тухлую берет, только непременно чтобы тонкая да длинная была... хомутом связана. Должно, собак ею кормит, потому, рассказывают, у него есть! А уж зачем собаке непременно такую, а не эдакую, этого не понимаю.

И хозяин развел руками.

– Барская дурь! – пренебрежительно бросил сыщик, выпивая рюмку водки и закусывая яичницей.

– Известно! – ответил хозяин.

Выпив половину, Холмс отдал остальную водку извозчику.

Благодаря этому они летели назад словно угорелые.

Доктора Ватсона Шерлок Холмс застал в столовой.

– Вам письмо! – сказал он, подавая ему письмо.

Это было письмо от Ольги Николаевны, что она завтра утром в одиннадцать часов едет с отцом на хутор, а перед этим зайдет к нему, Холмсу.

Прочитав записку, Холмс посмотрел на доктора Ватсона.

– Вы хорошо стреляете? – спросил он.

– Из ружья – хорошо, – ответил тот.

– А есть оно у вас?

– Есть.

– В таком случае приходите ко мне завтра к восьми часам утра, с ружьем и патронами, заряженными картечью. А пока – пойдемте спать.

VIII.

Проснувшись на следующий день часов в шесть утра, Шерлок Холмс быстро оделся, осмотрел свое охотничье ружье и револьвер, набил несколько патронов картечью и сел пить чай.

К восьми часам подоспел доктор Ватсон и они стали разговаривать, сидя за чайным столом.

– Главное, обращайтесь внимание на него самого и на собаку! И в случай надобности бейте! – давал наставления Холмс.

В это время позвонили.

Это пришла Ольга Николаевна.

– Раненько! – воскликнул Холмс, пожимая ей руку. – А мне это на руку. Кстати, мне хотелось бы дать вам кое-какой совет.

– Я за ним и пришла, – ответила девушка.

– Так слушайте меня внимательно. Во-первых, дайте тайно знать г-ну Гарину, чтобы он приехал за вами на хутор к трем часам дня. Только дайте знать без ведома отца.

– Зачем это? – спросила девушка удивленно.

– Этого я вам не отвечу, – улыбнулся сыщик. – Затем, когда приедете туда, не подходите к сараю, где находится собака.

– Какая собака?

– Там есть очень злая собака, запертая на замок. Ни за что не подходите к этому сараю, да и вообще старайтесь не выходить из избы. Вот и все. А теперь идите... Я не объясню пока ничего.

Девушка вышла.

Лишь только дверь закрылась за ней, Шерлок Холмс быстро произнес:

– Хорошо, что у нас так много времени впереди! Ну, товарищ, идемте! Медлить нельзя! Да не забудьте оружие!

С этими словами они взяли чехлы с винтовками и вышли из дому.

Как и раньше, до Новой Деревни доехали трамваем.

Оттуда наняли извозчика на целый день, доехали с ним до поворота, приказали ему ехать в Луковицы, а сами пешком, словно охотники, направились к хутору.

Подойдя к нему, Шерлок Холмс стал внимательно осматривать со всех сторон забор.

– Гм... так... – бормотал он. – Вот здесь очень хорошо!

Он подозвал Ватсона и сказал:

– Вы, по первому моему сигналу, кинитесь сюда. Здесь огромная щель... Наблюдайте вон за тем сараем, где воеет собака, и бейте ее или хозяина, смотря по надобности. А пока, давайте обойдем всю постройку.

– Вот здесь буду стоять я! – проговорил Холмс. – Тут мне удобно будет наблюдать и за сараем и за внутренностью избы. Вообще и вы наблюдайте за ней. Помните, если хозяин вздумает выйти за ворота, прячьтесь вон в этот бурьян. А теперь засядем-ка в него!

Оба они отошли от постройки и спрятались в бурьяне.

Ждать им пришлось около часу.

Но вот, наконец, к воротам хутора подъехала извозчицья пролетка.

Морашев высадил из нее свою дочь, вынул несколько корзин и, сунув рублевку кучеру, приказал:

– Езжай в Луковицы, а сюда приезжай к семи.

После этого он отпер ворота и вошел во двор вместе с дочерью, неся в руках корзины.

Извозчик уехал.

Лишь только отец с дочерью вошли в дом, как оба сыщика, выскочив из бурьяна, бросились на свои наблюдательные посты.

Собака в сарае неистово выла.

Холмс видел, как Морашев улыбнулся и показал дочери на дверь сарая.

Затем они вместе стали развязывать корзины.

Между прочими вещами Морашев вынул несколько колбас.

Отрезав от одной из них большой кусок, он подал его дочери и что-то сказал, указывая на сарай.

Девушка сделала испуганный жест и замахала руками. Отец пожал плечами и стал выкладывать остальные продукты.

Затем он подал ей ключ, что-то сказал и указал на ледник, отстоявший от сарая с собакой – сажень на двадцать.

Она кивнула головой.

Между тем, отец, видимо, чего-то беспокоился.

Движения его были порывисты, улыбка – кривая.

Рассортировав провизию, девушка разложила ее по корзинам и, взяв одну из них, пошла к леднику.

В ту же минуту Морашев тоже вышел во двор.

Он прошел несколько шагов и остановился.

Между тем, девушка установила первую корзину и вернулась за второй.

И в тот момент, когда она вошла в дом, отец одним прыжком подскочил к сараю и отпер замок.

Глаза его сверкали, как у тигра, весь он дрожал.

Ничего не подозревая, Ольга Николаевна вышла из дому со второй корзиной и пошла к леднику.

Но едва успела она пройти половину двора, как Морашев быстро открыл сарай.

В ту же секунду огромный, худой пес, словно стрела, вылетел из него.

Рука Морашева вытянулась по направлению к дочери.

Страшное рычание вырвалось из пасти голодного животного.

Шерсть на его спине ошетичилась, весь он съежился и вдруг гигантскими прыжками устремился на девушку.

В ту же секунду два выстрела грянули из-за забора и животное покатилося по земле, обливаясь кровью.

Девушка вскрикнула, обернулась и без чувств упала на землю.

Сам Морашев словно остолбенел.

Схватившись за сердце, он стоял неподвижный и бледный, опираясь спиной о сарай.

И вдруг глаза его широко открылись, из груди вырвался хрип и он грохнулся на землю.

Холмс и Ватсон бросились к нему.

И в ту же минуту Нат Пинкертон чуть не кубарем ска-
тился с чердака и бросился к ним.

– Мистер Холмс! Что вы наделали? – крикнул он недоу-
мевая.

– А! Мистер Пинкертон! Вы немного опоздали! – отвечал
Холмс.

Между тем, Ватсон нагнулся над лежавшим.

– Мертв, – произнес он наконец. – Вероятно, разрыв
сердца! Да... это для него лучший исход!

И, бросив мертвеца, все трое бросились к девушке.

Несколько глотков вина из фляжки вернули ей сознание.

– Я жива? – спросила она, дрожа от страха.

– Живы и невредимы, – ласково ответил Холмс. – Ваш
отец готовил вам смерть, но умер нечаянно сам.

И видя, что девушка ничего не понимает, он стал объяс-
нять.

– Да, да... ваш отец готовил вам смерть от зубов голод-
ной собаки... Я мельком взглянул в сарай, где она сидела,
и понял все. Он долго дрессировал ее, нарочно купил даже
усадебу, чтобы не было свидетелей! Он морил собаку по 4-5
дней без еды, затем сделал чучело, одевал это чучело в
ваше платье и, надев ему на шею круглую колбасу, спускал
на него голодную собаку. Голодное животное перерывало
горло чучелу и получало награду. Впоследствии он, вероят-
но, натравливал ее на чучело без колбасы и, когда живот-
ное, по привычке, разрывало пополам соломенное горло,
оно получало корм от хозяина. Сегодня он хотел лишь при-
вести в исполнение давно задуманный план...

– Боже! За что? За что он искал моей смерти? – прошеп-
тала девушка, бледная как полотно.

– Чтобы получить наследство после вас!

– От меня? Наследство?

– Да. Восемьдесят три тысячи рублей, – произнес, улы-
баясь, знаменитый сыщик.

– Ничего не понимаю! – прошептала девушка.

– А, между тем, это так просто. Ваша бабушка оставила
вам наследство. Нотариус Познеев прислал вам уведом-
ление, но оно попало в руки вашего отца, который скрывал

это от вас, расписавшись за вас. У него явилась мысль овладеть этим богатством самому. Сначала он воспротивился вашему браку, так как вместе с ним деньги навсегда уплывали от него. Но, видя, что вас не переспорить, он решил истребить вас, так как он является прямым наследником. Вот и все. А теперь пойдите в избу и успокойтесь. Сейчас сюда приедет ваш жених.

– Черт возьми! – воскликнул с досадой Нат Пинкертон.

– А я ожидал, что он отравит сегодня свою дочь!

– Как так? – удивился Холмс.

Американец подробно рассказал, в чем дело.

– Давайте пошарим в его карманах! – предложил он.

Морашев был обыскан.

И действительно, яд оказался при нем.

– Я говорил! – торжественно воскликнул Пинкертон.

– Да, я с вами согласен! – улыбаясь, победоносно ответил Холмс. – Этот яд он пустил бы в ход в случае неудачи с собакой. Но... если бы мы ждали вашего отравления, то девушка была бы уже растерзана ужасной собакой.

И, обернувшись к Ватсону, он добавил:

– Пойдемте пока в комнату! А труп пусть лежит до приезда следователя.

Нат Пинкертон прикусил губу.

Но делать было нечего.

Холмс победил его и на этот раз, а потому приходилось покориться и молчать.

ЭКСПРОПРИАТОР

I.

– ... и, конечно, он был прав...

На этом отрывке наш разговор прекратился, так как в это время вошедший лакей объявил Шерлоку Холмсу, что какой-то господин непременно хочет видеть его.

– Кто такой? – любопытствовал Шерлок Холмс.

– Право, не могу знать. Господин, должно быть, служит на железной дороге, потому что форма похожая.

– Хорошо, проси! – сказал Холмс.

Через несколько минут в нашу комнату вошел невысокого роста господин, с жиденькой, белокурой бородкой и каким-то странным взором.

Судя по форме, он был железнодорожным служащим.

– Простите, что побеспокоил вас, – заговорил он просительным тоном. – Но обстоятельства так сложились для меня, что я готов беспокоить самого Бога, не только человека.

Это невольно вырвавшееся признание вызвало веселую улыбку на лице Холмса.

– Право же, проще побеспокоить меня, чем забираться так высоко! – ответить он.

– Очень, очень вам благодарен! – быстро проговорил пришедший. – Простите, я не назвал еще своей фамилии! Имею честь рекомендоваться: начальник станции Куракино, Московско-Курской железной дороги, Петр Иванович Дрягин.

– Очень приятно! – ответил Холмс. – Милости прошу, присаживайтесь и рассказывайте ваше дело. Только помните, что я не люблю лишних фраз...

– Какие уж тут фразы!

– Главное, рассказывайте сжато, не упуская нужных делу подробностей.

– Мое-то дело все в трех словах состоит! – воскликнул убитый горем начальник станции. – Попросту, меня ограбили!

– Кто и как?

– Экспроприатор или экспроприаторы! Ведь как чисто дело обделали! Ничего разыскать нельзя! А ведь если не отыщутся деньги, меня под суд, и службу поминай как звали! Я пятнадцать лет на этой самой дороге служу, у меня жена, дети...

В его голосе послышались рыдания.

– Я вас попрошу успокоиться! – посоветовал Холмс. – Нервничание не приведет ни к чему.

Начальник станции немного успокоился.

Он выкурил папиросу, выпил воды и, опустившись в кресло, стал рассказывать.

II.

«Произошло это три дня тому назад.

Я только что отправил курьерский поезд и, войдя в кассу, стал подсчитывать деньги, которые я должен был в этот день вечером сдать артельщику.

Было часа три дня.

Подсчитав деньги, я разбил их на четыре части: кредитки, золото, серебро и медь.

А затем упаковал их в четыре небольших ящичка.

Всего было три тысячи девятнадцать рублей.

Ящичек с бумажками и ящичек с золотом я спрятал под стол.

А два ящичка: с серебром и медью, оставались еще на столе.

В это время ко мне в кассу вошел мой знакомый купец Федюков, с которым я жил в большой дружбе, и пригласил меня выпить с ним в буфете бутылочку красного вина.

Я подумал.

До ближайшего поезда оставалось три часа и, следовательно, времени у меня оставалось достаточно.

Отчего, думаю, не выпить с приятелем?

Пошли.

Я запер кассу, оставив серебро и медь на столе.

В общей сложности там было тысяча семьсот рублей. Около двухсот рублей меди и немного более полутора тысяч серебром.

Попили мы вина, посидели.

Ну, так, вероятно, с час.

Федюков расплатился и ушел, а я снова пошел в кассу, чтобы проверить еще раз итоги.

Подхожу – касса заперта.

Пробую ключом, дверь не отворяется!

Что такое?!

Ну, думаю, замок испортился.

Сейчас же послал за слесарем.

Тот пришел, поработал немного и открыл дверь.

Вошел я в кассу, посмотрел первым делом на стол, да так и ахнул!

Ни коробки с серебром, ни с медью!

Сперва я даже глазам не поверил.

Засунул, думаю, куда-нибудь, да и забыл!

Давай я шарить, обшарил все помещения кассы, коробки с золотом и кредитками нашел на том же месте, на котором те и стояли, а коробки с серебром и коробки с медью так и не нашел!

Поднял я тревогу.

Прибежали жандармы, стали шарить, ничего не нашли и дали знать следователю.

Тот в свою очередь сейчас же протелеграфировал в Москву и Тулу, чтобы следили за проезжающими.

Вероятно, железнодорожник жандармские власти в Москве дали знать о случае московскому сыскному отделению, так как, спустя некоторое время, мы получили из Москвы телеграмму, в которой сообщалось, что к нам едет знаменитый американский сыщик Нат Пинкертон, который проездом на юг, по просьбе начальника сыскной полиции, заедет

на некоторое время на нашу станцию и просмотрит мое дело.

Обрадовался я страшно.

Действительно, через несколько часов после получения телеграммы приехал Нат Пинкертон.

Он и посейчас там, да только дело что-то не клеится.

Вот я и решил поехать к вам, да умолять вас именем детишек распутать мое несчастное положение...»

III.

Начальник станции замолк и с мольбой взглянул на Шерлока Холмса. Тот смотрел на него, улыбаясь своей доброй, загадочной улыбкой.

– Много ли времени прошло с момента преступления до сей поры? – спросил он.

– Почти сутки, – ответил Дрягин. – Если хотите точно, двадцать два часа.

– А давно ли приехал следователь?

– Часов через пять после открытия преступления.

– А сколько пассажирских поездов прошло в ту и другую сторону с момента грабежа, до приезда следователя?

– Два. По одному в ту и другую сторону.

– Сколько времени езды от вас до Москвы и до Тулы?

– До Москвы три часа, а до Тулы – два.

– А скоро ли отходит к вам ближайший поезд?

– Через полчаса, – ответил Дрягин, взглядывая на часы.

– В таком случае, надевайте, дорогой Ватсон, ваше пальто, – сказал Холмс, взглядывая на меня.

Я кивнул головой и, захватив лишь дорожную сумочку и револьвер, вышел в переднюю, куда пришли и Холмс с Дрягиным.

Втроем мы вышли на улицу, позвали извозчиков и поехали на курский вокзал.

До поезда оставалось минут пять, когда мы приехали на вокзал. Быстро взяли мы билеты, сели в вагон и поезд тронулся.

Всю дорогу Холмс расспрашивал Дрягина о служащих на станции Куракино, особенно о низших, интересуясь даже их интимной жизнью.

Время за этой беседой прошло незаметно, и мы не успели оглянуться, как приехали на место.

На станции жизнь текла обычным чередом.

Но и сыск велся своим чередом.

Нат Пинкертон был тут и я сразу узнал его крепкую, высокую фигуру, которую я уже два раза видел раньше.

– А! Мистер Холмс и мистер Ватсон! – приветствовал он нас.

Мы пожали друг другу руки.

– Ну, что нового? – спросил Шерлок Холмс, подходя к американцу.

– Сторож Авсеенко арестован! – ответил тот. – Но... он пока не сознается.

– Вы напали уже на след?

– Да. И надеюсь, на правильный. Деньги, без сомнения, находятся спрятанными где-нибудь здесь, на станции, и в скором времени мы возвратим их потерпевшему.

– Слава тебе Господи! – вздохнул Дрягин и виновато добавил:

– А я вот и господина Шерлока Холмса на помощь пригласил!

– Ну, что же, – с немного насмешливой улыбкой ответил Нат Пинкертон. – Русская пословица гласит, что ум хорошо, а два еще лучше!

И, обернувшись к Шерлоку Холмсу, он проговорил:

– Вы, вероятно, интересуетесь осмотреть помещение кассы?

– Да, конечно, – ответил тот.

– В таком случае, могу сказать вам, что в нем не сдвинута ни одна вещь после момента совершения преступления.

– Это хорошо.

– Вас проводить? – предложил Дрягин.

– Пожалуйста!

Вместе с Холмсом мы прошли в зал третьего класса и подошли к двери кассы.

Сначала Холмс внимательно осмотрел саму дверь.

– Дайте мне отвертку! – попросил он через минуту.

Сторож, стоявший тут же, исполнил приказание.

Взяв отвертку, Шерлок Холмс отвернул замок, затем совершенно разобрал его и осмотрел.

– Дверь была отперта заранее подобранной отмычкой, – сказал он. – Загиб этой отмычки был немного длиннее, чем нужно. Благодаря этому испортился замок. Внутри замка ясно видны царапины и ссадины. Ну-с, посмотрим дальше!

Холмс снова собрал замок, ввинтил его на место и, отворив дверь, вошел в помещение кассы.

Я остановился у двери, не желая стеснять его в движениях.

В кассовой комнате царил беспорядок.

Всматриваясь в каждую щель, в каждую бумажку, Холмс обошел всю каморку.

Особенно долго осматривал он окно и лежавшие на нем бумаги.

На этом окне я заметил, кроме нескольких листов бланков, толстую ответную книгу, развернутую на половине.

Вероятно, что-то очень сильно заинтересовало его в этой книге, так как он долго и пристально разглядывал ее.

Но вот, наконец, он оторвался от нее, раскрыл осторожно окно, выходящее на платформу, осмотрелся вправо и влево и, втянувшись снова в комнату, запер окно.

После этого он вышел из комнаты кассы и снова запер за собою дверь.

Дрягин следил с любопытством за всеми его движениями.

– Ну что? – не вытерпел он наконец.

IV.

– Самая обыкновенная кража. Вор вошел в кассу посредством отмычки. Он сильно торопился, – заговорил Шерлок Холмс, – и поэтому не обратил даже внимания на ящички под столом, в которых хранились бумажные и золотые деньги. Схватив то, что попало ему на глаза, он спешно открыл окно, поранив при этом немного руку, оглянулся за окно и, вскочив на подоконник, выскочил в окно и скрылся, воспользовавшись тем, что в это время на платформе никого не было.

Шерлок Холмс немного помолчал, еще раз внимательно осмотрел подоконник и продолжал:

– Одной ногой он наступил прямо на эту книгу. Сапоги у него с подковками...

– Почему? – спросил я.

– На бумаге остался след подковки от каблука.

Он указал мне на вмятый в бумагу след и добавил:

– При этом на этой ноге подковка у него сломана.

– Вы думаете?

– Да. Зарубка круто обрывается на этом месте.

Окончив осмотр, мы направились снова к Нату Пинкер-тону.

Его мы застали, на этот раз, в ресторанном зале, куда он пошел утолять свой голод.

Мы сели рядом.

– Ну что? – спросил американец Холмса.

– Преступление самое обыкновенное! – ответил Холмс.

– Вор, проследив, что Дрягин ушел в буфет, отпер дверь...

– Заранее принесенной отмычкой... – словно продолжал его речь Нат Пинкертон.

– Совершенно верно! – подтвердил Холмс.

Американец улыбнулся.

– Хотите, я расскажу вам все ваши выводы? – предложил он.

Холмс, улыбаясь, кивнул головой.

– Отмычка была немного велика... – заговорил Пинкертон.

– Верно!

– Поэтому замок испорчен!

– Правильно!

– Он вошел и, сильно торопясь, не заметил ящичков, спрятанных под столом.

– И это так.

– Затем он схватил ящики с медью и серебром, отворил окно...

– Так, так...

– И выпрыгнул из него.

– Правильно!

– Наступив ногой на книгу...

– Так...

– Обут он был в обувь с подковками...

– Чудесно.

– Итак, наши выводы одинаковы? – улыбаясь, спросил Нат Пинкертон.

– Совершенно одинаковы, – согласился Шерлок.

И, помолчав немного, он спросил:

– Вы, кажется, говорили, что нашли уже преступника?

– Да.

– И кто он?

– Станционный сторож Авсеенко.

– Какие улики говорят против него?

– Слишком веские для того, чтобы сомневаться!

– А именно?

– Во-первых, в этот час он должен был находиться на платформе...

– А он?

– Он не оказался на своем месте.

– Где же он был?

– Его нашли дома.

– Дома?

– Да, и притом сильно пьяным.

– Так.

– Один из телеграфистов уверяет, что приблизительно в то время, когда совершена была кража, он видел его проходившим по платформе и пьяным.

– Значит, он напился раньше?

– Вероятно, для храбрости.

– Дальше!

– Во-вторых, против него говорят его сапоги.

– А именно?

– Он носит сапоги с подковками.

– У него, вероятно, порезана рука и сломана подковка?

– задал вдруг вопрос Шерлок Холмс.

– Совсем нет.

– Неужели?

– Я вас уверяю! – ответил удивленно Нат Пинкертон. – Я осматривал его самым подробным образом и не нашел ни того, ни другого.

Лицо Холмса приняло сосредоточенное выражение.

– Вы хорошо осматривали его? – спросил он.

– Хорошо.

– Так-с... Ну, а скажите, пожалуйста, где находится в настоящий момент преступник?

– Авсеенко?

– Да.

– Он арестован.

– Здесь?

– Здесь!

– В таком случае, хотел бы повидать его, – попросил Шерлок Холмс. Нат Пинкертон пожал плечами.

– Если угодно! – произнес он, и едва заметная улыбка скользнула по его губам.

– В таком случае, пойдете, дорогой Ватсон! Жандарм нас проводит, – сказал Холмс, обращаясь ко мне.

Он вежливо раскланялся с американцем и мы вышли из буфетного зала.

Подозвав жандарма, Шерлок Холмс показал ему свое удостоверение и попросил проводить нас к месту предварительного заключения Авсеенки.

Жандарм беспрекословно исполнил его требование.

Мы вышли со станции, прошли в поселок и вскоре очутились перед местным волостным правлением. В этом доме было арестное отделение и Шерлок Холмс прямо прошел туда.

По приказанию жандарма, стражник отпер камеру, в которой содержался сторож.

Мы вошли.

Авсеенко, невзрачный, вихрастый мужиченко, сидел в углу на скамейке.

Голова его была низко опущена, руки сжимали одна другую.

И весь его вид представлял картину величайшего уныния.

На грохот двери он поднял голову.

И вдруг робко поднялся с места.

– Ты Авсеенко? – спросил его Холмс.

– Так точно! – хрипло ответил сторож.

– Ну, так вот что, Авсеенко! – заговорил Холмс. – Как же это ты, с таким честным лицом, и вдруг пошел на такое пакостное дело?

Сторож вдруг бултыхнулся на колени.

– Батюшка, спаси! – завопил он.

– Как спасти? – строго спросил Холмс.

– Не виноват я! Не брал я никаких денег! – душу надрывающим воплем разразился сторож.

– Встань! – приказал Холмс.

Он повиновался.

– Ведь улики против тебя? – сказал Холмс.

– Выслушай меня, барин! – простонал Авсеенко.

– В чем дело?

– Сделай милость, выслушай!

– Ну, говори.

Сторож несколько минут собирался с мыслями.

Он переминался с ноги на ногу.

Чесал в затылке.

Мычал.

И, наконец, довольно сбивчиво заговорил.

V.

- Был я в этот проклятый день дежурным...
- По вокзалу? – спросил Холмс.
- Да. Поезд, значит, отправили, а мне домой понадобилось...
- Зачем? – спросил Холмс.
- Брат ко мне из деревни приехал. Ну, думаю, до следующего поезда еще три с лишним часа... Делать нечего в пустом вокзале, дай, думаю, пробегу.
- Он сопнул носом и продолжал.
- Прихожу домой, а брат уж и водочки с закуской приготовил. Я пью мало. Хмелею я быстро! Стал было отказываться, а он уговаривает.
- Авсеенко тряхнул головой.
- Ну, не выдержал и выпил! Сперва одну рюмку, потом другую, ну, и пошла писать.
- И нализался?
- То-то! Напился и заснул.
- А на станцию пьяный ходил?
- Нет, не ходил, барин!
- Как же, говорят, что видели тебя!
- Врут, барин, врут, – застонал мужиченко слезливо. – Все на меня наврали! Опутали меня кругом словно темным лесом, а я из него и выбраться никак не могу!
- Ну, ну, говори дальше! – серьезно произнес Холмс.
- Да что же говорить-то?
- Все, что было!
- Заснул значит я, вдруг слышу, будят. Вскочил – гляжу, жандарм и этот сыщик высокий...
- И тебя арестовали?
- Связали и повели.
- Авсеенко махнул безнадежно рукой и договорил:
- Стали допрашивать! А что я скажу? Мне говорят, что я ограбил, а я отродясь чужой копейки не брал! Как же это так?

Физиономия Авсеенки выражала такую неподдельную искренность, что положительно невозможно было поверить, что этот человек был грабитель.

Видимо, и Холмс думал то же самое.

И когда он задал ему следующий вопрос, голос его звучал мягко и ласково.

– У тебя одни сапоги?

– Одни-с! – ответил, недоумевая, сторож.

– А старые?

– Старые уже давно продал.

– Кому?

– Татарину. Махметка тут ходит к нам, старыми вещами торгует.

– А давно ты ему их продал?

– Да с месяц тому назад!

– И не врешь?

– Чего же мне врать-то? – с недоумением и некоторой обидчивостью произнес сторож. – Я, барин, в жисть свою никогда не врал, так и теперь врать не буду. Да коли хотите, то и спросить можете! Он тут неподалече в крайней избе живет и всех нас знает.

– А ну-ка, сними свои сапоги! – приказал Холмс.

Авсеенко разулся и протянул свои сапоги Шерлоку Холмсу.

Внимательно осмотрев их, Холмс произнес:

– Подковки-то целы!

– Целы, батюшка, целы!

– Ну, а теперь покажи мне руки.

– Чего? – не понял мужик.

– Руки покажи!

Авсеенко протянул Холмсу свои грубые, покрытые мозолями руки.

Одну за другой Холмс осмотрел их до локтя.

Но и этот осмотр не удовлетворил его.

– Разденься-ка, братец мой, совсем, догола! – приказал он сторожу. Тот снял, ни слова не говоря, рубаху, потом сапоги, штаны и портянки и через несколько минут он стоял перед нами в костюме праотца Адама.

Шерлок Холмс приказал внести лампу и, освещая со всех сторон, стал тщательно осматривать все тело опешившего сторожа.

Наконец он отставил лампу.

И, посмотрев прямо в глаза сторожу, он сказал:

– Ни одного пореза.

– Чего изволили сказать, батюшка? – удивленно спросил Авсеенко, ничего не понимавший, что кругом его творится.

– А то, братец мой, что я начинаю убеждаться в том, что ты совершенно не виноват в этом деле! – весело пояснил ему Холмс.

Мужик хотел было что-то сказать, но душевное волнение его было настолько велико, что он не мог выговорить ни слова и вместо слов вдруг кинулся Холмсу в ноги.

– Ну, будет, будет! – сказал Холмс, поднимая его с пола и ставя снова на ноги.

– Отец родной, милостивец! – воскликнул Авсеенко.

От этой сцены у меня выступили на глазах слезы. Шерлок Холмс был тоже взволнован.

Он ласково потрепал мужика по плечу, окинул его ласковым взглядом и мягко сказал:

– Ну, братец, потерпи немного! Вот я примусь за дело и тебя живо выпустят на свободу.

И, не ожидая ответа, он повернулся к нему спиной, дал мне знак следовать за собой и мы вышли из камеры.

Дверь за нами снова затворилась.

VI.

– Ну, что вы думаете об этом стороже, дорогой Ватсон? – спросил меня Шерлок Холмс на улице.

– Думаю, что сторож не виноват! – ответил я искренне.

– И я тоже! Нат Пинкертон попал на ложный след, вернее, чересчур поспешил со своим умозаключением и через это ввел в беду несчастного мужика, неповинного и честного.

Мы молча шагали по улице.

– Вы ведь поняли, Ватсон, в чем тут дело? – спросил он меня после недолгого молчания.

– Не совсем! – ответил я.

– Личного убеждения, конечно, было бы далеко недостаточно для оправдания арестованного..

– А отсутствие царапины?

– Вот это-то и есть то, что мне надо! Подковки на каблуках его целы! Это – раз.

– И царапины нет.

– Да. Это – два. По этим двум данным я вывожу положительный вывод, что Авсеенко невинен.

– Конечно!

– Воображаю, как удивится и будет смеяться в душе надо мною мистер Пинкертон, когда я объявлю ему эту неожиданную новость! – засмеялся Шерлок Холмс.

– Да, воображаю! – подтвердил и я.

Мы снова прошли несколько минут молча.

Шерлок Холмс казался погруженным в глубокую задумчивость и я не мешал ему своими расспросами.

– А знаете, преступление это совершено не иначе, как своим человеком! – сказал он вдруг.

– Вы думаете?

– Глубоко уверен в этом! – ответил Шерлок Холмс. – Все данные говорят за это. Во-первых, вокзал был пуст. В такие минуты каждое постороннее лицо делается заметным. Во-вторых, только свой человек мог знать, что Дрягин, готовившийся к отчетности, имел в кассе крупную сумму.

– Конечно! – согласился я.

– В-третьих, только свой человек мог проследить за тем, что Дрягин вышел из кассы, так как постороннего человека Дрягин заметил бы. Ведь ему негде было бы прятаться. Верно?

– Верно, – согласился я.

– Быстрота совершения преступления тоже указывает на это. Для такой быстроты требуется, чтобы человек прекрасно ориентировался в местности и расположении помещений, а тот факт, что отмычка была подобрана заранее,

человеком, постоянно бывающим на вокзале, подтверждается тем, что подобрать отмычку в такой короткий промежуток времени положительно немислимо.

– Конечно, это правда.

Разговаривая таким образом, мы подошли, наконец, к станции.

Нат Пинкерто́н был еще там.

Мы подошли к нему.

– Ну что, коллега? – спросил он.

– Ничего! Повидал вашего мнимого экспроприатора! – весело ответил Шерлок Холмс.

Глаза американца презрительно усмехнулись и, не скрывая насмешки, он спросил:

– Почему же именно мнимого? Кажется, доказательства слишком убедительны!

– Как для кого, а для меня нет! – ответил Холмс. – Я настаиваю на том, что несчастный сторож ни душой, ни телом не виноват в преступлении, взводимом на него.

– Вот как?

– Да.

– В таком случае, желаю вам успеха в более удачном розыске. Что же касается меня, я не вижу причины изменять своего мнения, – сказал Пинкерто́н.

– Посмотрим, кто из нас будет прав и кто виноват! – улыбнулся Холмс.

– Посмотрим.

И, обернувшись ко мне, Холмс жестом пригласил меня следовать за собой.

– Где находится сейчас начальник станции? – спросил Холмс одного из сторожей.

– У себя дома.

– А квартира?

– Как раз против станции. Как выйдете, так прямо и идите в красный дом.

Мы пошли по указанию.

Дрягин был дома и встретил нас в гостиной, пережевывая обед.

– Мне хочется попросить вас об одной вещи, – начал Холмс.

– С удовольствием! – ответил тот.

– Только одно необходимое условие! То, что я попрошу, должно сохраниться в величайшей тайне.

– Конечно!

– Есть у вас зола?

– Зола?

– Да.

– Гм... я думаю, есть, – удивленно ответил начальник станции. – Вам много?

– С пуд.

– Это-то я наберу.

– В таком случае, будьте добры приготовить ее, просеять и, с наступлением темноты, доставить тайно на станцию. Затем вот еще что: в девять часов вечера вы потушите все лампы в зале первого класса, а около выходной двери, ведущей на платформу из этой залы, поставьте этот ящик. Затем соберите всех решительно служащих на платформе. Скажите, что я снимаю допрос, и пропускайте их в вашу квартиру так, чтобы они проходили с платформы через темный зал. Пропускайте их по одному и соберите их в таком месте, откуда они не могли бы видеть того, что происходит в зале. Один после другого пусть идут через три минуты. Замечайте очередь.

Проговорив это, Шерлок Холмс пожал Дрягину руку и вышел из его квартиры.

Лишь только наступила полная темнота, мы пошли с Холмсом на станцию.

Дрягин исполнил все.

Ящик с мелкой золой был на месте и зал был темен.

Взяв несколько полных пригоршней золы, Холмс густо насыпал ее около двери так, что зола образовала площадку величиной в квадратную сажень.

– Теперь, дорогой Ватсон, спрячемся за ящик!

Мы спрятались за ящик и стали ждать.

Прошло полчаса.

Наконец, дверь отворилась и через залу прошел один из служащих.

Когда он ушел, Холмс осветил золотую площадку потайным фонарем.

Следы сапог ясно выделялись на золе.

– Не то, – проговорил Холмс, быстро сравнивая золу и, потушив свет, снова спрятался за ящик.

Прошел второй, третий, пятый служащий.

И после прохода каждого из них Холмс делал то же самое.

Но вот, после прохода седьмого служащего, Холмс весело воскликнул:

– Посмотрите, Ватсон!

Я взглянул и ясно увидел след сапога с надломленной подковкой.

– Вперед! – крикнул Холмс.

Мы быстро пробежали через зал и в несколько прыжков очутились перед телеграфистом, беспечно шагавшим к квартире Дрягина.

– Ну-с, милейший, позвольте вас арестовать! – резко произнес Холмс, кладя руку на его плечо.

Молодой человек вздрогнул.

И в ту же минуту Холмс ловко защелкнул на его руках кандалы.

Поднялась тревога и вскоре вся станция, вместе с Натом Пинкертоном, собралась вокруг нас.

– А вот и царапина на руке! – весело сказал Холмс, осмотрев руки телеграфиста в квартире Дрягина. – Сознаться-ка, молодой человек!

Телеграфист Марков низко опустил голову и тихо прошептал:

– Черт попутал!.. Простите...

ВИНО ФИРМЫ МОРНСОН И К°

I.

Шерлок Холмс только что пообедал и, сев на диван, принялся за чтение вечерних газет, когда кухарка Анна доложила ему, что какой-то господин непременно хочет его видеть.

– Кто такой? – спросил сыщик, откладывая в сторону газетный лист.

– Назвались купцом Прохорновым... Говорят, по винной части, – ответила Анна.

Сыщик подумал.

– Да, верно... по винной части есть таковой, – пробормотал он.

И громко приказал:

– Проси.

В комнату вошел солидный мужчина с небольшой русой бородкой, очень прилично одетый.

Но хотя все и было на нем как на других, однако купеческая складка проглядывала во всем: и в походке, и в движении рук, и в самой манере носить костюм.

На вид ему было лет сорок пять.

Войдя в комнату, он поклонился Шерлоку Холмсу тем характерным поклоном, который так присущ русским купцам, выросшим за прилавком и привыкшим отвешивать всем посетителям свои трафаретные поклоны.

– Первой гильдии купец Савва Иванович Прохорнов, – проговорил он, рекомендуясь.

Говорил он баритоном, солидно и не спеша.

Сыщик поклонился в свою очередь.

– Извините, что побеспокоил... – заговорил купец. – Я знаю, вы народ занятой, так же как и мы...

– Ничего, ничего; я к вашим услугам! – перебил Холмс. И, указав рукой на кресло против себя, он пригласил гостя сесть.

- Благодарствуйте-с! – ответил тот, опускаясь в кресло.
- Вы имеете ко мне дело? – спросил сыщик.
- То-то, что дело! Только больно мудреное! Ну, да я буду говорить прямо, как понимаю!
- Это самое лучшее.
- Только бы секрет открыли, а я уж за ценой не постоял бы! Больно уж кусается!
- Кто кусается? – изумленно спросил сыщик.
- Конкуренция эта самая!
- Но... я попросил бы вас начать сначала, а потом уж говорить об условиях, иначе мы никогда не пойдем друг друга и потеряем много времени.
- Купец почесал в затылке, потом зачем-то потер ладонями по коленям и начал.

II.

- Я, видите ли, по винной части, как, вероятно, вы уже изволили слышать.
- Так!
- Здесь, в Петербурге, у меня имеется оптовый винный склад и два магазина.
- Это я тоже припоминаю.
- Так главное – то мое дело, это – оптовое. Магазины хоть и дают доход, но держим мы их больше для рекламы, потому что канитель с ними большая, а дело мелкое, тогда как мы – оптовщики и нам оно не совсем подходит.
- Ближе к делу! – посоветовал сыщик.
- Без этого нельзя-с! – ответил купец. – Так вот мы, как винные торговцы, конечно, имеем понятие в товаре. Мы выписываем вина из Франции, Испании, Италии и других стран, знаем цены и качество товара. Дела нашей, то есть моей фирмы, шли очень хорошо и другие оптовые торговцы не мешали мне. Правда, конкуренция была всегда, но она была не особенно чувствительна, потому что другие фирмы не могли продавать вина дешевле своих цен! Каж-

дый из нас имеет своих покупателей, сами мы покупаем одни и те же вина, по одной и той же цене, а значит и сами берем почти одни и те же цены с покупателей.

Купец на минуту остановился и затем продолжал:

– Есть у нас вина и своего разлива, некоторые из них мы сами сдабриваем, подмешиваем, только хороший покупатель сразу узнает фальшь, а нашего брата и окончательно не надуешь. Так вот-с, я говорю, дела мои шли очень хорошо, пока не народилась новая фирма «Морнсон и К^о».

– Он явился вашим конкурентом?

– То-то, что не простым конкурентом! – воскликнул купец. – Этого самого Морнсона я знаю давно.

– Он здешний?

– Здешний. Родился и вырос в Питере. Сначала он служил в оптовом винном складе Воробьева, затем долгое время ездил по России в качестве представителя нескольких иностранных фирм и считался хорошим дельцом. Получал он, как мне говорили, вместе с вырабатываемыми комиссионными процентами, рублей по шестисот в месяц и, в течение нескольких лет, сбил себе капиталаец.

– Большой? – спросил сыщик.

– Надо полагать – тысяч в двадцать пять. С этими деньгами он открыл свое дело.

– Винное?

– Да-с. Он воспользовался своими многочисленными знакомствами, заключенными во время его комиссионной деятельности, разослал циркуляры, дал несколько широковещательных реклам и открыл оптовую винную торговлю в Белоострове, на финляндской границе.

Купец еще раз остановился, закурил не спеша папиросу и степенно продолжал:

– Одновременно с этим он принял к себе в компаньоны известного жулика, купеческого сына Петра Васильевича Фомина, которому умерший незадолго перед тем отец оставил в наследство дело. Это дело Фомин продал за двадцать одну тысячу и пятнадцать тысяч вложил в дело Морнсона. Выходит, что оба они вместе вложили в дело тысяч сорок. И на эти деньги они развернули дело и стали прода-

вать вина по таким ценам, по которым мы, например, покупаем их на местах, плюс стоимость пошлины, но без провоза и барыша.

– То есть попросту стали конкурировать со всеми оптовыми фирмами?

– Со всеми решительно! Потому что ни одна из фирм не может продавать товар по таким ценам.

– И вы претендуете на них именно за это? – спросил сыщик с улыбкой.

– Конечно!

– Но мне кажется, что это их частное дело!

– Оно, конечно, дело их частное, если бы они теряли на этом!

– Так наверно и теряют?

– То-то, что подозрительно. В первые месяцы мы сами думали так и только посмеивались. Думали, прогорят и конец. Потому что совсем немисливо конкурировать со всеми разом. Этого и миллионная фирма не решится сделать!

– Но, может быть, они – американцы по натуре? Хотя... действительно странно пускаться на это с таким капиталом!

– Про то я и говорю! – подхватил купец. – Сначала-то и мы смеялись! Только проходит, это, полгода, проходит год, а они все не повышают цен. Многие из покупателей от нас отбились и все хвалят, в один голос, новую фирму. Собрались мы месяца три тому назад, самые крупные фирмы, стали обсуждать и вычислять. И знаете ли, к чему пришли эти самые вычисления?

– Это интересно!

– Кому как! Приблизительно мы знаем количество заборов тех покупателей, которые отпали от нас всех. Ну, и вычислили, что торговый дом «Морнсон и К^о», продавая только им одним, должен был потерять тысяч пятьдесят убытку. А если к этому прибавить покупателей, неизвестных нам, то сумма убытка должна возрасти тысяч до семидесяти пяти, а то и больше. Согласитесь, что это – более чем банкротство.

– Д-да! – согласился Шерлок Холмс. – Но ведь возможно, что тут существуют кредиты! Что фирма получает товар в кредит.

– Гм... кредит, известно, существует везде! Только в торговом мире в первый год не дадут в кредит на сто тысяч, у кого капиталу всего сорок.

– А разве капитал показывают?

– Ну, и в кредит зря не дают по первому абцугу! Да если бы я узнал, что мой покупатель, которого я кредитую, продает товар себе в убыток, я бы моментально прекратил ему кредит! Да тут дело не в том! При таких делах фирма должна была бы нуждаться в деньгах, а между тем в городе нет ни одного их векселя! Мало того: недавно фирма купила еще один огромный участок земли, а около оптового склада вывела еще две новых каменных постройки, ценою, по меньшей мере, тысяч в двадцать восемь! Да за участок заплатила наличными тридцать две тысячи!

– Да... это действительно странно! – словно про себя проговорил знаменитый сыщик.

– Еще бы, – воскликнул купец. – Там, где нужно давно разориться, эта фирма богатеет не по дням, а по часам. Недавно один мой приятель, тоже винный оптовик, был во Франции и просил одну фирму увеличить ему кредит. А они ему в ответ: – «Вы бы брали пример с фирмы «Морнсон и К^о»! Только за наличный расчет берут, хотя и забирают больше всех!» Понимаете ли? За наличный расчет! И больше всех! А?

Чем дальше рассказывал Прохорнов, тем внимательнее слушал его Шерлок Холмс.

История странной фирмы заинтересовывала его с каждой минутой все более и более.

– Так вот-с... с этим самым делом я к вам и пришел! – проговорил наконец Прохорнов. – Уж сделайте милость: откройте нам – в чем тут секрет! А уж мы так и решили, в случае успеха – в складчину вам семь тысяч выдать. По тысяче с фирмы. Вот, извольте, и обязательство. Потому что вы у нас по этому делу, ровно бы по частному найму будете!

С этими словами он вынул из кармана гербовую бумагу и протянул ее Холмсу.

Это был форменный договор с семью засвидетельствованными подписями.

– Мы и господина Пинкертона привлекли к делу, только с вас, думается, больше толку будет, – добавил купец.

Но знаменитый сыщик едва взглянул на бумагу.

Он несколько минут сидел, погруженный в глубокую задумчивость, и наконец спросил:

– Вы никогда не думали о контрабанде?

– Как не думать! – воскликнул купец. – Своих людей нарочно снаряжали, да только и следа нет! А о контрабанде-то мы думали, потому что на вина из Финляндии полагается пошлина. Нам и то подозрительным показалось: чего ради они устроили склад именно в Белоострове, на самой границе Финляндии!

Шерлок Холмс встал с места и несколько раз прошелся по комнате.

– Хорошо, – проговорил он наконец. – Я берусь за ваше дело, но с одним только условием.

– Заранее соглашаюсь, – радостно ответил Прохорнов.

– О том, что я взялся за дело, вы не должны говорить никому. В таких делах строгая тайна никогда не мешает.

– Помилуйте, – слегка обиженно проговорил купец. – Да разве мы не понимаем? Ведь не враги же мы самим себе!

– В том-то и дело.

– Значить, можно передать нашим...

– Что я взялся за дело.

Поблагодарив сыщика, купец простился и вышел.

III.

Оставшись один, Шерлок Холмс сел в кресло и минут пять сидел, не шевелясь и не подымая головы.

Затем он встал, подошел к письменному столу и долго рылся в какой-то справочной книге.

– Ведь, надо посмотреть самому, в чем там дело! – произнес он наконец громко.

Сделав несколько заметок в своей записной книжке, он вышел на улицу и первым делом зашел в сыскное отделение.

Тут он навел кое-какие справки о Морнсоне и Фомине и затем, не теряя времени, направился на финляндский вокзал. Взяв билет до Белоострова, он сел в первый поезд и через час был уже на месте.

– К винному складу «Морнсон и К^о»! – скомандовал он извозчику.

Пролетка переехала через железнодорожное полотно и покатила по направлению к морю.

Ехать пришлось порядочно.

Но вот, наконец, показались и постройки склада.

Это были фундаментальные каменные здания, обнесенные кирпичным, высоким забором.

Не доезжая сажен двадцати до ворот, Холмс остановил извозчика и, заплатив ему, пошел пешком. Будто гуляя, обошел он вокруг склада и тихим шагом направился на запад.

Вскоре ему попался навстречу таможенный стражник.

– Нет ли у вас спички? – спросил Холмс, подходя к нему. Спичка давала предлог заговорить.

Предложив стражнику папиросу, Холмс сказал несколько слов похвалы о постройках склада и незаметно перешел на разговор о границе.

– Должно быть, граница отсюда недалеко? – спросил он.

– А вот она! – указал стражник на небольшой ровик.

– Почему же нет часовых? – удивился сыщик. – Ведь эдак можно провозить что угодно!

Стражник усмехнулся.

– Зачем? – произнес он. – Часовые есть, только отсюда не видать! А только тут муха не пролетит незаметно.

– И не проносят?

– Мелочь – пуцай несут! Мы по карманам не шарим, а ежели что покрупнее, так это не пройдет.

– А чья это земля?

– Морнсоновская.

– До самой границы?

– Нет, дальше. Ихняя земля идет по берегу широкой полосой.

– Длинной?

– Версты четыре будет. Только не везде она к берегу подходит.

– А как? – полюбопытствовал сыщик.

– Да вот, к примеру, тут она от завода до моря идет. Это к югу. А к западу от завода тянется длинной полосой не по самому берегу, а отступя от него сажен на пятьдесят. А в конце, в Финляндии, эта полоса опять подходит к берегу.

– Богатый участок! – заметил сыщик.

– Богатый! – поддакнул стражник. – По делу и участок. День-деньской то к ним везут, то от них.

– Это вино-то?

– Конечно вино. Будьте здоровеньки!

Холмс не удерживал его.

В этот день он прошел весь участок Морнсона, побывал на морском берегу, обошел все окрестности и усталый вернулся поздно вечером домой.

Но в то время, как Шерлок Холмс так деятельно принялся за работу, Нат Пинкертон, король американских сыщиков, тоже не дремал.

Как только Савва Иванович Прохорнов рассказал ему свое дело, он тотчас же бросился в сыскное отделение, где навел самые точные справки о Морнсоне и его компаньоне.

К вечеру того же дня Нат Пинкертон уже совершенно определенно знал: кто из них и какими средствами обладал до начала торговли.

Просидев три вечера подряд над вычислениями, он направился в Белоостров.

Доехать до склада «Морнсона и К^о» – было для него делом нескольких минут.

Тут он слез с пролетки, отпустил извозчика и твердым шагом вошел в контору склада.

– Где я могу сделать заказ? – спросил он одного из конторщиков.

– Сию минуточку-с! – ответил тот быстро. – Господин Морнсон сию секунду выйдут сами.

Действительно, через несколько минут вышел сам хозяин. Конторщик что-то шепнул ему на ухо и он подошел к сыщику.

– Вы хотите дать нам заказ? – осведомился он.

– Да, на хорошие сорта вин, – ответил сыщик. – Я желал бы сделать пробы...

– О! к вашим услугам! Вам большая партия потребуется?

– Тысяч на восемь.

– Прекрасно! У нас вы получите товар гораздо дешевле и лучшего качества.

– Да, я слышал.

– Благодарю вас! Как видите, наша фирма успела-таки зарекомендовать себя в короткий срок.

– Очень рад! Значит, можно будет сделать пробы?

– Покорнейше прошу следовать за мною.

Следом за хозяином сыщик вошел в просторную, светлую комнату, уставленную разной величины бутылками.

– Вот-с, извольте вам преискурант! – сказал Морнсон, подавая ему книжку. – Выберите вина и я дам вам пробы.

Нат Пинкертон просмотрел каталог и назвал несколько марок.

Через минуту перед ним стояли несколько маленьких, пробных бутылочек, запечатанных и оклеенных бандеролями.

– Вы и пробные флаконы получаете из-за границы? – спросил сыщик.

– Как же-с!

Делая пробы, сыщик пытливым взором осматривал каждый уголок, каждую мелочь.

Но... вина были прекрасны, а подозрительного кругом не было ровно ничего.

– Вы не удивитесь, если я спрошу вас: каким образом вы можете торговать дешевле всех? – задал он вдруг вопрос в упор.

Морнсон весело улыбнулся.

– Многие спрашивают меня об этом, – ответил он. – Хотя, конечно, это наша торговая тайна, но я не особенно скрытен. Дело очень просто: русский купец любит брать на векселя, не любит платить тотчас по получении товара и ненавидит давать авансы. Мы же поступаем наоборот: если нам нужно товару на десять тысяч, мы посылаем двадцать, имея всегда крупные суммы за фирмами. Благодаря этому мы имеем большую скидку. А так как, благодаря нашему дешевому отпуску, оборот у нас в десять раз быстрее, чем у других, то мы с лихвой вознаграждаем себя за это одолжение фирмам.

– Вот оно что! – задумчиво произнес Пинкертон. – Вы разрешите мне взять с собою несколько пробных флаконов, для показа компаньону. Я заплачу за них.

– Об этом, пожалуйста, не беспокойтесь! – быстро ответил Морнсон, завязывая несколько бутылочек в бумагу. – Это такой пустяк, о котором мы никогда и не говорим.

С этими словами он подал пакет сыщику.

Пожав руку Морнсону, Пинкертон вышел из склада и направился на станцию.

V.

Дня четыре Шерлок Холмс не возобновлял своей поездки по финляндской железной дороге.

Казалось, что он совершенно бросил это дело.

Но зато он занимался теперь целые дни очень странной работой.

В его кабинете появилась целая коллекция вин, словно он собирался открыть буфет.

Тут же лежали спиртометры, стояли какие-то банки, склянки и чашки.

Иногда к нему, по его просьбе, заходил Прохорнов и они, запершись в кабинете, подолгу о чем-то беседовали.

Наступил пятый день.

Холмс встал рано и тотчас же принялся одеваться.

Но на этот раз он одевался не так, как обыкновенно.

Четыре дня он нарочно не брился и теперь его лицо, покрытое на подбородке, щеках и верхней губе короткой щетиной, напоминало лицо немецкого чернорабочего.

Костюм, который он надел, и выцветшая зеленая фетровая шляпа как нельзя больше подходили к этому лицу.

Слегка вымазав руки, он надел через плечо небольшую котомку, сунул в рот трубку и, еще раз взглянув на себя в зеркало, вышел из дому.

Доехав на извозчике до финляндского вокзала, он взял билет до Белоострова и, приехав туда, пешком направился к складу Морнсона.

Войдя во двор склада, где уже кипела работа, он спросил, где контора.

Ему указали.

Он прошел туда и спросил: не требуется ли тут работника?

Какой-то господин осмотрел его с ног до головы и спросил:

– Немец?

– Немец, — ответил сыщик, подделывая акцент.

– А чем раньше занимался? — спросил господин.

– Строил дома, копал землю, огородничал, — ответил с достоинством Шерлок Холмс. — Я спокойный человек и все умею.

Этот ответ, видимо, понравился господину.

Он обернулся к конторщику и произнес:

– У нас, кажется, уволен младший сторож в складочном помещении?

– Уволен, господни Морнсон! — ответил конторщик.

– Так попробуем этого. Я люблю немцев.

И, указав на Шерлока Холмса, он вышел из конторы.

Приказчик опросил Холмса, отобрал от него документ, предусмотрительно захваченный из сыскного отделения, и приказал ему явиться к его новому начальству, старшему кладовщику.

Дело было покончено, и сыщик вступил на службу в оптовый винный склад «Морнсон и К^о».

VI.

Не прошло и трех дней, как сыщик уже знал каждый уголок склада и вполне освоился с его жизнью.

Так как дни стояли теплые, то он целые дни проводил во дворе, где вскоре стал и спать.

Служба была не особенно утомительная.

Он завел знакомства, с некоторыми из рабочих завел даже дружбу и изредка выпивал с ними в ближайшем кабаке.

Как уже говорилось, он знал каждый уголок.

Знал он, что во дворе склада имеется всего один колодезь, а вскоре мог почти без ошибки сказать: сколько ведер воды выкачивается из него за день.

Он видел и пробовал каждую выезжавшую во двор бочку, определяя количество привозимого вина, и выстукивал каждую бочку, отпускаемую из склада.

Раза два в день на складе шла приемка.

Это принимали вино, привозимое из петербургской таможни, где оно оплачивалось пошлиной.

Бочки и бутылки с этим вином вкатывались в погреба и там сортировались.

Сыщик заметил, что в погреба имеют доступ лишь сами хозяева, да один полуидиот-чернорабочий, который изредка таскал туда воду и просиживал иногда там, вместе с хозяевами, по несколько часов.

Вероятно, они перекачивали там бочки с места на место.

Несколько раз обращался он с расспросами к этому рабочему, но тот лишь глупо, по-идиотски, улыбался и хмыкал носом.

Но сыщик не унывал.

Он продолжал настойчиво делать свои наблюдения, частенько вынимая осторожно свою записную книжку и делая в ней какие-то таинственные записи.

В свободные часы он присоединялся к рабочим, собиравшимся кучками, и тогда начинался разговор.

Конечно, говорили больше о складе, о хозяевах, а, главное, об их богатстве и удаче.

Некоторые из рабочих были коренные здешние жители, на их глазах развилось все дело и они служили центром внимания.

– Как тут не разбогатеть, когда ума у них хоть отбавляй! Да притом капитал, – сказал однажды один из таких рабочих. – Скажем, примерно, хоть про землю... Прежде эта земля совсем никудышняя была, а теперь глянь-ка !

– Чем же никудышняя? – заинтересовался сыщик.

– А тем, что полоска ихняя как раз по лужку идет, а в лужке болото было. Они и купили-то ее из-за этого за бесценок! А теперь ей цена раз в десять больше стала!

– А болото?

– И-и! Тут такая работа шла! Душ пятьдесят нас тогда работало...

– По осушке?

– Ну да! По всему, значит, ихнему участку трубы проложили, а от главной трубы – пять отводов к морю.

– Это как же так?

– А очень просто! Сначала прорыли мы сточные канавы, потом... ну, значит, как в городах под улицами идет! Вода через решетки стекает вниз... и в главную трубу. А из нее, по пяти трубам, в море. Понял?

– Понял – и высохло?

– Аль не видал? Небось мокроты теперь нигде нету.

Этот рассказ сильно заинтересовал сыщика.

– А где же эта труба идет? – полюбопытствовал он.

– А вон там, проходит под всем складом! Тут колено и отвод к морю. Выпьешь, что ли, сотку?

– Пойдем! – согласился Шерлок Холмс.

И они направились в ближайший трактир.

VII.

На следующий день Холмс попросился съездить в Петербург, якобы для того, чтобы захватить с собою остальные свои вещи.

Его отпустили.

Лишь только он очутился в своей квартире, как тотчас же кинулся к телефону.

Через час в его квартире собрались: купец Прохорнов, полковник пограничной стражи, один из крупных акцизных чиновников и околадочный надзиратель.

Никто не знал, зачем их вызвал знаменитый сыщик, и теперь все пристали к нему с расспросами.

Но Холмс, казалось, только изводил их, всячески увильвая от прямых ответов.

– Погодите, господа, погодите! Все узнаете в свое время, а теперь я могу сказать вам лишь одно: сегодня ночью вы будете свидетелями одного крупного дела, открытого мною. И это дело касается каждого из вас!

– Значит, вы нас куда-то потащите? – спросил полковник.

– Да. И я советую вам захватить с собою револьверы.

– Тыфу ты, черт возьми! – воскликнул акцизный. – Не прикажете ли еще переодеться?

– Обязательно! – сказал сыщик. – Я только что хотел сказать это! Ваши форменные костюмы совершенно не годятся для подобных походов! Они обратили бы на нас внимание и погубили бы все дело.

– Что же вы хотите?

– Чтобы все приехали к трем часам дня на финляндский вокзал, но одетыми в простое статское платье. Я буду ждать вас с хорошим запасом вина и закусок...

– Гм... недурно! – воскликнул полковник. – Надеюсь, мы попробуем того и другого?

– Конечно, – проговорил сыщик, улыбаясь. – Мы ведь едем на пикник.

– И надолго?

– Может быть, на всю ночь. На морском берегу теперь хорошо!

– Может быть, и лакеи будут?

– Да. Два переодетых жандарма будут нашими лакеями.

Сговорившись окончательно, сыщик выпустил гостей. Затем он забрал кое-какие вещи в узелок, в длинный пакет завернул четыре линемановских лопаты и короткий острый лом и, захватив эти вещи с собой, сел на извозчика.

По пути он заехал в гастрономический магазин, купил там вин и закусок и затем отправился на вокзал.

Компания уже ждала его.

Все были одеты в статское платье и лишь один Шерлок Холмс был по-прежнему в своем костюме чернорабочего.

Подойдя к Прохорнову, словно его рабочий, сыщик указал на привезенные вещи.

– Вот-с, тут... все, что приказали!

И, видя, что никто не обращает на них внимания, он быстро заговорил:

– Длинный тючок не раскупоривайте. Вина и закуски – вот в этих двух корзинах. Когда придете к складу Морнсона, то найдете себе местечко в рощице, против западной стены склада. Эта рощица находится шагах в двухстах от склада. Расположитесь в ней, словно приехали на пикник, разложите костер, раскупорьте корзину, пейте и закусывайте!

– А вы? – спросил купец.

– Я приеду в свое время!

С этими словами он взял свой узелок и отошел прочь.

VIII.

Нат Пинкертон недолго раздумывал.

– А ну-ка, проверим слова Морнсона! – сказал он сам себе с улыбкой.

И в тот же день в парижскую сыскную полицию полетела пространная телеграмма, в которой Нат Пинкертон убедительно просил узнать от главных виновных фирм: почему отпускают они товар Морнсону, как производятся последним платежи и какое количество вина высылается ему каждой фирмой.

– Черт меня возьми, если по этой ниточке я не распутаю весь клубок! – ворчал американец, сидя перед столом и продолжая свои вычисления.

Весь день прошел в ожидании.

Но вот вечером пришла, наконец, ответная срочная депеша из Парижа.

Сам начальник парижской сыскной полиции извещал в ней Пинкертона о нижеследующем :

«Фирмы наши делают фирме “Морнсон и К^о” лишь на 5 % скидки больше, чем остальным. Фирма “Морнсон и К^о” не платит авансов, но берет весь товар за наличные деньги. Товар отправляется частью на Петербург, но большая часть вин направляется фирме в Выборг».

Затем шел перечень количества вин, отправляемых всеми французскими фирмами – фирме «Морнсон и К^о».

Прочитав два раза депешу, Нат Пинкертон улыбнулся.

– Так-с, господин Морнсон! – проворчал он. – Значит, вы все лгали мне! Но зачем же вам отправлять все на Выборг? Уж не контрабандишкой ли вы промышленяете?!

Он сунул депешу в карман, накинул пальто и направился к Прохорнову.

– Дома? – спросил он горничную, входя в переднюю.

– Ах, это вы, господин Пинкертон! – воскликнула жена Прохорнова, входя в эту минуту в переднюю. – А муж недавно уехал.

– С кем? Куда?

– Он говорил, что Шерлок Холмс потребовал, чтобы он, вместе с жандармами и акцизным, немедленно приехал в Белоостров к складу.

– О, черт, – свирепо воскликнул американец. – Да неужели же я снова опоздал?!

И, наскоро простившись с хозяйкой, он бросился на финляндский вокзал.

IX.

Когда Шерлок Холмс вошел в ворота склада, было уже часов шесть с половиной.

Тот самый рабочий, который рассказывал ему про осушку, встретил его.

– Слушай, братец, а я сегодня гулять хочу! – сказал ему сыщик. – Да и дельце наклеивается хорошее. Вот, коли бы ты был свободен, так я и тебя бы прихватил. За ночь – пятерку заработать каждый может!

– Ну-у? – воскликнул тот. – А ты бы взаправду меня прихватил! Я освобожусь в семь часов.

– Что ж, пойдем! Только никому ни слова!

Работа в семь часов окончилась и сыщик, попросив одного из рабочих подежурить эту ночь за себя, вышел из ворот склада, в сопровождении товарища, Федора Сиднева.

– Где же работа-то? – спросил тот.

– Сейчас узнаешь! – ответил сыщик, направляясь к роще.

И лишь только они дошли до рощи, сыщик остановился.

– Слушай, Федор, – сказал он серьезно. – А ведь ты и я будем богаты!

– Да ну! – воскликнул рабочий.

– Верно тебе говорю! Тут на этой земле клад зарыт. Около той самой трубы, которую вы проводили!

– Буде болтать-то! – пробормотал недоверчиво Сиднев.

– Право слово! Вон там в роще господа сидят! Затем и приехали, а мне четверть клада обещали за помощь. Так и быть, из своей части я тебе треть уступлю, коли поможешь!

Глаза Сиднева так и загорелись.

– Чего ж не помочь! Разве от богатства кто отказывается!

– То-то же! Ты место знаешь, где труба проложена?

– Как не знать!

– Хорошо?

– Уж каждое колено знаю!

– Вот и прекрасно! Сегодня ночью и за работу примемся!

Подожди меня тут, а я сейчас прибегу.

Оставив товарища, сыщик пробежал в рощу.

Там, недалеко от опушки, сидела кутящая компания, весело попивая вино и перекидываясь шутками.

Увидав сыщика, все обрадовались.

– Наконец-то! – крикнул полковник.

Холмс приложил палец к губам.

– Помните: я вами нанят копать у дренажной трубы. За это мне – четверть клада. Я вернусь с работником. Сблизьтесь с нами.

Он снова возвратился к Сидневу и пригласил его следовать за собою.

А через минуту они уже присоединились к кутящей компании.

Сначала Сиднев стеснялся.

Но наступавшая тьма, да пара-другая стаканов вина – сделали свое дело.

А когда полковник заметил, что все они работают по одному и тому же делу, а значит, тут не может быть различия между барином и работником, — Сиднев совсем разошелся.

Кутеж продолжался часов до одиннадцати.

Кругом все спало, а склад казался совершенно безлюдным.

Отведя полковника в сторону, сыщик заговорил:

– Участок Морнсона тянется версты четыре на запад и обозначен двумя канавками, между которыми мы стоим. Сейчас же пусть жандармы двинутся на тот конец участка,

который за финляндской границей. По пути надо осматривать все. На том конце должна быть постройка, дача или еще что-нибудь. Пусть узнают: куда там привозят бочки, войдут в тот дом и арестуют всех. Ну, а мы – за дело!

Лишь только жандармы ушли, сыщик подошел к Сидневу.

– Ну, теперь показывай!

Развязав лопаты, они двинулись, все вместе, глубже в рощу.

После коротких поисков Сиднев остановился у одного пня.

– Отсюда шаг вперед! Этот пенек я помню! Вон об тот выступ я ободрал рубаху!

С лихорадочной поспешностью все принялись за работу.

Наконец, лопата Сиднева стукнулась о что-то твердое.

Это была толстая чугунная труба.

Схватив лом, сыщик несколько раз, изо всей силы, ударил по ней.

И осколки трубы полетели во все стороны.

Взяв фонарь, сыщик осмотрел внутри пробитую трубу и глаза его победоносно сверкнули.

– Ну-с, господа, готово! – произнес он торжественно. – Я исполнил свою миссию! Вы были правы, г-н Прохорнов, подозревая контрабанду. А я уверился в ней с первого же дня поступления в склад. Вычислявая все количество поступающего в склад и отпускаемого из него вина, я сразу заметил, что отпуск превышает в семь с половиной раз поступление. Мне оставалось думать, что привозимое вино разбавляется водой, сдабривается спиртом и увеличивается этим путем. Тогда я стал изучать: какое количество воды вычерпывается из колодца. И тут я стал в тупик. Количество воды, выкачиваемое из колодца, было таково, какое потребно лишь для питья рабочих, варки пищи и вообще для домашнего обихода. Кроме того, я видел, что в погреба воды носят мало. Значит, не могло быть и речи о том, чтобы вина разбавляли. Ежедневно в погреба поступало до двадцати четырех бочек, а отпускали из них до ста восьмидесяти. На склад привозили все время новые, пус-

тые бочки от бондарей. Очевидно, вино откуда-то бралось, потому что, если бы только пять дней продолжалось такое превышение вывоза над ввозом, то погреба бы опустели. А между тем я всегда видел их полными. И вдруг я узнал, что Морнсон, прежде чем строить склад, купил этот длинный болотистый участок, переходящий границу. Зачем он купил его весь, когда для склада достаточно было небольшого куска? Зачем он сразу стал осушать его не простыми канавами, а трубами, из которых главная идет через весь участок? Зачем построил он склад на границе и как раз там, где проходила труба? Вы понимаете, в чем дело? Через эту трубу из Финляндии проведено несколько тонких труб...

Он осветил внутренность проломанной трубы и присутствующие увидели штук восемь трубок по дюйму в диаметре, проложенных по дну большой трубы.

– Дайте стакан! – приказал сыщик. – Нет, несколько стаканов.

Он стукнул ломом по одной из трубок.

Из нее хлынула темная жидкость.

Он подставил стакан и, налив его, сначала понюхал, а затем попробовал.

– Чудная марсала! – сказал он, передавая полковнику стакан.

Он по очереди перешиб все трубки, наливая из каждой вина.

Сиднев стоял, разиня рот.

По очереди были испробованы: мадера, портвейн, малага, коньяк, ром и два сорта белого вина.

Фурор был необыкновенный.

Всем стало ясно: каким образом Морнсон мог продавать вино дешевле всех.

Вино, по трубкам, проходило через границу непосредственно в погреба, не оплачиваясь пошлиной.

Вдруг со стороны склада донеслись голоса.

– Тише! На землю! – скомандовал сыщик.

Вся компания притаилась.

Два человека, с фонарями в руках, шли очень тихо от склада к роще, освещая землю и тщательно осматривая ее.

– ... бывает, я вас уверяю! — донесся до сыщика голос одного из них.

– Ах, нет! — ответил другой с раздражением. — Телефонуют, что отпуск вин продолжается, а из труб ничего не идет! Очевидно, что-нибудь случилось с трубой!

В это время они подошли совсем близко.

– Что вы думаете? — спросил один из них.

– То, что мы все попробовали ваших вин! — грозно крикнул сыщик, подымаясь с места и выхватывая револьвер.

– Вы арестованы, гг. Морнсон и Фомин! Мы — полиция!

Не успели контрабандисты придти в себя, как крепкие ремни опутали их руки и вся компания направилась к складу.

* *
*

Вскоре сюда пришли и жандармы с четырьмя арестованными.

Это были приказчики фирмы, застигнутые в одном из домов по ту сторону участка, где они наливали в трубки вина, привезенные из Финляндии.

Все вместе, ведя за собою арестованных, они направились к вокзалу.

Но едва успели они выйти из рощицы, как перед ними выросла темная, худощавая фигура.

– Стой! кто идет?! — крикнул Шерлок Холмс, выступая вперед и подымая револьвер.

– Нат Пинкертон! — хладнокровно ответил американец, в свою очередь подымая револьвер. — С кем имею честь?

– Со своим старым знакомым Шерлоком Холмсом! Вы немного опоздали, коллега! — произнес англичанин.

Оба сыщика опустили револьверы и подошли друг к другу.

– Вы всегда становитесь на моем пути, мистер Холмс! – с легким раздражением произнес американец.

– Я не виновен в этом, коллега! – ответил Холмс.

Нат Пинкертон пожал плечами.

– Я знаю это, товарищ, но ведь и я человек, и я не лишен тщеславия.

И, пожав руку Холмсу, он присоединился к общей компании.

Оглавление

А. Шерман. Шерлок Холмс П. Орловца 7

Приключения Шерлока Холмса против
Ната Пинкертона в России

Тайна Фонтанки	11
Грабеж во время панихиды архиерея	46
Рынок женщин	75
Тайна отца	109
Экспроприатор	129
Вино фирмы Морнсон и К ^о	146

Книги издательства Salamandra P.V.V. 169

Книга П. Орловца «Приключения Шерлока Холмса против Ната Пинкертона в России» публикуется по изданию 1909 г. в новой орфографии, с исправлением опечаток и пунктуации.

Книги издательства Salamandra P.V.V.

Джозайя Флинт. Хобо в России. 108 с., илл.

Воспоминания американского писателя-бродяги Джозайи Флинта о путешествиях в Россию, Льве Толстом и жизни в Ясной Поляне, странствиях с русскими бродягами, столичной полиции и генерале Куропаткине. Первый перевод на русский язык.

А. Я. Гуревич. Москва в начале XX века: Заметки современника. 212 с., илл.

Написанные на склоне лет воспоминания А. Я. Гуревича, участника советской космической программы, живо рисуют облик навсегда ушедшей Москвы. Память автора сохранила драгоценные детали и приметы быта Москвы начала XX века.

Борис Херсонский. Новый Естествослов. 154 с., илл.

Новая книга известного поэта, автора более десяти поэтических сборников, содержит вариации на тему Естествослова-Бестиария и представляет собою поэтические переложения средневековых текстов.

Роман Шмараков. Под букowym кровом. 208 с., илл.

В этой книге доктор филологических наук и прекрасный переводчик античной поэзии Роман Шмараков представляет свои прозаические опыты – семь изысканных и стилистически безупречных новелл, действие которых переносит читателя из древней Греции в Германию XVIII века, Италию времен Ренессанса и Россию «дворянских гнезд» века девятнадцатого.

Дилан Томас. Собрание стихотворений 1934-1953. 258 с., илл.

Первый полный перевод на русский язык канонического собрания стихотворений одного из величайших английских поэтов XX в. Дилана Томаса, отобранного самим Томасом в качестве поэтического наследия. Переводы известного поэта и переводчика Василия Бетаки снабжены подробными комментариями и статьей о жизни и творчестве Томаса.

Кики. Мемуары Кики. 243 с., илл.

Самая знаменитая натурщица XX века, она вдохновляла Сутина и Модильяни, Фуджиту и Кальдера, Brassая и Пикабия, была возлюбленной Ман Рэя, подругой Жана Кокто и Макса Эрнста и удостоилась титула «королевы Монпарнаса». Первый русский перевод откровенных мемуаров Алисы Прен, прославившейся под именем Кики (1929), дополнен в нашем издании предисловиями Эрнеста Хемингуэя и Фуджиты, подробными комментариями и другими материалами, а также мемуарными отрывками, написанными Кики в 1950 г.

Редьярд Киплинг. Избранные стихи из всех книг. 331 с., илл.

Книга, подготовленная к изданию известным поэтом и переводчиком В. Бетаки, включает лучшие стихотворения Редьярда Киплинга из всех его книг в наиболее удачных поэтических переводах. Некоторые стихотворения представлены в двух-трех переводах. В книге есть и давно любимыишиеся русскому читателю пе-

реводы, и немало совсем новых. Многие стихотворения Киплинга, никогда не переведившиеся на русский язык, представлены в этой книге впервые.

Я. Эйхенбаум. Гакраб (Битва): Поэма о шахматной игре. 97 с., илл.

Первое откомментированное издание курьезной поэмы о шахматной игре просветителя и поэта XIX в. Я. Эйхенбаума, деда выдающегося филолога и литературоведа Б. Эйхенбаума. Рисуя сражение между армиями древних воителей Хебера и Коры, автор описывает ход эффектной шахматной баталии с неожиданной концовкой. Книга снабжена предисловием Б. Эйхенбаума.

В. Бетаки. В поисках деревянного слона: Облики Парижа. 284 с., илл.

Книга, рассказывающая об истории, архитектуре, искусстве и многоликом облике Парижа, родилась из цикла радиопередач, которые поэт Василий Бетаки вел в семидесятые-восемидесятые годы. «В поисках деревянного слона» – признание в любви к городу, где автор прожил более 35 лет.

Р. Шмараков. Овидий в изгнании: Роман. 590 с., илл.

В этом романе-фантастике прорабы и сантехники становятся героями «Метаморфоз» Овидия, летучие рыбы бьются насмерть с летучими мышами, феи заколдовывают города, юноши превращаются в соблазнительных девиц и подводные чудища сходятся в эпической баталии. Автор весело и безжалостно потрошит множество стилей и жанров от волшебной сказки и рыцарского романа до деревенской прозы, литературы ужасов, научной фантастики и «славянского фэнтэзи», соединяя гротеск с абсурдом, бытописание с безудержной фантазией, шутовство – с дерзкими и точными описаниями окружающего нас культурного хаоса.

Карко Ф. От Монмартра до Латинского квартала. 173 с., илл.

Жизнь богемного Монмартра и Латинского квартала начала XX века, романтика и тяготы нищего существования художников, поэтов и писателей, голод, попойки и любовные приключения, парад знаменитостей от Пабло Пикассо до Гийома Аполлинера и Амедео Модильяни и городское дно с картинами грязных притонов, где царствуют сутенеры и проститутки – все это сплелось в мемуарах поэта, романиста, художественного критика Франсиса Карко, лауреата премии Французской академии. В приложении – русские переводы некоторых стихотворений поэта.

Каганская Майя. Собрание сочинений. Т. 1-2.

Интеллектуальное мужество, блистательный стиль, головокружительная пляска культурных образов, пронизательный литературоведческий анализ в сочетании с неизменным остроумием и пристальным вниманием к мифологическим основам истории и культуры – таковы тексты выдающейся израильской эссеистки, литературного критика и публициста Майи Каганской. Разбросанные по многочисленным и часто малодоступным журналам, газетам и альманахам, сочинения М. Каганской впервые предстают перед читателем в виде единого, хотя и далеко не полного собрания.

Т. 1. Шутовской хоровод: Избранное 1977-2011. 382 с.

Первый том собрания включает «Эссе о времени», статьи о В. Набокове, М. Бахтине, В. Катаеве, М. Булгакове, А. Платонове, О. Фрейденберге, научной фантастике (С. Лем, бр. Стругацкие), воспоминания о Н. Мандельштаме, филологическую прозу «Седьмая повесть Белкина» и другие произведения.

Т. 2. Мастер Гамбс и Маргарита. 135 с.

Книга «Мастер Гамбс и Маргарита» (1984), виртуозное сопоставление романов И. Ильфа, Е. Петрова и М. Булгакова, была написана М. Каганской в соавторстве с филологом и литературоведом З. Бар-Селлой, известными работами, посвященными И. Бродскому, советской научной фантастике и загадке «Тихого Дона», автором исследования «Литературный котлован: Проект “Писатель Шолохов”».

Книги серии «Gemma magica. Материалы и исследования по истории магии и оккультизма»

Райские цветы, помещенные в седми цветниках. 80 с. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. I).

Первая книга серии «Gemma Magica. Материалы и исследования по истории магии и оккультизма» знакомит читателя с редкостным масонским изданием – переводом мистического шедевра XVII в. «Херувимский странник».

История доктора Джона Фаустуса. 40 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. II).

Впервые на русском языке – перевод народной книжки о знаменитом чародее и некроманте докторе Джоне Фаустусе, изданной в Англии в 1787 году.

Крата Репоа. 100 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. III).

Первое за почти 100 лет полное переиздание знаменитого трактата «Крата Репоа» – таинственной книги, которая оказала глубокое влияние на судьбы европейского и русского масонства

XVIII-XIX веков и стала «фундаментальным документом» европейской эзотерики в целом.

М. И. Попов. Описание древняго славенскаго языческаго баснословия, собраннаго из разных писателей, и снабденнаго примечаниями. 80 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. IV).

«Описание древняго славенскаго языческаго баснословия» (1768) одаренного писателя, поэта и переводчика М. И. Попова стало одним из первых сочинений, ре/конструировавших мифологический пантеон, демонологию и народную магию древних славян. С XVIII в. этот важный источник оставался труднодоступен для широкого читателя.

Артур Конан Дойль. Пришествие фей. 241 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. V).

Словно великий сыщик Шерлок Холмс, сэр Артур Конан Дойль, блестящий писатель и убежденный спиритуалист, расследует в этой книге историю с фотографиями фей, сделанными в первые десятилетия XX в. двумя девочками из глухой английской деревушки. Первый полный и откомментированный перевод на русский язык.

Джон Ди. Рог Венеры. Священная Книжица черной Венеры. 68 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. VI).

Первый русский перевод любопытного гримуара XVI века, чье авторство приписывается выдающемуся английскому ученому и эзотерику, советнику королевы Елизаветы I, герою многих книг и легенд Джону Ди. В этой магической книге рассказывается, как с помощью ритуала «Рога Венеры» вызвать демонов и заставить их повиноваться и разыскивать спрятанные сокровища.

Ильин А. Я. Из дневника масона 1775-1776 гг. 54 с. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. VII).

Дневник А. Я. Ильина – ценный исторический документ, рассказывающий о временах расцвета российского масонства и повседневной жизни и деятельности масонского мастера последней четверти XVIII столетия. Подготовленный к печати в начале минувшего века известным историком В. И. Саввой, дневник впервые за более чем 100 лет публикуется в полном объеме, с включением масонского шифра – «Литер ордена В.К.».

Гримуар заклинания духа места. 41 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. VIII).

Французская рукопись XVII века под названием «Гримуар заклинания духа места» в последнее время привлекает к себе растущее внимание. Этот необычный гримуар сочетает языческие и христианские мотивы с элементами народной карнавальской обрядности и традициями магико-гримуарной литературы, идею жертвоприношения с церемониальным ритуалом вызывания духов. «Гримуар заклинания духа места» впервые переводится на русский язык.

Книги серии «Библиотека авангарда»

Владимир Гольцшмидт. Послания Владимира жизни с пути к истине. 85 с., илл. (Библиотека авангарда: Вып. I).

Первое современное издание произведений «футуриста жизни» Владимира Гольцшмидта (1891? – 1957), поэта, агитатора, культуриста и одного из зачинателей жанра артистического перформанса. Основатель московского «Кафе поэтов» и создатель памятника самому себе, авантюрист и йог, ломавший о собственную голову доски во время выступлений, Гольцшмидт остался легендарной фигурой в истории русского футуризма.

Филиппо Томмазо Маринетти. Битва у Триполи (26 октября 1911 г.), пережитая и воспетая Ф. Т. Маринетти. 97 с., карта, илл. (Библиотека авангарда: Вып. II).

Основатель итальянского футуризма, неистовый урбанист и певец авиации и машин Филиппо Томмазо Маринетти – на фронте ита-ло-турецкой войны. Книга поэтической прозы «Битва у Триполи» в полной мере отразила как литературное дарование, так и милитаристский пафос итальянского футуриста. Переведенная на русский язык эгофутуристом и будущим лидером имажинизма В. Шершеневичем, «Битва у Триполи» не переиздавалась с 1915 г. и давно является библиографической редкостью.

Е. П. Радин. Футуризм и безумие: Параллели творчества и аналогии нового языка кубо-футуристов. 94 с., илл. (Библиотека авангарда: Вып. III). Факсимильное изд.

Наряду с острой критикой футуризма, понимаемого как мистическое течение, в книге содержится немало ценных наблюдений касательно ряда основных принципов футуристической креативности. Особое внимание автор, психиатр Е. П. Радин, уделяет творчеству В. Хлебникова, а также приводит многочисленные при-

меры текстов, рисунков и картин душевнобольных. В предисловии к факсимильному переизданию этой редкой ныне книги монография Радина (1914) рассматривается на фоне дискурса «вырождения» и «дегенерации» конца XIX – начала XX вв.

Обвалы сердца: Авангард в Крыму. 187 с., илл. (Библиотека авангарда: Вып. IV).

В книге полностью воспроизводятся четыре футуристических альманаха, выпущенных в Крыму в 1920-1922 гг. поэтом-космистом Вадимом Баяном (1880-1966) – «Радио», «Обвалы сердца», «Срубленный поцелуй с губ вселенной» и «Из батареи сердца». Альманахи В. Баяна, организатора и участника «Первой олимпиады футуризма» (1914) и «героя» одной из пьес В. Маяковского – любопытная и во многом уникальная страница в истории русского авангарда. Приложены воспоминания В. Баяна о «Первой олимпиаде футуристов» и отрывки из мемуарных текстов И. Северянина и Д. Бурлюка. Книга снабжена подробными комментариями и предисловием, в котором биография В. Баяна раскрывается на фоне авангардного движения 1910-1920-х годов.

